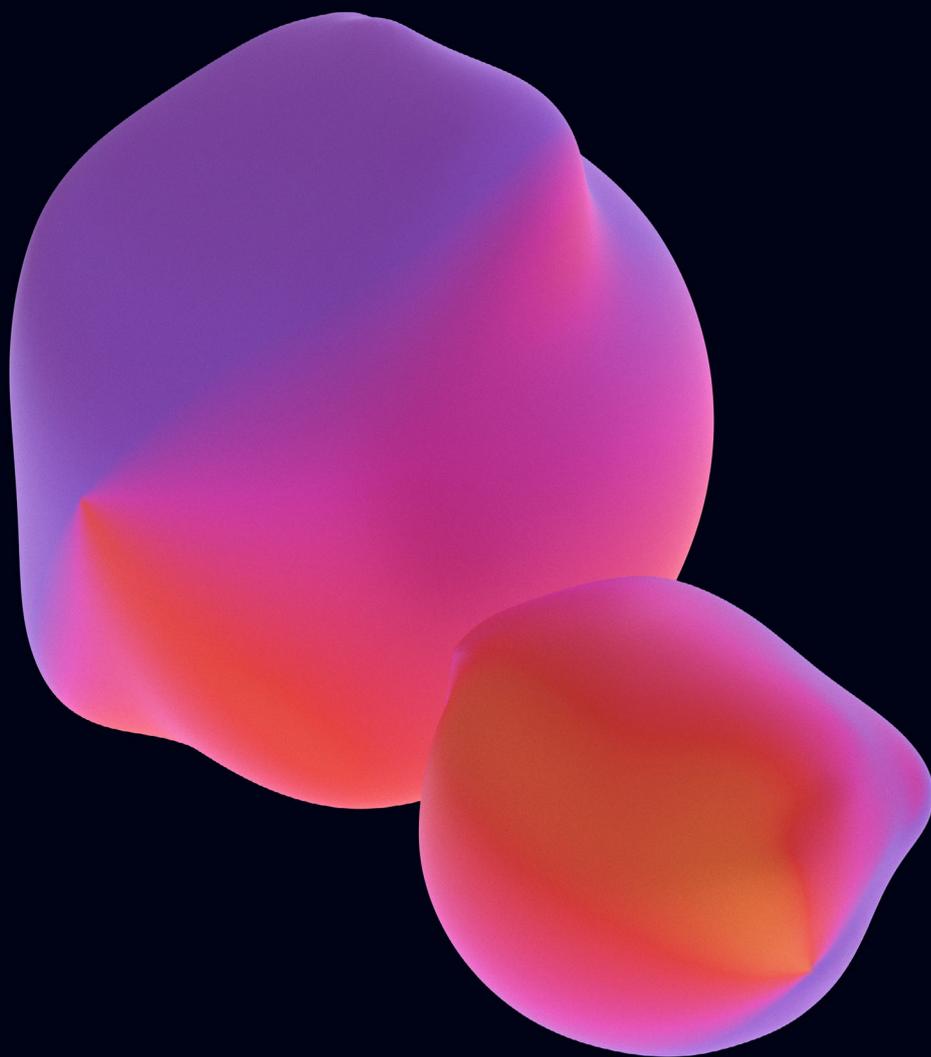

АПИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный научный журнал // ISSN 2713-1513 // № 6 (292), 2026 // apni.ru

часть II

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 6 (292)

Часть II

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Zufарович, кандидат технических наук (Высокотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазович, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хаитова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ, ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЖУРНАЛИСТИКА

Шарифова У.Р.

ТАРЧУМАИ БАДЕЙ ВА НАҚШИ ОН ДАР ТАҲКИМИ МАҲОРАТИ АДАБИЎ.....6

Бобкова Н.Г.

ФИЛОСОФСКИЙ КОМПЛЕКС «ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ»
В РОМАНЕ УМБЕРТО ЭКО «БАУДОЛИНО» 12

Власова О.А.

ГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ВИДЫ И
ФУНКЦИИ 15

СОЦИОЛОГИЯ

Новикова Е.Р., Швырёва Н.В.

НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ СЕМЬЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФАКТОРАХ УСТОЙЧИВОСТИ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ 19

Широченко А.И.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 31

ФИЛОСОФИЯ

Чайковский А.И.

VTN-10. ТЕМПОРАЛЬНАЯ БИОЛОГИЯ.....34

ПОЛИТОЛОГИЯ

Манжула В.Г., Манжула Е.В.

ПОНЯТИЕ ПСЕВДОИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ
ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ..... 48

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Атарщикова А.А.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ САНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ
НА НЕДВИЖИМОСТЬ 61

Головина Л.В.

ПОЛУЧЕНИЕ И ДАЧА ВЗЯТКИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ .. 65

Грунев Д.В.

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ..... 68

Лазарева А.В.	
ВНЕСУДЕБНОЕ БАНКРОТСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ	72
Лустенко Е.А.	
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ В РОССИИ	75
Лустенко Е.А.	
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	78
Миключева О.Г.	
ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	82
Степанов В.С.	
ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	86
Тетёркин С.Г.	
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	89
Шумкова А.Б.	
ДОКАЗЫВАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ.....	95

ФИЛОЛОГИЯ, ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЖУРНАЛИСТИКА

ШАРИФОВА Умедахон Раҳимҷоновна

дотсенти кафедраи адабиёти муосири тоҷики,

Донишгоҳи давлатии хучанд ба номи академик Б. Гафуров, Тоҷикистон, Хучанд

ТАРҶУМАИ БАДЕӢ ВА НАҚШИ ОН ДАР ТАҲКИМИ МАҲОРАТИ АДАБӢ

***Аннотатсия.** Дар мақола нақши тарҷумаи бадеӢ дар ташаккул ва тақмили маҳорати адабии нависандагони тоҷик баррасӣ мешавад. Бо таърифи таҷрибаи эҷодии адибони маъруф, аз ҷумла Саттор Турсун, Ӯрун Кӯҳзод ва Фазлиддин Муҳаммадиев, нишон дода шудааст, ки мутолиа ва тарҷумаи осори бештари адабиёти ҷаҳон ба рушди сабқ, ғани гардидаи забон ва тақомули тафаккури бадеӢ мусоидат мекунад. Тарҷума ҳамчун раванди эҷодӣ дар ташаккули реализми адабӣ ва рушди жанри ҳикояи муосири тоҷик нақши муҳим дорад.*

***Калидвожаҳо:** тарҷумаи бадеӢ, адабиёти ҷаҳон, маҳорати адабӣ, насри тоҷик, таъсири муосирӣ.*

Дар давраи кунунӣ равобитаи адабӣ дар байни Тоҷикистон ва мамлакатҳои дигар суст шуда бошад ҳам, бисёр нависандагони ғайри тоҷик мустақилона таҷрибаи эҷодии пешқадамтарин нависандагони ҷаҳонро, ки осорашон ба забонҳои русӣ ва форсӣ тарҷума шуда бошанд, меомӯзанд. Дар давраи ҳозира омӯзиши таҷрибаи адабӣ танҳо бо дастовардҳои адабиёти рус маҳдуд набуда, нависандагони тоҷик вобаста ба имконияти худ чашм ба адабиёти ҷаҳон во кардаанд. Саттор Турсун дар мусоҳиба бо рӯзноманигор Ҳокими Азиз ба саволи «Навиштанро бештар аз кӣ омӯхтаед?» чунин ҷавоб медиҳад:

«-Аз пири тавоно Сотим Улуғзода, аз устод Фазлиддин Муҳаммадиев ... Баътар, пас аз интишор додани як-ду маҷмӯа, то имкон буд, ба адабиёти ҷаҳон ошно шуда, баръало дидам, ки аз дахҳо, садҳо устодони сухан омӯхтан мумкин аст. Адиб на фақат менависад, балки аз ҳар чизи хондаш сабақ низ мебардорад. Пас ман ҳам алоқадри ҳол аз эҷоди адибони бақуввати дунё омӯхтаам» [6, с. 492].

Саттор Турсун дар посух ба саволи мусоҳиби худ аввал аз ҳама Сотим Улуғзода ва Фазлиддин Муҳаммадиевро номбар мекунад. Аз ин ҷо бармеояд, ки адабиёти миллии нахустин мактаби омӯзиши адабӣ ба шумор меояд. Ҳамин ки нависанда каму беш таҷрибаи эҷодкорӣ пайдо мекунад, ба омӯзиши сабақҳои

адабии дигар нависандагони олам мепардозад. Пас метавон натуға гирифт, ки на танҳо таҷрибаи як-ду адабиёти миллии, балки омӯзиши таҷрибаи адабиёти ҷаҳон яке аз муҳимтарин омилҳои тараққиёти адабиёти тоҷик, аз он ҷумла, сабаби рушди камоли эҷодии ҳар як нависандаи соҳибзавқ маҳсуб мешавад.

Саттор Турсун бузургтарин нависандагонро, ки омӯзиши осори онҳо боиси рушди камоли эҷодии ӯ гардидаанд, ҳатто барҷастатарин асарашонро ёдовар мешавад. Дар байни онҳо нависандаи машҳури арманӣ Грант Матевосян, суханвари тавонои қирғиз Чингиз Айтматов, нависандагони бузурги Амрико ва Амрикои лотинӣ Эрнест Хемингуэй ва Уилям Фолкнер ҳастанд. Нависандаи тоҷик дар бораи аҳамияти омӯзиши таҷрибаи адабиёти ҷаҳон ва бузургтарин устодони сухан аз ин муқаддамтар низ изҳори андеша карда буд [8, с. 158-185].

Аммо дар сӯҳбат бо Ҳокими Азиз мушаххастар сухан меронад. Ӯ дар бораи оҳанги «умуминсонӣ» касб кардани самараҳои омӯзиши адабӣ ҳарф мезанад. «Камина ҳам дар ҷараёни мутолиа аз ҳар муаллиф ҳар чӣ омӯхтаам, - иқро мекунад ӯ - Масалан, дар таълифи «Зиндагӣ дар домани талҳои сурх» ба ман қиссаи адиби арман Грант Матевосян «Говмеш», алалхусус баъде ки онро ба тоҷикӣ гардондам, таъсири аҷиб дошт.

Асосан дар шинохти зарбу оҳанги иншо» [8, с. 492].

Эрнест Хемингуэй нависандаи маҳбуи Саттор Турсун будааст. Эҷодиёти ӯ ба вусъатёбии ҷаҳонбинӣ ва тақомули сабки нигориши С. Турсун бетаъсир намондааст. «Солҳои охир аз ин суҳанвари бузург ҳунари иншоро бештар меомӯзам», -меғӯяд ӯ ва таъкид мекунад, ки беҳтарин роҳи омӯзиши таҷрибаи нависандагони муқтадир пайваста мутолиа кардан ва ба забони тоҷикӣ гардонидани навиштаҳои онҳост. «Бо эҷодиёташ (эҷодиёти Хемингуэй-У. Ш) қариб пурра шиносам. Аммо вай ба монанди «Алвидо, силоҳ!», «Мӯйсафед ва баҳр» асарҳое дорад, ки ҳар вақт мутолиа мекунам. Ҳикояҳои ҳама бақувватанд. Масалан, як қиссаи ӯ ба номи «Барфҳои Килиманҷаро»...Ман ин мӯъҷизаро беш аз даҳ бор, балки зиёдтар ҳам хондам. Ҳатто мешавад, ки аз қадам чояш рост ояд, ба мутолиаи як-ду саҳифаи он банд мегардам. Ва ба зарбу оҳанги асар, ба масъалагузори адиб, ба маънии таҳтони сатрҳои ӯ соз гирифта, чӣ душворгузар аст роҳи эҷодиёт, гӯё боз як маротиба эҳсос мекунам. Ба вежа, ки дар «Барфҳои Килиманҷаро» рӯзгори пур аз тазоди нобиғае асарофарин, нависандае забардаст дар дами маргаш ба таҳқиқу тасвир омадааст» [8, с. 499-450].

Саттор Турсун дар бораи аҳамияти сермутолиагӣ ва тарҷума кардани осори нависандагони варзида ба забони тоҷикӣ дар роҳи сабзишу камолоти аҳли адаб андешаҳои муфид ибраз доштааст.

Ин омилҳои хеле муҳим ба раванқи эҷодиёти Ёрун Кӯҳзод низ нақши бориз гузоштааст. Вай асарҳои Азиз Несин ва Гарсиа Маркес, Серо Хонзодян ва Владимир Санги, Кришан Чандр ва Денос Домонович, Леонид Ленч ва дигарҳоро, ки ба завқу табъаш мувофиқ омадаанд, ба забони тоҷикӣ тарҷума карда, таҷрибаи фаровони адабӣ андӯхт. Албатта, муайян намудани ин, ки қадам асари нависандагони мазкур ва бисёр нависандагони дигар, ки Ёрун Кӯҳзод онҳоро мутолиа кардааст, ба қадам қисса, роман ё ҳикояи ӯ таъсир расонидааст, кори душвор аст ва ин масъала таҳқиқоти махсусро тақозо менамояд. Лекин як масъала бебаҳс аст. Ин ҳам бошад, аҳмияти мутолиа ва тарҷумаи бадеӣ дар такмили маҳорати нигорандагии Ёрун Кӯҳзод аст. Зеро барои нависанда, ба хусус, тарҷума раванди эҷодӣ маҳсуб мешавад, вай

ҷаҳонбинии мутарҷимро васеъ, донишашро амиқ ва бинишу назарашро ба воқеаҳои ҳаёти ҷомеа, ба таърих ва замони ҳозира равшан месозад. Ба тарҷумон ҳам усул, ҳам сабқ, ҳам забони нависандаи бузург таъсир мегузорад. Мутарҷим кӯшиш ба харҷ медиҳад, ки дар ҷараёни тарҷума на танҳо мазмуну мӯҳтаво, ғоя ва дарунмояи асари тарҷумашавандаро риоя намояд, балки ба ҷумлапардозӣ, манзаранигорӣ, таъбироту вожаҳо ва ҳар ҳарфи соҳиби асар диққат ва эътибори ҷиддӣ бидиҳад.

Дар раванди кори эҷодии тарҷумонӣ бардоштҳои Ёрун Кӯҳзод аз мутолиаи асарҳои нависандагони ҷаҳон ба ташаккули услуби эҷодии ӯ асари худро гузошта, майлу рағбати ӯро ба таҳқиқи реалистии воқеият қавитар гардонид. Дар як мусоҳибаи адабӣ рӯзноманигор ва нависанда Фотеҳи Абдуллоҳ ба Ёрун Кӯҳзод чунин савол дода буд:

«-Шумо аз нависандагони мактаби риёлистӣ (воқеъгарой) ҳастед, ки бузургоне мисли Оноре де Балзак, Марк Твен, Лев Толстой, Чарлз Диккенс, Фёдор Достоевский ва Михаил Шолоховро ба адабиёти ҷаҳонӣ тақдим кардааст. Аз дидгоҳатон ин мактаб магар бартарихое аз мактабҳои румонтиқӣ, рамзгарой ё риёлизми ҷодуӣ дорад?»

Ёрун Кӯҳзод чунин посух додааст:

«-Таърихи адабиёт собит кардааст, ки вуқӯъгӯӣ афзали ҳамаи равияҳои иншост. Мурод аз навиштан бо хонанда сӯҳбат кардан аст. Пас тавре бояд сӯҳбат кард, ки хонанда ба маънои суҳанатон сарфаҳм биравад. «Ба лафз хубу ба маънӣ осон» бошад. Вуқӯънависӣ масъулияти зиёдтаре дорад, масалан, аз рамзгарой. Ин ҷо воқеаҳо худуд доранд ва чизи зиёдати намеғунҷад. «Роҳи рост якто, роҳи қач садто». Ҳам воқеиятро риоя кардан ва ҳам ҷаззоб навиштан аз мушқилтарин усули эҷодист.

Румонтиқҳо ва рамзгароён як дараҷа аз масъулияти таҳқиқгӯӣ озоданд, майдони бофти ҳаёл барои онҳо васеъ ва ҳатто беҳудуд аст, ба мисли афсона, ки ҳар ҳаёлу иғроқ меғунҷад. Ин ҳам ҳунари аст, вале ҳунари, ки ба рӯзгори инсон таъсири воқеӣ надорад, ҳарчанд ки хонданаш гоҳо завқовар аст...» [5, с. 134-135].

Дар тамоми давраи замони нависандагони реалисти рус, Аврупо ва Амрико дар маркази осори худ бузургтарин масъалаҳои иҷтимоӣ ва ахлоқиро меғузоштанд ва тақдири инсонро дар робита ба онҳо ҳаллу фасл мекарданд. Ҳамин

риштаро дар эҷодиёти Кӯҳзод, аз он ҷумла дар ҳикояҳои ӯ, метавон дид.

Ҳар як нависандаи тоҷик, ба хусус дар ибтидои фаъолияти эҷодии худ, муҳлис ва пайрави ягон нависандаи забардасте будааст, аз таҷрибаи эҷодии ӯ сабақҳо гирифта, бо мурури камолоти эҷодӣ ба ҳаёт, ки сарчашмаи асосӣ ва хушкнашавандаи адабиёти бадеӣ мебошад, бештар рӯ овардааст. Бароти Абдурахмон иқроӣ мекунад: «Аслан ҳунари нависандагиро аз мактаби эҷодии Чек Лондон ва чандин нависандаи оламшумули ибтидои қарни бист омӯхтаам, гӯям, хато намешавад. Ҳатто маслиҳату раҳнамоиҳои ин нависандаи ростқавлу ҳақиқатнигорро дар дафтаре гирд оварда, дар оғози ҷустуҷӯҳои эҷодӣ аз роҳу равиши нависандагии ӯ илҳом мегирифтаам. Алалхусус нозуқиҳои тасвири зинда ва эҳсоси нафаси гарми ҳаётро ман аз мактаби эҷодии Чек Лондон омӯхтаам, ки таъсираш воқеан дар ҳикояҳои аввалинам «Барфи аввалин», «Охирин шарики умр» ва қиссаи «Кимӣқаҳ» дида мешавад. Дар тасвири зинда ва диди воқеии нависандагӣ дар асарҳои минбаъдаам чанбаи ҳаёти ёфт ва ба маҷрои табиии эҷодӣ гаравид» [1].

Дар ҳикояҳои нависандагони тоҷик се вижагии рӯшан ба назар мерасанд, ки ҳам аз таҷрибаи адабиёти тоҷик дар давраи шӯравӣ, ҳам аз таҷрибаи адабиёти ҷаҳон баҳраманд мебошанд. Аввалан, сужети яқлухт; сониян, тасвири инсон ва фаъолияти ӯ; ниҳоят, таҳлили рӯҳию равонӣ, ба ибораи дигар бигӯем, тасвири психологӣ қаҳрамони ҳикоя аст. Ин вижагиҳо дар ҳикояҳои С. Турсун, А. Самад, Ч. Ақобир, Ҷ. Кӯҳзод, М. Ёрмирзоева ва дигарон мушоҳида мешаванд.

Чанбаи ғиноӣ дар ҳикояҳои имрӯзаи тоҷикӣ ду сарчашмаи адабӣ дорад. Яке адабиёти классикӣ ва насри ривоятии форс-тоҷик, дигаре адабиёти халқҳои ҷаҳон. Бисёр ҳикоятҳои анъанавӣ, ки ҳамчун саргузашт ё ёддошт нақл шудаанд, услуби ғиноӣ касб кардаанд. Дар адабиёти ҷаҳон низ ин услуб маъмул аст. Дар адабиёти рус услуби ғиноӣ дар «Қиссаҳои Белкин»-и А. С. Пушкин, ҳикояҳо ва қиссаҳои тарҷумаҳои Л. Толстой ва М. Горкий, Сергей Баруздин, дар адабиёти украин- «Циклон»-и Олесь Гончар, «Гуси-лебеди летят»-и Михаил Стельмах ва дигарҳо ба мушоҳида мерасанд. Устод Айни қиссаи «Мактаби кӯҳна» ва «Ёддоштҳо»-и худро бо сабки лирикӣ эҷод кардааст.

Шаклҳои субъективии қиссапардозӣ дар адабиёти шӯравӣ солҳои 50-60-уми қарни ХХ рӯ ба нуфуз овард. Аввал бо таъсири адабиёти мамлакатҳои Аврупо дар адабиётҳои кишварҳои соҳили Балтик-Латвия, Литва, Эстония роҳ ёфт, сипас дар адабиёти украин, белорус, рус. Оҳиста-оҳиста услуби лирикӣ дар адабиётҳои Кафқоз, Осиеи Марказӣ ва Қазоқистон паҳн шуд. Нависандагони тоҷик Ч. Иқроӣ ҳикояи «Интизорӣ», зиндагиномаи ӯ «Мактаби ман, устоди ман, худи ман», С. Улуғзода ва П. Толис қиссаҳои «Субҳи ҷавонии мо» ва «Тобистон», Р. Ҷалил «Маъвои дил», Ф. Муҳаммадиев ҳикоя ва қиссаҳои «Мактуби дӯст», «Савдои умр», «Ҷага», «Одамони кӯҳна», «Писари газета», «Дар он дунё»-ро бо сабки ғиноӣ эҷод кардаанд, ки вай ба дарки воқеияти таърихӣ ва ифшои розу ниёзи дили инсон ҳалал намедихад, балки кӯмак мерасонад, боиси ба саҳафоти таърих ва ниҳонхонаи қалби қаҳрамон амиқтар сар фуру бурдани таҳқиқгар мешавад.

Шаклҳои рамзӣ самбулии тасвир дар ҳикояҳои нависандагони мо ҳам натиҷаи омӯзиш аз адабиёти миллӣ, ҳам бо шарофати аз худ кардани таҷрибаи адабиёти халқҳои дигар аст, ки тавассути мутолиаи тарҷумаи русии он асарҳо ба эҷодиёти адибони тоҷик роҳ ёфтааст. Ф. Муҳаммадиев иқроӣ карда буд: «Асар, ки ба кас маъқул шуд, нависанда бошад, хоҳу ноҳақ ба эҷодиёташ таъсир мекунад, ба офаридаҳои нақш мегузорад» [6, с. 412].

Ф. Муҳаммадиев қиссаи «Ҷамила» ва романи «Дуроҳаи бӯронӣ»-и яке аз бузургони тамаддуни ҷаҳонӣ Чингиз Айтматовро ба забони тоҷикӣ гардонид буд. Ӯ мехост, ки дигар асарҳои ӯро низ тарҷума кунад, вале ҳаводорони осори Ч. Айтматов бисёр буданд, аз он ҷумла Сорбон, ки қиссаи «Кишти сафед»-ро тарҷума кард. Ф. Муҳаммадиев рӯҳан ба чанд нафар нависандагони бузурги ҷаҳон наздик буд. Дикқати нависандаи тоҷикро ба онҳо қабл аз ҳама образҳои барҷаста ва муқтадирӣ инсонӣ, ки онҳо офаридаанд, ба худ ҷалб менамуданд. Худаш гуфтааст: «Нависандаҳое, ки образи пурқуввати қаҳрамонони мусбатро офаридаанд, ба камина наздиканд. Ба ин маънӣ на танҳо ба устодони бузурги адабиёти рус, балки ба эҷодиёти адибони пешқадами намоёни ҷаҳонӣ ихлос дорам. Чунончи, қаҳрамонони бағоят бақуввати Э. Хемигуэйро аз асарҳои «Пирамард ва баҳр», «Дар он сӯи наҳр, дар сояи дарахтон»-ро дӯст медорам. Ва романҳои Эрих Мария Демарк «Тоқи зафар» ва

«Се рафиқ»-ро. Демарк дар «Се рафиқ» рафоқати ҳақиқии инсониро чунон хуб тасвир кардааст, ки ба назари ман дар адабиёти ҷаҳонӣ камназир аст» [6, с. 412].

Дар воқеъ қаҳрамони мусбати асарҳои Ф. Муҳаммадиев аз духтари боғуруру часур Зӯхро («Савдои умр», 1958) гирифта, то Носир Аббос, Ивон-амак, Хиромон ва Иброҳимҷон («Палатаи кунҷакӣ») ва дигарҳо одамони соҳибирода, кавию диловар ва шикастнопазир мебошанд. Ҳамин гуна хӯву хислат ба қаҳрамонони роману қисса ва ҳикояҳои Ч. Айтматов низ хосанд.

Дар таъсирпазирӣ як вижагии маҳсус мушоҳида мешавад, ки ба масъалаи пайванди маънавии наслҳои гуногуни нависандагон вобаста аст. Чунончи, Чингиз Айтматов ва Фазлиддин Муҳаммадиев бисёр сирру асрори маҳорати эҷодкориро аз нависандагони бузурги ҷаҳон омӯхта бошанд, насли навбатӣ аз онҳо омӯхтаанд, яъне адибони нисбатан ҷавон, ки баъд аз Айтматов ва Муҳаммадиев ба майдони адабиёт қадам ниҳода будаанд, таҷрибаи эҷодии суҳансароёни забардасти оламро ҳам бевосита, ҳам тавассути эҷодиёти онҳо аз бар намудаанд. Ин аст, ки ҳам Саттор Турсун, ҳам Сорбон, ҳам Кӯҳзод ва дигар нависандагони тоҷик аз Ч. Айтматов ва Ф. Муҳаммадиев сабақҳои адаби омӯхтани худро таъкид кардаанд.

Нависандаи австриягӣ Франс Кафка (1883–1924) ҳикояе дорад ба унвони «Масҳ» (ба русӣ-«Превращение»). Қаҳрамони он инсон боақлу боидроқест, ки дар натиҷаи зӯроварии муносибатҳои капиталистӣ бо мақсади намурдан худро ба нонхӯрак -таракан табдил медиҳад.

Содиқ Ҳидоят, нависандаи забардасти эронӣ, ба ҳамин вижагии сабки ӯ ишора карда навиштааст: «Кафка яке аз забардасттарин нависандагон аст, ки шеваи имо ва ишораро думбол мекунад ва дар воқеъбинӣ ба андозае пайравӣ карда, ки пешомадҳои маъмулии зиндагӣ игроқомез, чилва менамояд...Шуруи романҳои ӯ чунон мубтакирона аст, ки бидуни саҳнаسازی ва пурҷонагӣ (пургӯӣ) бо як ҷумла хонанда дар қалби мавзӯё ворида мешавад.

Дар достони «Масҳ» мисли ин аст, ки қаҳрамони асли ногаҳон аз ҳолати нимаҳобу нимкараҳтӣ ба худ меояд: «Як рӯз субҳ, ҳамин ки Г. Гварсамса аз хоби ошӯфтае парид, дид, ки дар раҳти хобаш ба ҳашараи тарсноке мубаддал шудааст» [10, с. 133].

Қаҳрамони афсонаи Ю. Юсуфӣ духтараки боақл аз тарси вайронкорӣ зӯроварии ашхоси силоҳдор ва ҷангпараст аз Худо илтимос мекунад, ки ӯро ба парандаи Ғамхӯрак табдил диҳад. Хоҳиши духтараки иҷро мешавад. Қаҳрамони ҳикояи дигари Ю.Юсуфӣ «Қавми саргардон», ки рӯҳи бобои хирадмандашро саҳт озор дод, дар шоҳи дарахт ба скилет табдил ёфт.

Нависандаи немис Рудолф Эрих Распе (1737–1794), муаллифи китоби машҳури «Саргузаштҳои барон Мунххавзен» ба эҷодиёти нависандагони тоҷик Мирзо Файзали ва Бурҳон Ғанӣ таъсири мусбат расондааст. Распе адиби ҳангомаписанд мебошад. Саргузашти қаҳрамони ҳикояҳои ӯ Мунххавзен ҷавонмарди сайёҳест, ки дар ҳақиқи ӯ суҳанони Шайх Саъдӣ рост меояд: «Ҷаҳондида бисёр гӯяд дурӯғ». Ӯ бо воҳима аз пашша фил сохта қиссагӯӣ мекунад ва бо ҳикоятҳои ҳайратангези дурӯғини худ хонанда ва шунавандаро ба вачд меорад. Ҷикоятҳои ӯ ягон заминаи воқеи надошта бошанд ҳам, хеле шавқовар ва дилкушоанд.

Нависандагони тоҷик Бурҳон Ғанӣ ва Мирзо Файзали низ солҳои ҳамкориашон дар маҷаллаи ҳаҷвии «Хорпуштак» таҷрибаи эҷодии Р. Расперо дар фаъолияти эҷодии худ истифода кардаанд. Ҷикояҳои онҳо низ моҳияти ҳангомаписандӣ доранд ва аз воқеияти реалӣ фарсахҳо дур ҳастанд, лекин худи гӯяндаи онҳо шахси воқеист. Чунон ки барон Мунххавзен дар зиндагӣ вучуд дошт ва дар армияи Руссияи подшоҳӣ хизмат карда будааст, қаҳрамони ҳикояҳои Мирзо Фазали ва Бурҳон Ғанӣ амаки Абдурасул низ шахси воқеӣ будааст.

Мирзо Файзали, ки баъд аз вафоти дӯсти ҳамқалами худ дар ҳамин равия ҳикояҳои зиёд аз дасти таълиф баровардааст, дар пешгуфтори навиштаҳояш «Ба Шумо дурӯғу ба Худо рост (Қиссаҳои аҷоибӣ амаки Абдурасул)» чунин тазаккур медиҳад: «Устод Бурҳон Ғанӣ ва камина солҳои зиёд дар маҷаллаи як замонҳо хеле машҳури ҳаҷвии «Хорпуштак» ҳамроҳ кор кардем. Дар нишасту сӯҳбатҳо гоҳ-гоҳ аз гуфтаҳои ҳамдеҳаам амаки Абдурасул нақле ё саргузаштеро ба миён мепартофтам ва он боиси хандаву хушҳолии сомеон мегардид. Албатта дар рафти нақл ба гуфтаҳои амаки Абдурасул илова мекардам, то хандаовару аҷоибтар бароянд» [9, с. 130].

«Як чиз-ним чизе», ки Мирзо Файзали ба ҳикояҳои амаки Абдурасул илова мекард, аз як тараф маҳсули тахайюли ғанӣ ва рангини ӯ

бошанд, аз чониби дигар, бешубҳа, натиҷаи илҳом аз қиссаҳои барон Мунхҳавзен ба шумор меояд. Дар зиндагӣ Мунхҳавзен ва амаки Абдурасул барин одамон будаанд, ки як саргузаштро ба ҳазор расонда, бо обуранги дилкаш қиссаҳо мегуфтанд. Дар Хучанд ин гуна ашхоси воҳимагарро «Ҳаштод» гӯянд. Баҳманёр чехраи яке аз ҳамин гуна «бофандаҳо»-ро дар ҳикояи «Чилдурӯғ дар танӯр» тасвир кардааст. Дуруст аст, халқи тоҷик дурӯғгӯҳои ашадиро «Чилдурӯғ» низ мегӯяд. Мирзо Файзали ҳам аз тафакқури бадеии халқи тоҷик ва ҳам аз таълифоти Р. Распе бархурдор шудааст, вагарна чунин наменавишт: «Инак, қиссаҳои пурмочарову аҷоибу ғароиб амаки Абдурасул мураттаб шудаанд. Аз ин пас ҳамдиёрон бо Мунхҳавзени худӣ-амаки Абдурасул ифтихор карда метавонанд» [9, с. 131].

Он чӣ Мунхҳавзен ва амаки Абдурасулро ба ҳам наздик мекунад, дарки ғайриреалистии воқеаҳо, беҳудудии тасаввуроти ҳастӣ ва вижагиҳои афсонавии ҳаёт ва ҳаёлотии бепоёни рангин аст. Муболиға, иғроқу ғулуве, ки ба доираи тасаввуроти одамии намеғунҷад, аммо қаззоб, аҷоибу ғароиб аст. Масалан, Мунхҳавзен қисса мекунад, ки рӯзе ба ҷангале афтод, ки барои хӯрок пухтан оташ надошт. Аммо ӯ илоҷи муамморо ёфт: ба рӯяш силие бераҳмона зад, ки аз чашмаш оташ баромад, кезум даргирифт ва хӯрок пухт.

Амаки Абдурасул дар деҳаи дурдасти худ тухми кадуе шинонд, ки ҳосили он бағоят бузург шуд. Болои он баромада шаҳри Душанберо тамошо карданд. Гӯсолашон, ки гум шуда буд, даруни каду даромада хӯроки зиёд мехӯрад ва барзагов мешавад. Рӯзе диданд, ки каду мечунбад. Аз як сӯрохиаш назар карда мебинанд, ки буққа он ҷо чарида гаштааст.

Чӣ навъе ки баррасӣ кардем, дар давраи ҳозира нависандагони тоҷик ба адабиёти ҷаҳон бо мароқ назар меандозанд ва дар баробари шаклҳои суннатӣ шаклҳои наву тозаи тасвир ва тадқиқи бадеии ҳаётро дар ҳикояҳои худ истифода мебаранд. Ин усул адабиётро аз якрангӣ ва шаклҳои қолабӣ наҷот дода, ба роҳи васеи ҳунарнамой ҳидоят мекунад.

Дар давраи истиқлолии милли барои нависандагони тоҷик дару дарвозаҳои

адабиёти ҷаҳон васеъ боз гардид. Агар адибони мо дар замони шӯравӣ бештар ба адабиёти рус ва эҷодиёти муваффақтарин санъаткорони сухани ҷумҳуриҳои бародар ҳусни тавачҷӯх зоҳир мекарда бошанд, дар давраи кунунӣ онҳо имкон пайдо карданд, ки таҷрибаи пешқадамтарин нависандагони дунёи мутамаддинро амиқ омӯзанд ва дар таълифоти худ корбаст намоянд. Дар ин ҷода омӯзиши таҷрибаи адабии нависандагони забардасти Эрон мақоми шоиста дорад. Дар натиҷа дар ҳикояҳои тоҷикӣ шаклҳои тасвиру тадқиқи реалистӣ ва ғайриреалистӣ инкишоф ёфтанд ва самараҳои хуб доданд. Омили муҳими инкишофи жанри ҳикоя дар адабиёти муосири тоҷик таъсири тарҷумаи бадеии бехтарин намунаҳои адабиёти ҷаҳон ба шумор меояд. Сабақҳои мактаби тарҷумаи бадеӣ баҳо надоранд.

Адабиёт

1. Абдурахмон Б. Хоксорӣ аз фарҳанги ботинӣ ғизо мегирад // Б. Абдурахмон // Ҷумҳурият. – 2007. – 27 январ.
2. Андешаҳо перомуни вазну тарозуи насл : Сӯҳбати Ҳ. Азиз бо А. Самад // Садои Шарқ. – 2009. – № 1. – С. 5-11.
3. Апухина В.А. Современная советская проза / В.А. Апухина. – М.: Высшая школа, 1977. – 176 с.
4. Демидчик Л.Н. Таърихи адабиёти советии тоҷик. Инкишофи жанрҳо. Чилди 2 / Л.Н. Демидчик. – Душанбе: Дониш, 1978. – 312 с.
5. Қуллапаймои сухан: Маҷмӯаи мақолаҳо оид ба ҳаёт ва эҷодиёти Кӯҳзод. – Душанбе: Деваштич, 2009. – 345 с.
6. Муҳаммадиев Ф. Дӯстон тоҷи сар : мақолоти публитсистӣ, ёддошт, очерк, эссе ва памфлет / Ф. Муҳаммадиев. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 416 с.
7. Турсун С. Санг дар бағал ба тӯфон / С. Турсун. – Душанбе: Адиб, 2002. – 288 с.
8. Турсун С. Зимистони умр / С. Турсун. – Душанбе: Адиб, 2006. – 622 с.
9. Файзали М. Гӯри гумшуда / М. Файзали. – Душанбе: Адиб, 2008. – 75 с.
10. Ҳидоят С. Паёми Кафка / С. Ҳидоят // Садои Шарқ. – 2010. – № 1. – С. 133.
11. Юсуфӣ Ю. Афсонаи ҳафтдодарон / Ю. Юсуфӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 304 с.

SHARIFOVA Umedakhon Rahimjonovna

Associate Professor of the Department of Modern Tajik Literature,
Khujand State University named after Academician B. Gafurov,
Tajikistan, Khujand

ARTISTIC TRANSLATION AND ITS ROLE IN STRENGTHENING LITERARY EXCELLENCE

Abstract. *The article examines the role of literary translation in the formation and improvement of the literary skills of Tajik writers. Based on the creative experience of famous writers, including Sattor Tursun, Arun Kukhzoda and Fazliddin Mukhammadiev, it was shown that reading and translating the best works of world literature contributes to the development of style, enriching language and improving artistic thinking. Translation as a creative process plays an important role in the formation of literary realism and the development of the modern Tajik narrative genre.*

Keywords: *literary translation, world literature, literary mastery, Tajik prose, influence.*

БОБКОВА Наталия Георгиевна

кандидат филологических наук, преподаватель английского и французского языков,
МАОУ «Лингвистическая гимназия № 3», Россия, г. Улан-Удэ

ФИЛОСОФСКИЙ КОМПЛЕКС «ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ» В РОМАНЕ УМБЕРТО ЭКО «БАУДОЛИНО»

***Аннотация.** Итальянский ученый и писатель Умберто Эко в своих романах реализует прием «двойного кодирования», что позволяет писателю завязать литературную игру сразу с читателями различного интеллектуального уровня и образования. Комбинируя в своем творчестве уже когда-то написанное, соединяет сюжетные линии писателей разных эпох, реконструируя прошлое, рождая новые смыслы. Но реконструкции прошлого не происходит, а рождается новый современный роман, представляющий весь комплекс постмодернистской чувствительности («мир как текст», ощущение «мира как хаоса», сопровождающееся «кризисом веры», представлением об отсутствии объективной истины).*

***Ключевые слова:** двойное кодирование, литературная игра, комплекс постмодернистской чувствительности, мир как текст, мир как хаос.*

Умберто Эко – итальянский ученый, философ, теоретик культуры, писатель и публицист, профессор семиотики Болонского университета, кавалер французского Ордена Почетного легиона. В своих романах писатель реализует дискурсивную практику философских концепций «мир как текст», «мир как хаос», «мир как открытое произведение», показывая цикличность культуры, побуждая читателя вступать в диалог с другими культурными эпохами. Используя разные жанры и их содержательные коды (исторический, детективный, семиотический, философский, литературный, мифологический, автобиографический) У. Эко «строит» свои романы по принципу «двойного кодирования». Прием «двойного кодирования» позволяет писателю завязать литературную игру сразу с читателями различного интеллектуального уровня и образования, осуществляя расчет и на читателя, который поймет «все», и на того, кто поймет «кое-что».

У. Эко комбинирует в своем творчестве уже когда-то написанное, соединяет сюжетные линии писателей разных эпох, реконструируя прошлое, рождая новые смыслы. Но реконструкции прошлого не происходит, а рождается новый современный роман, представляющий весь комплекс постмодернистской чувствительности («мир как текст», ощущение «мира как хаоса», сопровождающееся «кризисом веры», представлением об отсутствии объективной истины). Столкновение речевых практик различных эпох стимулирует читателя

к поиску истины. Согласно У. Эко, совершают прыжок в прошлое, устремляясь при этом в будущее [1, с. 4].

Роман «Баудолино» – четвертый роман писателя, написанный в 2000 г, переведенный на русский язык в 2003 г., писателем и переводчиком его художественного творчества Еленой Костюкович. У. Эко пишет роман «Баудолино: исторический-неисторический, детективный-недетективный, средневековый-несредневековый, роман-ризому, в котором размываются «корневища» указанных жанров с целью выразить цикличность человеческой культуры, показать поиск как лабиринт, в котором невозможно найти истину. В постмодернизме границы стираются между текстами, жанрами, массовой культурой и элитарной, вследствие чего текст обрастает множественностью смыслов и становится интересен и массовому читателю, и интеллектуалу [1, с. 136]. Двойное кодирование в данном случае и ведет к разрушению границ и взаимопроникновению разных текстов, следствием чего является «двуадресность»: текст пишется для разной категории читателей. Эстет и массовый читатель воспримут его с одинаковым интересом, т. к. каждый найдет в нем что-то свое.

Любители классической литературы увидят сходство сюжета «Баудолино» с рассказом Артура Конан Дойля «Шесть Наполеонов», где взята идея бюстов Наполеона, у У. Эко истории и артефакты, которые можно подделывать бесконечное количество раз, как это делает

главный герой Баудолино. В интертекстуальном пространстве романов писателя появляются темы и мотивы из рассказа Конан Дойля «Шесть Наполеонов», «Хроника со времени царствования Иоанна Комнина» Никиты Хониата, роман о Тристане и Изольде Кретьена Де Труа, «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта. Впрочем, не только сюжеты, темы, имена персонажей из произведений прошлых эпох У. Эко искусно сочетает с детективной интригой. В ансамбль «других текстов» включены средневековые легенды и мифы о Пиноккио, Волхвах, Пресвитере Иоанне, Граале, Крестовых походах и реальной истории об императоре Фридрихе Барбаросса. Следует отметить, что У. Эко, будучи прославленный ученым, медиовистом, семиотиком, только в 40 лет написал свой первый роман «Имя розы», который еще при жизни писателя уже получил статус классики современной литературы. Вследствие этого многие исследователи его творчества отмечают, что его научные мысли, идеи, изыскания находят свое воплощение в художественном творчестве, но для большинства исследователей «игра в цитатность, в аллюзийность доведена до чудовищного уровня. При переводе приходится постоянно шевелить мозгами, решать его ребусы и головоломки – поначалу это восхитительно, но довольно здорово утомляет», признается отечественный писатель, литературный критик, переводчик, шеф-редактор портала «Год литературы» Михаил Визель [5]. Сам автор по этому поводу писал: «Иногда я задаюсь вопросом: не пишу ли я романы только для того, чтобы позволить себе эти отсылки, понятные лишь мне самому? Но при этом я чувствую себя художником, который расписывает узорчатую камчатную ткань и среди завитков, цветов и щитков помещает едва заметные начальные буквы имени своей возлюбленной. Если их не различит даже она, это неважно: ведь поступки, вдохновленные любовью, совершаются бескорыстно» [4, с. 200].

В мифологическом пласте романа читатель увидит параллель с итальянским культурным мифом – Пиноккио. Е. Костюкович, объясняя сравнение повествователя и автора с Пиноккио пишет: «Пиноккио в итальянском лексиконе – прежде всего синоним слова «лжец». Пиноккио у Карла Коллоди – это неживое и в этом смысле нетленное существо, жаждущее стать тленным, пройти трудный инициационный путь. Пиноккио Коллоди принес себя в жертву, умер, воскрес, всегда лгал, менял тело, воплощался в

животное, затем наконец стал – человеком – смертным человеком! – и в качестве награды получил возможность умереть. Баудолино – приемный сын Фридриха Барбароссы, инициатор Крестовых походов, основатель Александрии, вдохновитель поисков Грааля, первооткрыватель Туринской плащаницы, создатель мифа о Волхвацарях, путешественник в царство пресвитера Иоанна – странствует и изменяется, всегда лжет, духовно умирает, духовно возрождается, чтобы востребовать простого и скромного человеческого счастья, а затем наконец обрести право исчезнуть (название последней главы – «Баудолино больше нет») [1, с. 613-614].

В романе присутствует и автобиографический пласт романа, связанный с образом самого У. Эко как писателя, рассказчика, родившегося в итальянской провинции Александрия в Пьемонте. Его герой Баудолино имеет много общего со своим творцом. Он рассказчик, книжник, уроженец и знаток быта итальянской провинции Александрия, как и писатель.

Итак, для У. Эко ученого, художественное творчество служило возможностью отойти от строгих рамок научности, чтобы поиграть с приемами постмодернистской поэтики, как например, приемом «двойного кодирования» в романе «Баудолино», что ведет к взаимопроникновению разных текстов, следствием чего является «двуадресность»: текст пишется для разной категории читателей. Эстет и массовый читатель воспримут его с одинаковым интересом, т. к. каждый найдет в нем что-то свое. Роман «Имя розы» можно прочитать и как детектив, и как философский роман; «Маятник Фуко» – и как детектив, и как мини-энциклопедию об истории ордена тамплиеров, оккультизма, роман «Баудолино» как детектив и как исторический роман, роман-фэнтези.

Литература

1. Бобкова Н.Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Б. Акунина о Фандорине и Пелагии. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. – 152 с.
2. Фидлер Л. Современная западная культурология. М., 1993. – 462 с.
3. Эко У. «Баудолино» / Умберто Эко «Баудолино»; пер. с итал. и послесловие Е. Костюкович – Москва: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017. – 624 с.

4. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. – 576 с.

5. Почему «Баудолино» – лучший роман Умберто Эко: объясняет критик Михаил Визель

[Электронный ресурс] URL:
<https://daily.afisha.ru/culture/4837-pochemu-baudolino-luchshiy-roman-umberto-eko-obyasnyet-kritik-mihail-vizel/> (07.01.2026).

BOBKOVA Natalia Georgievna

Candidate of Philological Sciences, teacher of English and French languages,
MAOU "Linguistic Gymnasium No. 3", Russia, Ulan-Ude

**THE PHILOSOPHICAL COMPLEX OF «POSTMODERN SENSIBILITY»
IN UMBERTO ECO`S NOVEL «BAUDOLINO»**

Abstract. *The Italian scientist and writer Umberto Eco implements the "double coding" technique in his novels, which allows the writer to engage in a literary game with readers of various intellectual levels and education at once. Combining what has already been written in his work, he connects the storylines of writers from different eras, reconstructing the past, giving birth to new meanings. But there is no reconstruction of the past, and a new modern novel is being born, representing the whole complex of postmodern sensibility ("the world as a text", a sense of "the world as chaos", accompanied by a "crisis of faith", the idea of the absence of objective truth).*

Keywords: *double coding, literary game, complex of postmodern sensibility, the world as a text, the world as chaos.*

ВЛАСОВА Олеся Александровна

магистрантка,

Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, г. Новосибирск

Научный руководитель – доцент кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук Шпильман Марина Владимировна

ГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ВИДЫ И ФУНКЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются графические приёмы в современном поэтическом тексте как значимый элемент художественной выразительности и семантической организации. Анализируются виды графических средств – от отказа от традиционной пунктуации и использования заглавных букв до беспробельной записи, зачёркиваний, визуальных маркеров, неполной передачи слов и включения элементов из других знаковых систем (химических формул, латиницы, компьютерной символики). Показано, как эти приёмы трансформируют композицию стихотворения, влияют на восприятие читателя и становятся частью авторского высказывания. Особое внимание уделено влиянию цифровой среды на эволюцию графики поэзии, а также теоретическим основам явления, восходящим к концепции «графического эквивалента текста» Ю. Н. Тынянова. Подчёркивается, что современная поэтическая графика выходит за рамки оформления, превращаясь в самостоятельный код, несущий смысловую и эстетическую нагрузку.

Ключевые слова: поэтический текст, графические приёмы, визуальная поэзия, графический эквивалент текста, пунктуация, композиция стихотворения, пробел, зачёркивание, беспробельная запись, цифровая культура, семантика графики.

Графика в художественном тексте играет важную роль в передаче информации, создании композиции произведения и воздействии на восприятие читателя. Она помогает автору выразить свои мысли, эмоции. Графические элементы могут быть использованы не только для оформления текста, но и как важный инструмент передачи дополнительной информации и глубины смысла произведения. Графика изучается литературоведами и лингвистами, она уже фактически сложилась в особый раздел науки о тексте.

В многочисленных работах по графическому оформлению рассматриваются либо отдельные графические приемы, либо графика отдельных периодов или авторов. Известно, что расположение текста на странице позволяет зрительно отличить стихи от прозы, что неоднократно отмечали ученые Ю. Н. Тынянов, В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, Ю. М. Лотман, А. Л. Жовтис, М. Л. Гаспаров и др.

Впервые понятие графики как «эквивалента текста» употребил Ю. Н. Тынянов в работе «Проблема стихотворного языка» и определил его следующим образом: это «все так или иначе

заменяющие его элементы, прежде всего частичные пропуски его, затем частичная замена элементами графическими и т. д.» [1, с. 43]. Позже теория Ю. Н. Тынянова была поддержана многими лингвистами и литературоведами.

Как правило, под эквивалентом понимается ряд символов, но ученые, в частности И. Э. Клюканов, обращают внимание, что «эквивалент текста» может быть заполнен различными элементами, такими как точки, многоточия, звездочки, черточки требуются для того, чтобы сделать художественное пространство более наглядным и более отчетливо продемонстрировать величину пропуска» [6, с. 93].

Согласно теориям учёных, существуют различные синонимы графического оформления фрагментов отдельного текста: «эквивалент текста», «графический ряд точек», «пустые знаки», «вместотекстовый пробел», «пропущенный текст», «эквивалент письменно-печатного текста», «пропуски текста», «графический эквивалент текста» [2, с. 17]. Из всех обозначений наиболее точно передает явление термин графический эквивалент текста,

т. е. графически выраженный, заменяющий текст знаками.

В стихотворениях некоторых авторов, написанных и опубликованных в конце 1990-х и начале 2000-х годов, можно увидеть признаки нового отношения к графическому и визуальному облику текста. Отступления от графической нормы обретают новое восприятие и становятся одним из элементов высказывания. Текст может выглядеть нестандартно, а может иметь и традиционный вид – но и в том, и в другом случае с помощью особых средств визуальное функционирование текста стихотворения или отдельных его графических элементов оказывается распространённым явлением. Причинами этого исследователь Борисова И. М. считает:

1. Новое эстетическое сознание и, как следствие, – новое отношение к тексту.

2. Переход к записи текстов на компьютере и к распространению их в Интернете, когда тексты размещает сам автор. Развитие авторизованных и авторских публикаций, когда автор может следить за тем, в каком виде текст появляется в печати.

Рассмотрим подробнее аспект структуры текста – средства разметки на параграфы и абзацы. Это использование средств выделения текста или заглавных букв для обозначения прямой речи в стихотворениях. Употребление средств организации речи в соответствии с правилами пунктуации в современных поэтических текстах постепенно уступает место частичной расстановке знаков препинания. При накоплении фактов это ведёт к трансформации пунктуационной системы, во всяком случае в поэзии. В частности, это касается употребления заглавной буквы вместо точки и заглавной буквы на границе фраз в стихотворениях Семена Ханина и Анны Горенко, отсутствия знаков препинания на границах поэтических строк у Андрея Полякова. Так, например, многие поэты отказываются следовать традиции начинать каждую поэтическую строку с заглавной буквы.

Использование пунктуационных знаков не по назначению сопровождается авторским использованием этих знаков в тексте. Это, например, точки и скобки в середине слова в стихотворениях Анны Альчук, комбинации из нескольких запятых в стихотворениях Вилли Мельникова и Владимира Тарасова, использование разных видов скобок и двоеточий для обрамления заглавий, которые могут быть

выражены текстом, а могут быть представлены его эквивалентами.

Современные авторы используют также новый приём – отсутствие пробелов при написании текста.

Этими конструкциями передаётся скорость записи текста, усиливается образ, как, например, теплее теплее у Полины Андрукович. В некоторых случаях текст, выраженный слитной записью слов, провоцирует быстрое прочтение текста.

Беспробельная запись текста, рассматриваемая на материале поэзии Анны Альчук и отдельных произведений Владимира Строчкова и Александра Горнона, может быть выражена разными способами. Такая запись текста даёт несколько возможностей его прочтения, и в этом состоит главный смысл приёма.

В текстах с незаконченными словами в произведениях Генриха Сапгира и Анны Альчук, исчезновение морфологических указателей на конкретную синтаксическую связь из слова, не полностью представленного в тексте, провоцирует свободную сочетаемость языкового знака. Это соотносится с одним из правил средневековой японской поэтики, которое предполагает включение в состав текста элемента с потенциальной многозначностью, который может не сочетаться с грамматическим строем фразы.

Визуальные выразительные приемы маркируют элементы текста. Возникает контраст между выделенными и невыделенными элементами текста, или моделируются более сложные структуры стилистических взаимоотношений между частями текста.

Графическое выделение необычных слов в тексте встречается у Александра Левина, который таким образом маркирует верность написания слова «вминательно» и актуализирует ассонансную рифму «свет – рвёт». Запись текста или его части исковерканной латиницей усиливает экспрессивный потенциал элементов, выделенных таким образом. Это встречается, например, в заглавиях некоторых текстов Натальи Романовой. Зачёркивание отдельных элементов Ниной Искренко и обозначение их неправильности с помощью использования слова «нет» в поэтике Полины Андрукович служат стилистическому затенению этих элементов в общей структуре текста – они уже не могут восприниматься как семантические и стилистические доминанты текста. Зачёркивание

указывает на неправильность первоначально выбранного автором варианта.

Зачёркивание текста тоже может его испортить, так, например, «Прекрасное зачёркнутое четверостишие» Владимира Казакова мы уже не можем интерпретировать как прекрасное – испорченный текст уже не безупречен.

В стихотворении Алексея Денисова общее понимание слов конкурирует в восприятии с терминологией компьютерного стиля речи, и одни и те же единицы воспринимаются как одновременно включенные в разные области и разные сюжеты – когда автор описывает работу на компьютере. Михаил Еремин в примечании поясняет, в какие именно цвета будут окрашены окна, а в самом тексте использует названия химических элементов и химические формулы, которые обычно употребляются не в поэтическом языке, а в другом функциональном стиле (научном).

Использование необычных направлений чтения слов в поэтической графике Валерия Галечьяна, современного поэта и художника-графика в сборнике «Визуальная поэзия».

На уровне композиции в произведениях современных авторов тоже происходят заметные сдвиги, вызванные нетрадиционной графикой. В качестве новых композиционных приёмов используется обильное использование раздела строф или вертикальных пробелов.

Можно сделать вывод, что есть разница между авторским чтением и бумажной версией, которая не передаёт всех особенностей поэтической интонации в нетрадиционном по форме тексте, исследователь Юсфин сформулировал вопросы, важные для понимания этих отличий: «Какой должна быть знаковая система, чтобы она охотно была принята поэтами – по крайней мере теми, для кого её отсутствие невосполнимо? Что нужно фиксировать? И что из этого «нужного» можно фиксировать? Как сделать так, чтобы новая графика не стала на пути к удобопониманию её читателями, для кого она, собственно и предназначена?» [8, с. 95].

Одной из особенностей, действующих в современных текстах, можно считать несамодостаточность устной формы, это усложнение графической формы текста. Графическое мышление поэта оказывается значимым для развития языка. Для интерпретации интересующих текстов иногда необходимы авторские ремарки, поясняющие, как текст записан. «В условиях типографских решений (когда перед

нами не рукописный, а шрифтовой текст), визуализация делает слово и букву, и любые другие графические знаки композиционными единицами изображения. Графемы становятся предметно-изобразительными участками живописной конструкции. Чаще всего она базируется на нелинейном принципе, носит абстрактный характер, приобретает черты пространственности, охватываемой единым взглядом читающего.

Визуальная организация текста как семантически нагруженный приём осмыслялась поэтами и до современной «компьютеризированной» литературы. Можно сделать вывод, что в стихотворениях современных поэтов наблюдается тенденция к расширению знаковой системы поэтического языка, происходят динамические явления, связанные с пунктуацией. В тексте появляются средства параграфемной организации, используются знаки точных наук, цифры, актуализация пробелов, неполная запись слова, накладывающиеся друг на друга прочтения текста. Отмечается тенденция к увеличению количества возможных функций, осмыслений, которые принимают на себя различные знаки в поэтическом тексте.

Литература

1. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка / Ю.Н. Тынянов. – М.: Прогресс, 1924. – 320 с.
2. Тынянов Ю.Н. Литературный факт / Ю.Н. Тынянов. – Л.: Наука, 1989. – С. 17.
3. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М. Лотман. – М.: Прогресс, 1993. – 320 с.
4. Гаспаров М.Л. О поэтической речи: Избранные статьи / М.Л. Гаспаров. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 447 с.
5. Жовтис А.Л. Форма и смысл в поэтическом тексте / А.Л. Жовтис. – М.: РГГУ, 2001. – 216 с.
6. Ключанов И.Э. Графические эквиваленты текста в художественной литературе / И.Э. Ключанов // Вопросы языкознания. – 1986. – № 3. – С. 90-98.
7. Борисова И.М. Графика современного поэтического текста: к проблеме визуальной организации высказывания / И.М. Борисова // Уральский гуманитарный вестник. – 2003. – № 4. – С. 45-51.
8. Юсфин Ю.С. Графика и интонация: к вопросу о знаковой системе поэтического текста

/ Ю.С. Юсфин // Поэтика и текст. – М.: РГГУ, 1991. – С. 95.

9. Еремин М.И. Поэзия и цифровая культура: новые формы выражения / М.И. Еремин // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 74. – С. 112-125.

10. Галечьян В.А. Визуальная поэзия: сборник произведений и исследований / В.А. Галечьян. – М.: АРТ-пресс, 2010. – 156 с.

11. Альчук А.А. Текст и тело: эксперименты в поэтике / А.А. Альчук. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2004. – 184 с.

12. Ханин С.М. Стихотворения / С.М. Ханин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 232 с.

13. Поляков А.В. Избранное: стихи и поэмы / А.В. Поляков. – СПб.: Красный матрос, 2003. – 198 с.

14. Андрукович П.А. Голос за строкой / П.А. Андрукович. – Киев: Критика, 2002. – 160 с.

15. Романова Н.А. Эксперименты в языке: тексты 1998–2005 / Н.А. Романова. – М.: Время, 2006. – 208 с.

16. Искренко Н.Г. Стихи и ремарки / Н.Г. Искренко. – М.: Гилёмен, 1999. – 144 с.

17. Денисов А.П. Коды реальности: поэзия и цифровая среда / А.П. Денисов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2004. – № 5. – С. 67-74.

VLASOVA Olesya Alexandrovna

Graduate Student, Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Modern Russian Language and Teaching Methods of Novosibirsk State Pedagogical University, Candidate of Philological Sciences Shpilman Marina Vladimirovna

GRAPHIC TECHNIQUES IN MODERN POETIC TEXT: TYPES AND FUNCTIONS

Abstract. *The article examines graphic techniques in modern poetic text as a significant element of artistic expression and semantic organization. The types of graphic means are analyzed, from the rejection of traditional punctuation and the use of capital letters to blunt writing, strikethroughings, visual markers, incomplete word transmission and the inclusion of elements from other sign systems (chemical formulas, Latin alphabet, computer symbols). It is shown how these techniques transform the composition of a poem, influence the reader's perception and become part of the author's utterance. Special attention is paid to the influence of the digital environment on the evolution of poetry graphics, as well as the theoretical foundations of the phenomenon, dating back to the concept of the "graphic equivalent of text" by Yu. N. Tynyanov. It is emphasized that modern poetic graphics go beyond design, turning into an independent code that carries a semantic and aesthetic load.*

Keywords: *poetic text, graphic techniques, visual poetry, graphic equivalent of the text, punctuation, composition of the poem, space, strikethrough, blank writing, digital culture, semantics of graphics.*

СОЦИОЛОГИЯ

НОВИКОВА Елена Романовна

кандидат экономических наук, психолог, юрист, помощник адвоката,
Московская коллегия адвокатов «Швырёва и партнеры», Россия, г. Москва

ШВЫРЁВА Надежда Валерьевна

адвокат, председатель,
Московская коллегия адвокатов «Швырёва и партнеры», Россия, г. Москва

НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ СЕМЬЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФАКТОРАХ УСТОЙЧИВОСТИ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

***Аннотация.** Исследование посвящено изучению субъективных представлений о факторах, обеспечивающих устойчивость семейных отношений, на основе опроса 227 респондентов. Особое внимание уделено анализу влияния опыта высококонфликтного развода на систему ценностей в сфере семейных отношений. Выявлены гендерные, возрастные и опытно-обусловленные различия в понимании основ семьи. Установлена значимая обратная корреляция между конфликтностью развода и вероятностью постразводного общения бывших супругов.*

***Ключевые слова:** семейные отношения, устойчивость брака, высококонфликтный развод, постразводное общение, уважение, любовь, доверие, психологическая зрелость.*

1. Введение

В условиях трансформации института семьи и высоких показателей разводимости (по данным Росстата, в России на 1000 заключенных браков приходится около 600–650 разводов) актуализируется вопрос о факторах, способствующих стабильности и длительности брачных отношений. Особый исследовательский интерес представляет изучение того, как личный опыт разрыва отношений – особенно в высококонфликтной форме – влияет на переосмысление значимости различных аспектов семейной жизни.

МКА «Швырева и партнеры» специализируется на ведении высококонфликтных разводов, сопряженных семейным киднепингом. Это явление, которое на законодательном уровне не существует, но за последние годы стало массовым последствием распада семей в ситуациях острого противостояния супругов. Данное исследование призвано проанализировать представления людей с различным брачным опытом о том, что является фундаментом долгосрочных отношений.

1.1. Цель исследования

Выявить и проанализировать структуру субъективных представлений о факторах устойчивости семейных отношений в зависимости от демографических характеристик респондентов, их брачного опыта и истории конфликтных разводов.

1.2. Задачи исследования:

1. Определить наиболее значимые категории факторов крепкой семьи в общественном сознании;
2. Выявить гендерные различия в понимании основ семейных отношений;
3. Проанализировать влияние количества браков на систему приоритетов в семейной сфере;
4. Установить взаимосвязь между опытом высококонфликтного развода и представлениями об основе семьи;
5. Изучить влияние конфликтности развода на вероятность постразводного общения.

2. Методология исследования

2.1. Процедура сбора данных

Опрос проводился в формате онлайн-анкетирования в период с 26 по 30 января 2026 года. Анкета распространялась через социальные сети и профессиональные сообщества. Участие в опросе было добровольным и анонимным.

2.2. Выборка

Объем выборки: 227 респондентов.

Гендерный состав:

- Женщины: 181 чел. (79,7%);
- Мужчины: 46 чел. (20,3%).

Возрастные характеристики:

- Средний возраст: 41,8 лет;
- Медианный возраст: 42 года;
- Диапазон: 21–67 лет;
- Стандартное отклонение: 8,3 года.

Возрастное распределение:

- 21–30 лет: 21 чел. (9,3%);
- 31–40 лет: 77 чел. (34,1%);
- 41–50 лет: 103 чел. (45,6%) – доминирующая группа;
- 51–60 лет: 19 чел. (8,4%);
- 61–70 лет: 6 чел. (2,7%).

Семейный статус и родительство:

- В браке в настоящее время: 141 чел. (62,1%);
- Не в браке: 86 чел. (37,9%);
- Имеют детей: 200 чел. (88,1%);
- Не имеют детей: 16 чел. (7,0%).

2.3. Инструментарий

Анкета включала 10 вопросов, охватывающих:

1. Демографические данные (пол, возраст);
2. Семейный статус (текущее нахождение в браке, наличие детей);
3. Брачную историю (количество браков, длительность);
4. Опыт развода (конфликтность, постразводное общение);
5. Открытый вопрос: «Что по вашему мнению и опыту является основой крепкой семьи, длительных отношений?»

2.4. Метод анализа

Применялся контент-анализ ответов на открытый вопрос с выделением 25 содержательных категорий на основе ключевых слов и семантических маркеров. Каждый ответ мог включать несколько категорий одновременно.

3. Результаты исследования

3.1. Брачная история и опыт разводов

Количество браков:

- Среднее количество браков: 1,35
- Один брак: 136 чел. (60,2%)
- Два брака: 60 чел. (26,5%)
- Три брака: 12 чел. (5,3%)
- Четыре брака: 3 чел. (1,3%)
- Не состояли в браке: 15 чел. (6,6%)

Повторные браки (2 и более): 75 чел. (33,2% от общей выборки)

Опыт развода:

- Разведенные респонденты: 134 чел. (59,0% от общей выборки);
- Не развелись: 93 чел. (41,0%).

Конфликтность разводов (среди разведенных, n=134):

- Высококонфликтные разводы: 73 чел. (54,5%);
- Неконфликтные разводы: 61 чел. (45,5%).

Таким образом, более половины разводов в выборке протекали в высококонфликтной форме, что свидетельствует о значительной распространенности деструктивных паттернов разрыва отношений.

3.2. Постразводное общение и его связь с конфликтностью

Общение с бывшим супругом (среди разведенных, n=134):

- Общаются: 50 чел. (37,3%);
- Не общаются: 82 чел. (61,2%).

Вероятность постразводного общения в зависимости от конфликтности развода:

- При высококонфликтном разводе: 19 из 73 (26,0%);
- При неконфликтном разводе: 31 из 61 (50,8%);
- Разница: 24,8 процентных пунктов.

Постразводное общение и конфликтность

Вероятность общения снижается в 2 раза при высоком конфликте

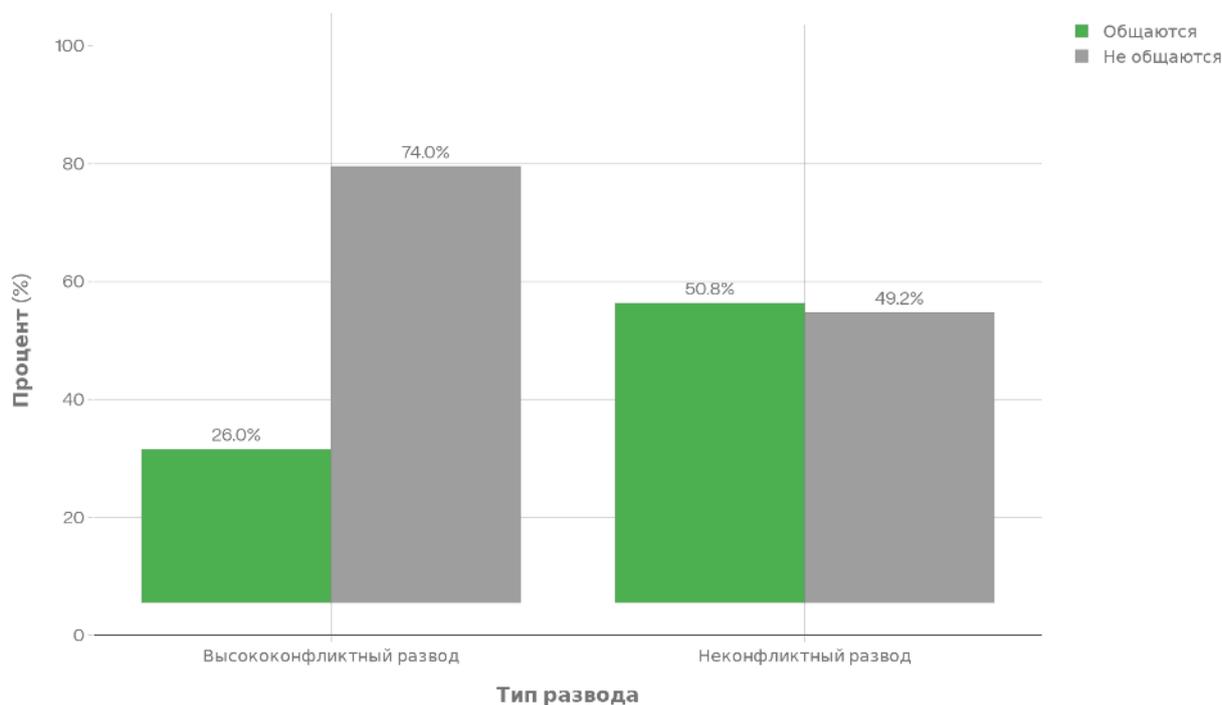

Рис. 1

Таким образом установлена статистически значимая обратная корреляция между конфликтностью развода и вероятностью сохранения постразводной коммуникации. Высококонфликтный развод снижает вероятность последующего общения практически вдвое, что имеет критическое значение для детей, сохранения родительских функций и предотвращения случаев семейного киднеппинга.

3.3. Структура представлений об основе крепкой семьи

Общая статистика:

- Всего выявлено уникальных категорий: 25;
- Всего упоминаний категорий: 477;
- Среднее количество категорий на ответ: 2,10.

Подавляющее большинство респондентов (60,8%) дали многомерные ответы, упоминая 2 и более факторов, что свидетельствует о комплексном понимании природы устойчивых отношений.

ТОП-15 факторов крепкой семьи (N=227)

Процент респондентов, упомянувших категорию

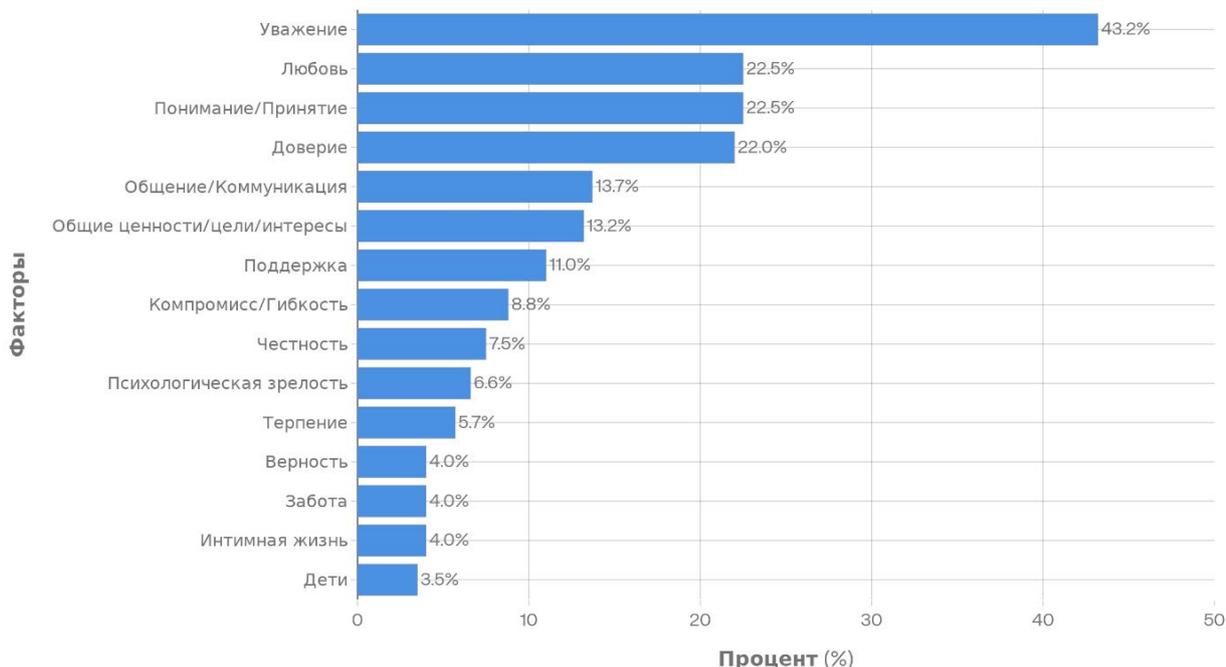

Рис. 2

Уважение выступает абсолютным лидером в иерархии факторов крепкой семьи, опережая любовь практически в 2 раза. Это может свидетельствовать о прагматизации общественных представлений о браке: эмоциональная привязанность признается важной, но недостаточной без фундамента взаимного уважения. Классическая триада «любовь-понимание-доверие» находится примерно на одном уровне (22–

22,5%). «Психологическая зрелость» входит в топ-10, хотя её называют только 6,6% – это показатель растущей осознанности.

3.4. Наиболее частые комбинации факторов

Анализ парных сочетаний категорий позволяет выявить устойчивые когнитивные модели семейных отношений:

Таблица 1

ТОП-5 комбинаций

Ранг	Комбинация факторов	Упоминания	% респондентов
1	Понимание/Принятие + Уважение	28	12,3%
2	Доверие + Уважение	28	12,3%
3	Любовь + Уважение	26	11,5%
4	Любовь + Понимание/Принятие	18	7,9%
5	Поддержка + Уважение	17	7,5%

Уважение выступает центральным элементом в большинстве комбинаций, формируя своеобразную «ось» представлений о семейной гармонии. Уважение присутствует в 4 из 5 самых частых комбинаций – это подтверждает его центральную роль.

Люди понимают семью не как моноценность («только любовь»), а как систему взаимосвязанных факторов, где уважение играет роль фундамента, на котором держится всё остальное.

Классическая триада «любовь-доверие-уважение» остается доминирующей моделью.

3.5. Гендерные различия в представлениях

Гендерные различия в представлениях о семье

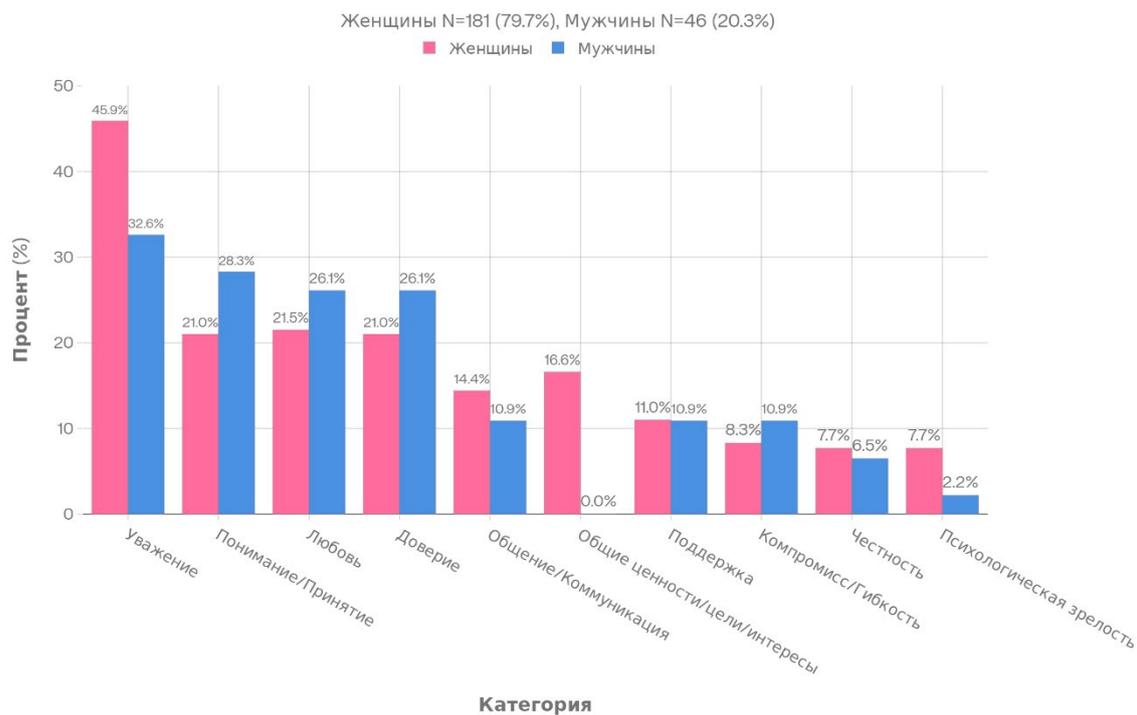

Рис. 3

Среднее количество категорий на ответ:

- Женщины: 2,14;
- Мужчины: 1,93.

Таблица 2

Категории, значимо чаще упоминаемые женщинами

Категория	Женщины	Мужчины	Разница
Общие ценности/цели/интересы	16,6%	0,0%	+16,6 п.п.
Уважение	45,9%	32,6%	+13,2 п.п.
Психологическая зрелость	7,7%	2,2%	+5,6 п.п.
Общение/Коммуникация	14,4%	10,9%	+3,5 п.п.

- Общие ценности – драматический разрыв: женщины называют в 16,6% случаев, мужчины – вообще ни разу (0%);
- Уважение – женщины упоминают почти в 1,5 раза чаще мужчин (46% vs 33%);

- Психологическая зрелость – для женщин в 3,5 раза важнее (7,7% vs 2,2%);
- Коммуникация – женщины чуть больше ценят умение разговаривать (+3,5 п.п.).

Таблица 3

Категории, значимо чаще упоминаемые мужчинами

Категория	Мужчины	Женщины	Разница
Понимание/Принятие	28,3%	21,0%	-7,3 п.п.
Доверие	26,1%	21,0%	-5,1 п.п.
Любовь	26,1%	21,5%	-4,5 п.п.
Дети	6,5%	2,8%	-3,8 п.п.

- Понимание/Принятие – мужчины называют на 7,3 п.п. чаще (28% vs 21%);
- Доверие – для мужчин важнее на 5,1 п.п. (26% vs 21%);

- Любовь – мужчины упоминают чуть чаще (+4,5 п.п.);
- Дети – мужчины называют в 2,3 раза чаще женщин (6,5% vs 2,8%).

Таким образом, женщины в большей степени фокусируются на ценностно-коммуникативных и инструментальных аспектах отношений (общие цели, уважение, психологическая зрелость, общение), что отражает более прагматичный и рефлексивный подход. Примечательно полное отсутствие упоминаний общих ценностей у мужчин, что может свидетельствовать о различиях в понимании природы близости: для женщин критична ценностная согласованность, для мужчин – эмоциональная.

Мужчины акцентируют внимание на эмоционально-отношенческих категориях

(понимание, доверие, любовь) и значимо чаще упоминают детей как основу семьи. Это может отражать патриархальную установку на семью как институт продолжения рода, где эмоциональная связь и доверие обеспечивают стабильность репродуктивной функции.

3.6. Влияние брачного опыта на представления

Сравнение респондентов с одним браком и повторными браками (2+) (категории с наибольшими различиями):

Таблица 4

Категории, чаще упоминаемые людьми с повторными браками (2+)

Категория	2+ брака	1 брак	Разница
Общение/Коммуникация	18,7%	12,5%	+6,2 п.п.
Психологическая зрелость	9,3%	5,1%	+4,2 п.п.
Любовь	24,0%	21,3%	+2,7 п.п.

Таблица 5

Категории, чаще упоминаемые людьми с одним браком

Категория	1 брак	2+ брака	Разница
Понимание/Принятие	25,7%	18,7%	-7,1 п.п.
Поддержка	12,5%	8,0%	-4,5 п.п.
Компромисс/Гибкость	11,0%	6,7%	-4,4 п.п.

Таким образом, опыт повторных браков приводит к переоценке значимости открытой коммуникации и психологической зрелости партнеров. Люди, пережившие неудачу первого брака, острее осознают необходимость прямого обсуждения проблем и эмоциональной компетентности. Парадоксально, что понимание, поддержка и компромисс чаще упоминаются

теми, кто состоял лишь в одном браке, – возможно, именно дефицит этих качеств и приводит к распаду первого брака у тех, кто вступает в повторные отношения.

3.7. Влияние конфликтного опыта развода на представления

Сравнение респондентов с высококонфликтным и неконфликтным разводом:

Таблица 6

Категории, чаще упоминаемые при высококонфликтном разводе

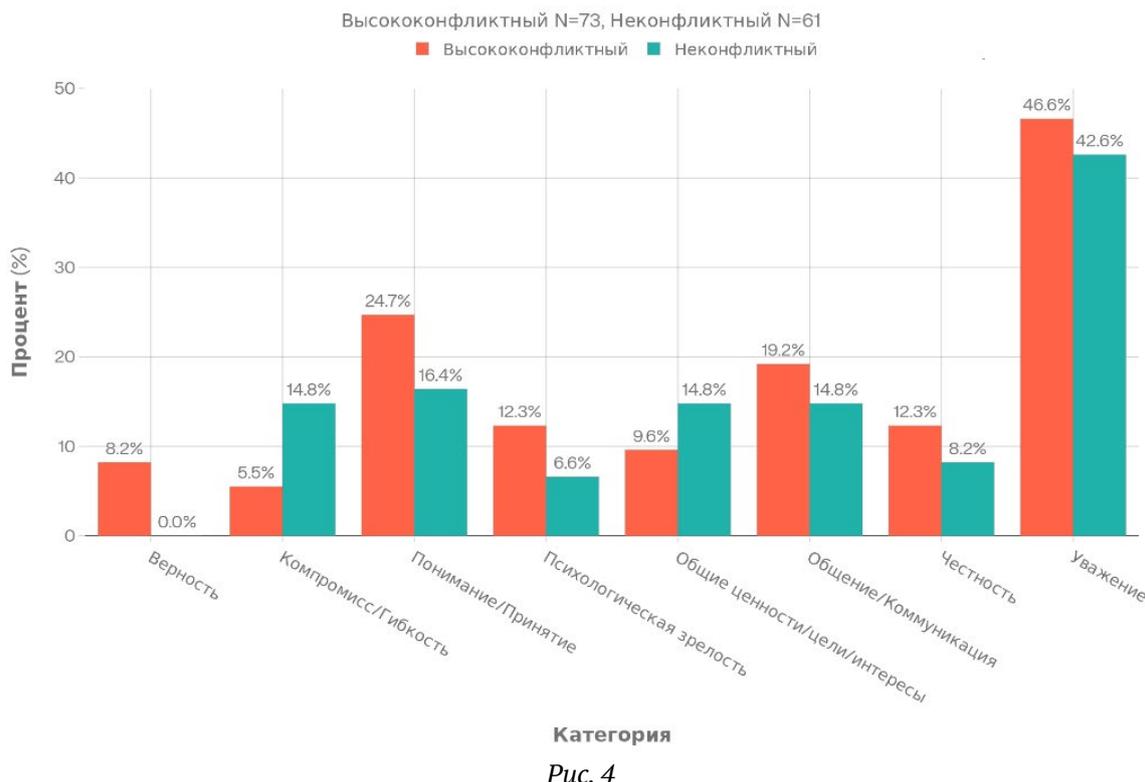
Категория	Высококонфликтный	Неконфликтный	Разница
Верность	8,2%	0,0%	+8,2 п.п.
Понимание/Принятие	24,7%	16,4%	+8,3 п.п.
Психологическая зрелость	12,3%	6,6%	+5,8 п.п.
Общение/Коммуникация	19,2%	14,8%	+4,4 п.п.
Честность	12,3%	8,2%	+4,1 п.п.

Таблица 7

Категории, чаще упоминаемые при неконфликтном разводе

Категория	Неконфликтный	Высококонфликтный	Разница
Компромисс/Гибкость	14,8%	5,5%	-9,3 п.п.
Общие ценности/цели/интересы	14,8%	9,6%	-5,2 п.п.

Влияние конфликтного развода на приоритеты

Опыт высококонфликтного развода формирует качественно иное понимание основ семейной стабильности. Верность и честность – категории морально-этического порядка – выходят на первый план, что может отражать травматический опыт предательства, лжи и манипуляций в процессе конфликта.

Резкий рост упоминаний психологической зрелости (+5,8 п.п.) свидетельствует о том, что высококонфликтный развод воспринимается как следствие эмоциональной незрелости одного или обоих партнеров. Ситуации, в которых эмоции преобладают над разумом, свидетельствуют об эгоистичной природе незрелой личности, которая не способна думать о чем-либо

еще, кроме своих личных переживаний. Общение/коммуникация (+4,4 п.п.) и понимание/принятие (+8,3 п.п.) также выходят в приоритет – вероятно, участники конфликтных разводов остро ощутили дефицит этих навыков.

Парадоксально, что компромисс и общие ценности чаще называют люди с неконфликтными разводами. Это может объясняться тем, что неконфликтное расставание часто происходит именно из-за осознания отсутствия общих целей при сохранении способности к компромиссу и уважительному диалогу.

3.8. Возрастные особенности представлений

Сравнение возрастных групп:

Таблица 8

Возрастные различия в представлениях о факторах крепкой семьи

Категория	21–35 лет	36–50 лет	51–70 лет
Уважение	42,6%	45,5%	32,0%
Понимание/Принятие	31,9%	20,8%	16,0%
Любовь	21,3%	22,1%	28,0%
Доверие	25,5%	22,7%	12,0%
Компромисс/Гибкость	14,9%	7,8%	4,0%
Поддержка	14,9%	10,4%	4,0%

Возрастная динамика представлений о семье

21-35 лет (N=47), 36-50 лет (N=154), 51-70 лет (N=25)

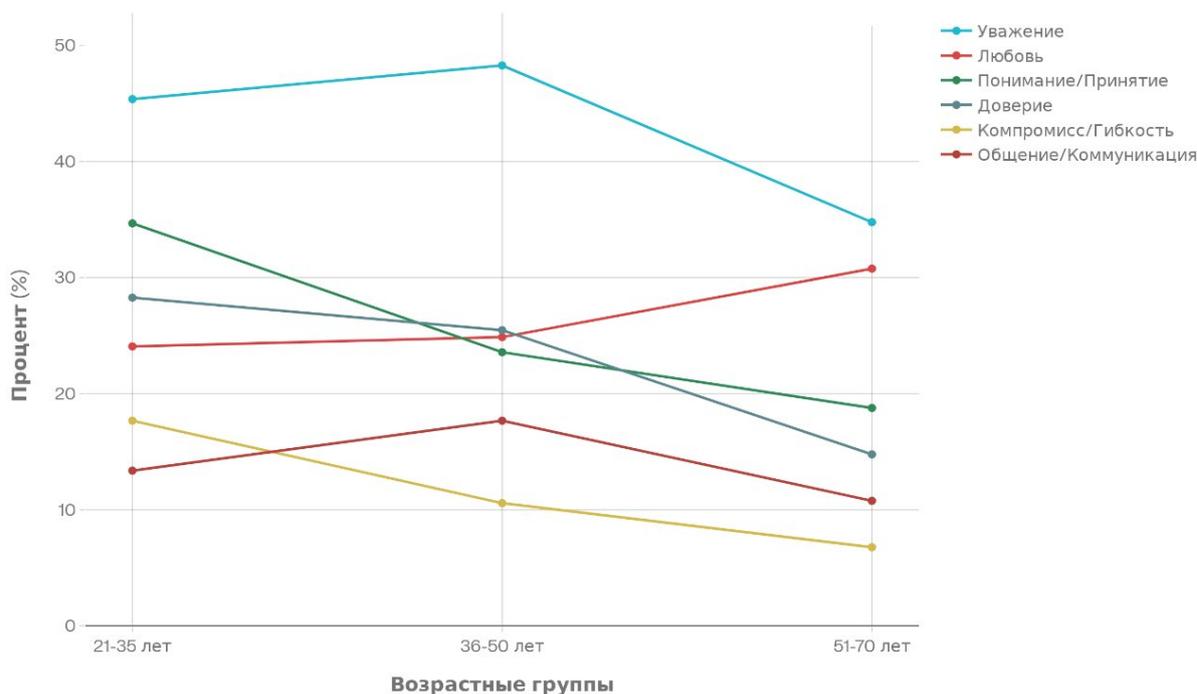

Рис. 5

Среднее количество категорий на ответ:

- 21–35 лет: 2,19;
- 36–50 лет: 2,12;
- 51–70 лет: 1,76.

С возрастом происходит упрощение и концентрация представлений о семье. Старшее поколение (51–70 лет) значительно чаще упоминает любовь как основу (28,0%), но реже – инструментальные категории (компромисс, поддержка). Это может отражать как романтизацию прошлого опыта, так и историко-культурные различия: для старших поколений любовь была более самодостаточной основой брака, не требующей столь развитых коммуникативных навыков.

Молодые респонденты (21–35 лет) демонстрируют максимальную многомерность ответов и высокую значимость понимания/принятия (31,9%) и компромисса (14,9%), что отражает современные представления о партнерском равноправном браке.

3.9. Редкие и нестандартные ответы

Общая статистика:

- Редких/нестандартных ответов: 89 (39,2% от общей выборки);
- Минималистичные ответы (1–3 слова): 62 (27,3%).

Типология нестандартных ответов:

1. Циничные взгляды:
 - «Холодный расчет с женской стороны, и большая любовь с мужской» (жен., 46 лет, 4 брака).
 2. Провокационные ответы (1 случай):
 - «Отсутствие желания друг друга понимать» (жен., 39 лет).
 3. Патриархальные установки (2 случая):
 - «Немая жена» (муж., 28 лет);
 - «Подчинение, послушание, уважение, любовь» (муж., 21 год).
 4. Гендерные стереотипы (2 случая):
 - «Я бы написала Не что, а кто? Женщина!!! Какая женщина, такая семья!» (жен., 53 года);
 - «Женское терпение. На сколько его хватит, столько и длится брак» (жен., 34 года).
 5. Фаталистический взгляд (1 случай):
 - «Случайный набор факторов» (муж., 42 года, 1 брак).
 6. Семейные границы (1 случай):
 - «Отсутствие мамы мужа рядом» (жен., 34 года).
 7. Юмористический ответ (1 случай):
 - «Лень» (жен., 46 лет).
- По нашему мнению, нестандартные ответы отражают как субкультурное разнообразие (патриархальные установки у молодых

мужчин), так и травматический опыт (цинич- ный взгляд у женщины с 4 браками). Примеча- тельно упоминание «мамы мужа» – отсылка к

классической проблеме семейных границ и се- парации в российской культуре.

3.10. Корреляционный анализ

Таблица 9

Результаты корреляционного анализа

Связь	Значимость	Эффект	Интерпретация
Конфликтность раз- вода → Постразводное общение	$p < 0.01$	$V = 0.26$ (средний)	Высококонфликтный развод сни- жает вероятность общения в 2 раза
Пол → Конфликтность развода	незначима	отсутствует	Гендер не связан с конфликтно- стью развода (55% ж. vs 52% м.)
Возраст → Конфликт- ность развода	незначима	отсутствует	Возраст не влияет на конфликт- ность развода
Количество браков → Конфликтность	$p < 0.05$	обратная связь	У людей с повторными браками разводы чаще неконфликтные (69% vs 47%)
Пол → Постразводное общение	незначима	тенденция	Мужчины чаще общаются (54% vs 36%), но различие на грани значи- мости
Наличие детей → По- стразводное общение	незначима	отсутствует	Дети не увеличивают вероятность общения (39% vs 38%)

Статистически значимые корреляции:

1. Конфликтность развода ↔ постразводное общение ($p = 0.003$) (самая сильная связь в ис- следовании):

- Статистика: $\chi^2 = 8.65$, $p < 0.01$;
- Эффект: коэффициент Крамера $V = 0.26$ (средний);
- Результат: высококонфликтный развод снижает вероятность общения в 2,02 раза;
- При высоком конфликте: 26% обща- ются;
- При низком конфликте: 52,5% обща- ются;
- Разница: 26,5 процентных пунктов.

Критическое значение для практики: Это главный аргумент для внедрения обязательной медиации при разводах с детьми!

2. Количество браков ↔ конфликтность раз- вода ($p = 0.030$) (неожиданная находка):

- Статистика: $t = -2.19$, $p < 0.05$;
- Результат: люди с повторными браками разводятся менее конфликтно;
- Один брак: 46,5% высококонфликтных;
- Два+ брака: 31,1% высококонфликтных (68,9% неконфликтных).

Гипотезы:

1. Обучающий эффект: опыт первого раз- вода формирует навыки цивилизованного рас- ставания;

2. Селективность: высококонфликтные личности реже вступают в повторные браки;

3. Зрелость: люди в повторных браках бо- лее осознанно подходят к отношениям.

Незначимые корреляции (удивительные находки):

1. Пол НЕ связан с конфликтностью ($p = 0.989$):

- Женщины: 55% высококонфликтных;
- Мужчины: 52% высококонфликтных;
- Стереотип об «истеричных женщинах»

не подтвержден.

2. Наличие детей НЕ увеличивает постраз- водное общение ($p = 1.000$):

- С детьми: 39% общаются;
- Без детей: 38% общаются;
- Парадокс! Требует дополнительного изучения.

3. Возраст НЕ влияет на конфликтность ($p = 0.875$):

- Высококонфликтные: средний возраст 42,0 лет;
- Неконфликтные: средний возраст 41,8 лет.

4. Пол и постразводное общение ($p = 0.144$, тенденция):

- Мужчины: 54% общаются;
- Женщины: 36% общаются;
- На грани значимости – нужна большая выборка.

Выводы

Полученные данные свидетельствуют о многофакторной природе устойчивости семейных отношений в общественном сознании. В отличие от романтизированных представлений, где доминирует любовь, современные респонденты демонстрируют прагматизацию понимания брака: уважение, коммуникация, общие ценности и психологическая зрелость выходят на первый план. Это соответствует концепции компаньонского брака (*companionate marriage*) в современной социологии семьи, где эмоциональная близость дополняется партнерством, взаимной автономией и договорной природой отношений.

Высококонфликтный развод является фактором переоценки ценностей. Наиболее значимым результатом исследования является установление влияния высококонфликтного развода на структуру представлений о семье. Люди, пережившие деструктивный разрыв, значимо чаще упоминают психологическую зрелость, честность и верность, общение и понимание. Полагаем, это свидетельствует о том, что конфликтный опыт разрыва выполняет дидактическую функцию, формируя более осознанное и глубокое понимание причин семейных кризисов. Однако трагедия высококонфликтного развода в том, что это знание приобретает постфактум, когда семья уже разрушена, а дети травмированы.

Установленная в исследовании двукратная разница в вероятности постразводного общения (26% vs 50,8%) имеет критическое значение для практики семейного права и детской психологии. Высококонфликтный развод не просто разрывает супружескую связь – он разрушает родительское сотрудничество, что создает риски утраты контакта детей с одним из родителей, семейного киднеппинга, вовлечения детей в конфликт лояльности, психологической травматизации детей. Это обосновывает необходимость ранней медиации и обязательного психологического сопровождения разводов при наличии несовершеннолетних детей.

Выявленные гендерные различия отражают сохраняющуюся половую специфику семейных ролей и ожиданий. Женский фокус на общих ценностях, коммуникации и психологической зрелости соотносится с традиционной экспрессивной ролью женщины как эмоционального лидера семьи. Мужской акцент на доверии, понимании и детях – с инструментальной ролью мужчины как защитника и продолжателя рода.

Однако полное отсутствие упоминаний общих ценностей у мужчин (0,0%) вызывает тревогу: это может указывать на дефицит рефлексии мужчин относительно ценностных оснований брака, что повышает риск конфликтов при столкновении с ценностными различиями в реальных отношениях.

Проведенное исследование имело ряд ограничений:

1. Смещение выборки: значительное преобладание женщин (79,7%) и доминирование возрастной группы 41–50 лет ограничивают репрезентативность выводов для всей популяции.

2. Метод самоотчета: ответы респондентов отражают декларируемые, а не обязательно реализуемые в поведении представления.

3. Кросс-секционный дизайн: отсутствие лонгитюдного компонента не позволяет установить причинно-следственные связи между опытом развода и изменением представлений.

4. Ретроспективные искажения: респонденты с конфликтными разводами могут ретроспективно переоценивать значимость тех факторов, дефицит которых они осознали постфактум.

Несмотря на ряд ограничений, проведенное исследование позволяет дать ряд рекомендаций:

Для специалистов семейного права:

1. Внедрение обязательной предразводной медиации при наличии несовершеннолетних детей с целью снижения конфликтности и сохранения постразводного родительского сотрудничества;

2. Разработка критериев идентификации потенциально высококонфликтных разводов на ранних стадиях для своевременного подключения психологов и медиаторов;

3. Просветительская работа с вступающими в брак и разводящимися супругами о последствиях высококонфликтного противостояния для детей и возможности сохранения родительской коммуникации при прекращении супружеских отношений.

Для психологов и семейных консультантов:

1. Акцентирование внимания клиентов на значимости уважения как базового фундамента отношений, превосходящего по значимости эмоциональную привязанность;

2. Развитие коммуникативных навыков супругов как ключевого защитного фактора, особенно критичного при наличии ценностных различий;

3. Работа с психологической зрелостью как предиктором устойчивости брака: способность к рефлексии, эмоциональной регуляции, принятию ответственности;

4. Гендерно-специфичные интервенции: развитие у мужчин навыков рефлексии ценностных оснований отношений, у женщин – способности к прямому выражению эмоций без ожидания «угадывания».

Для образовательных программ:

1. Включение в программы подготовки к семейной жизни (школы, вузы) блоков, посвященных не романтической любви, а прагматическим основам долгосрочных отношений: уважению, коммуникации, ценностной согласованности;

2. Развитие программ постразводной поддержки для родителей, направленных на сохранение кооперативного родительства при прекращении супружеских отношений.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить структуру современных представлений о факторах устойчивости семейных отношений и установить влияние опыта высококонфликтного развода на переоценку значимости различных аспектов семейной жизни.

Полученные данные обосновывают необходимость системных изменений в практике сопровождения разводов: от карательно-состязательной модели к медиативно-

терапевтической, ориентированной на минимизацию конфликта и сохранение родительского сотрудничества в интересах детей.

Как адвокат и психолог, специализирующийся на высококонфликтных разводах, мы ежедневно наблюдаем последствия того, что люди осознают значимость уважения, коммуникации и психологической зрелости «слишком поздно» – когда семья уже разрушена. Часто это осознают только дети, пережившие высококонфликтный развод родителей. Хуже, если они берут его за основу как поведенческую норму в ситуации развода. Задача профессионального сообщества – сделать это знания «превентивными», а не ретроспективными.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики РФ. Браки и разводы в Российской Федерации. 2024-2025.
2. Гурко Т.А. Трансформация института семьи: постановка проблемы // Социологические исследования. 2023. № 10.
3. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Детско-родительские отношения как фактор развития ребенка в семейной ситуации развода // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. № 2.
4. Шнейдер Л.Б. Семейная психология. М.: Академический проект, 2023.

NOVIKOVA Elena Romanovna

PhD in Economics, Psychologist, Lawyer, Assistant Attorney,
Moscow Bar Association "Shvyreva and Partners", Russia, Moscow

SHVYREVA Nadezhda Valeryevna

Lawyer, Chairman, Moscow Bar Association "Shvyreva and Partners", Russia, Moscow

**WHAT KEEPS THE FAMILY GOING:
THE RESULTS OF AN EMPIRICAL STUDY OF IDEAS
ABOUT THE FACTORS OF STABILITY OF MARITAL RELATIONS**

Abstract. *The study is devoted to the study of subjective ideas about the factors that ensure the stability of family relations, based on a survey of 227 respondents. Special attention is paid to the analysis of the impact of the experience of a highly conflictual divorce on the value system in the field of family relations. Gender, age, and experience-based differences in understanding the basics of the family have been identified. A significant inverse correlation has been established between the conflict of divorce and the likelihood of post-divorce communication between former spouses.*

Keywords: *family relations, stability of marriage, high-conflict divorce, post-divorce communication, respect, love, trust, psychological maturity.*

ШИРОЧЕНКО Анастасия Игоревна

магистрантка, Российский государственный социальный университет, Россия, г. Москва

Научный руководитель – доцент кафедры общественно-социальных институтов и социальной работы Российского государственного социального университета, кандидат философских наук Константинова Наталия Петровна

**ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Аннотация. В статье анализируется современная организация социальной работы в системе среднего профессионального образования (СПО), выделяются основные направления и функции социальной поддержки обучающихся. Представлены результаты эмпирического исследования уровня социального сопровождения студентов СПО, подтверждающие необходимость усиления практических механизмов социальной работы. Показана роль образовательной организации как платформы для реализации мер социальной поддержки и предотвращения социального неблагополучия. Предложены рекомендации по совершенствованию системы социальной работы в СПО.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, социальная работа, социальная поддержка, обучающиеся, образовательная политика.

Современное среднее профессиональное образование выполняет не только образовательную функцию, но и социальную – обеспечивая условия для успешной социализации, адаптации и профессионального становления молодежи [4, с. 9]. Контингент обучающихся СПО характеризуется высокой социальной неоднородностью, что обуславливает наличие у значительной части студентов потребности в социальной поддержке и сопровождении [3, с. 18]. В этой связи социальная работа в образовательных организациях СПО приобретает особую значимость как инструмент профилактики социального неблагополучия и снижения образовательных рисков.

Несмотря на нормативное закрепление функций социальной поддержки обучающихся, практика реализации социальной работы в системе СПО остается неоднородной и во многом зависит от ресурсов образовательной организации, уровня межведомственного взаимодействия и информированности самих обучающихся о доступных мерах социальной помощи [6, с. 77]. Это актуализирует необходимость научного анализа существующих форм и механизмов социальной работы в системе СПО [1, с. 43].

В рамках настоящего исследования была поставлена цель – проанализировать организацию социальной работы в системе среднего

профессионального образования на основе эмпирических данных и выявить ключевые проблемы и перспективные направления ее развития. Для достижения цели проведено анкетирование обучающихся и интервьюирование специалистов социальной сферы, что позволило оценить уровень социальной информированности студентов и эффективность реализуемых мер социальной поддержки [2, с. 12].

Социальная работа в образовательных учреждениях базируется на комплексе научных подходов, включающих гуманистические, системные и социально-психологические модели. Она ориентирована на диагностику личностных и социальных трудностей обучающихся, организацию социального сопровождения, междисциплинарную помощь и профилактику девиантного поведения. В рамках СПО социальная работа охватывает широкий спектр задач: от оказания социальной помощи до формирования жизненных навыков и поддержки профессионального самоопределения [5, с. 25].

В научной литературе социальная работа рассматривается как комплекс мероприятий, цель которых – создать благоприятные условия для успешного обучения и социализации, а также устранить факторы, препятствующие этим процессам.

Для эмпирической части исследования была использована анкетная методика, охватившая

группу обучающихся (n = 140 человек) из различных средних профессиональных образовательных организаций. Анкетирование включало вопросы о восприятии социальной поддержки, уровне информированности о доступных мерах социальной помощи, а также оценку эффективности реализуемых программ социальной работы.

Дополнительно были проведены полуструктурированные интервью с социальными педагогами и специалистами по социальной работе, что позволило получить качественные данные о практике сопровождения обучающихся.

Анализ анкет показал, что значительная часть обучающихся испытывает потребность в социальной поддержке:

- 43% респондентов указали на необходимость социальной помощи по вопросам проживания и учебной мотивации;
- 58% обучающихся считают, что их информированность о социальных программах недостаточна;
- 40% отметили, что не всегда понимают, какие меры социальной поддержки им доступны.

Интервью с профессионалами показали, что социальная работа в СПО чаще всего реализуется через:

1. Индивидуальное сопровождение;
2. Группы поддержки обучающихся;
3. Взаимодействие с внешними социальными службами.

При этом сотрудники служб отмечают нехватку ресурсов и ограниченную степень межведомственного взаимодействия, что затрудняет комплексную реализацию социальной поддержки.

Результаты исследования указывают на ряд проблем: низкую информированность обучающихся о доступных мерах поддержки, недостаточное взаимодействие образовательных организаций с социальными службами, а также ограниченность ресурсов служб социальной работы. Эти факторы препятствуют формированию полноценной системы социальной поддержки в СПО.

Современные модели социальной работы предполагают активное использование технологий межведомственного взаимодействия, развитие программ превентивной поддержки, а также расширение образовательных мероприятий по социальному развитию обучающихся.

Организация социальной работы в системе среднего профессионального образования является важным условием достижения образовательных и социальных результатов. Эффективная социальная работа способствует усилению социальной адаптации обучающихся, укреплению их профессиональной мотивации и преодолению личностных трудностей, связанных с обучением.

Для повышения эффективности предлагается:

- усилить информирование обучающихся о доступных мерах социальной поддержки;
- развивать межведомственное взаимодействие между образовательными организациями, структурами социальной защиты и службами занятости;
- внедрять превентивные программы социального сопровождения и поддержки.

Литература

1. Анбрехт Т.А. Социальная защита отдельных категорий граждан. – М.: Юрайт, 2022. 350 с.
2. Воронцова М.В., Макаров В.Е. Социальная защита и социальное обслуживание населения. – М.: Юрайт, 2024. 189 с.
3. Иванова Е.В., Петров С.А. Теория и практика социальной работы в образовательной среде. – М.: Юрайт, 2022. 487 с.
4. Сидорова А.А. Социальная работа в образовательных организациях: методология и практика. – СПб.: Питер, 2021. 555 с.
5. Смирнов И.П. Особенности социальной поддержки обучающихся в СПО // Журнал образования и социальной политики. – 2023. 97 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования. – М., 2024. 198 с.

SHIROCHENKO Anastasia Igorevna

Graduate Student, Russian State Social University, Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Socio-Social Institutions
and Social Work of the Russian State Social University,
Candidate of Philosophical Sciences Konstantinova Natalia Petrovna*

ORGANIZATION OF SOCIAL WORK IN THE SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM

Abstract. *The article analyzes the modern organization of social work in the system of secondary vocational education (SVE), highlights the main directions and functions of social support for students. The results of an empirical study of the level of social support for vocational students are presented, confirming the need to strengthen practical mechanisms of social work. The role of an educational organization as a platform for the implementation of social support measures and the prevention of social ill-being is shown. Recommendations for improving the social work system in vocational schools are proposed.*

Keywords: *secondary vocational education, social work, social support, students, educational policy.*

ФИЛОСОФИЯ

ЧАЙКОВСКИЙ Аркадий Иванович

учитель, Шлиссельбургская средняя школа № 1, Россия, г. Шлиссельбург

VTN-10. ТЕМПОРАЛЬНАЯ БИОЛОГИЯ

Аннотация. В работе рассматривается роль темпоральной асимметрии в биологических системах с позиций структурной теории времени. Необратимость понимается не как следствие термодинамических, статистических или биологических процессов, а как фундаментальное свойство темпоральной архитектуры, выражаемое структурным включением более ранних темпоральных конфигураций в более поздние ($T_{after} \supset T_{before}$). В этом смысле направленность времени является первичной по отношению к любым динамическим или функциональным проявлениям.

Биологические системы анализируются как активные структуры, функционирующие внутри уже необратимой темпоральной организации. Жизнь не создаёт необратимость, а использует и локально стабилизирует существующую темпоральную асимметрию, поддерживая устойчивые режимы обмена, памяти и производства. Особое внимание уделяется различию между фундаментальными структурными основаниями необратимости и производными описательными величинами, такими как плотность времени $\rho(t, x)$, которые отражают, но не объясняют направленность темпоральных процессов.

Показано, что ключевые биологические феномены, включая метаболизм, гомеостаз, генетическую и когнитивную память, могут быть интерпретированы как формы работы с уже заданной темпоральной асимметрией, а не как её источник. Такой подход позволяет предложить единый структурный язык для описания живых систем в контексте общей темпоральной организации.

Ключевые слова: темпоральная асимметрия, необратимость, структурное время, темпоральная архитектура, биологические системы, темпоральная координация, память, метаболизм, плотность времени, VTN.

Введение

Вопрос о роли времени в живых системах традиционно формулируется в терминах динамики, адаптации и термодинамической необратимости. Биологические процессы часто описываются как источники направленности, сложности и устойчивости, а сама жизнь нередко рассматривается как привилегированная область, в которой необратимость проявляется особенно ярко. Подобные интерпретации, однако, оставляют неясным более фундаментальный вопрос: является ли необратимость следствием биологических механизмов, или же она предшествует им как структурное свойство темпоральной организации.

В рамках серии VTN была предложена альтернативная перспектива, в которой первичное внимание уделяется не динамическим состояниям и не эволюционным траекториям, а архитектуре времени как таковой. В этой перспективе необратимость не выводится из

статистических, термодинамических или функциональных соображений, а рассматривается как фундаментальное свойство темпоральной структуры. Более поздние темпоральные конфигурации структурно включают ранее сформированные ограничения и согласования, что выражается принципом $T_{after} \supset T_{before}$. Именно это структурное включение задаёт необратимость как базовое условие всех дальнейших процессов.

В предыдущей работе необратимость времени была рассмотрена как следствие структуры согласования событий, не требующее введения дополнительных сущностей. Возникает естественный вопрос: каким образом такая необратимость проявляется в системах, обладающих памятью, адаптацией и развитием? В настоящей статье этот вопрос рассматривается на примере биологических систем, где темпоральные эффекты приобретают наглядную и практически наблюдаемую форму.

С такой точки зрения биологические системы не являются источником необратимости и не создают направленность времени. Напротив, они функционируют внутри уже необратимой темпоральной архитектуры и используют её свойства для поддержания устойчивых режимов обмена, воспроизводства и памяти. Жизнь предстает не как причина темпоральной асимметрии, а как особый способ работы с ней на локальных иерархических уровнях.

Биологические системы в данном контексте интересны не как частный случай физической организации, а как системы, в которых темпоральная необратимость, накопление изменений и невозможность полного возврата проявляются наиболее явно и устойчиво.

Цель настоящей работы состоит в том, чтобы проанализировать биологические системы именно в этом контексте. Рассматриваются механизмы, посредством которых живые структуры стабилизируют и эксплуатируют уже заданную темпоральную асимметрию, не нарушая её фундаментальных оснований. Особое внимание уделяется разграничению между первичными структурными принципами необратимости и производными описательными величинами, такими как плотность времени $\rho(t, x)$, которые могут использоваться для характеристики локальной темпоральной насыщенности, но не объясняют направленность сами по себе.

Такой подход позволяет выстроить последовательное описание жизни как части более общей темпоральной архитектуры. В дальнейшем это создаёт основу для согласованного анализа метаболизма, гомеостаза, генетической и когнитивной памяти в рамках единой структурной теории времени.

1. Ограниченность бинарной классификации «живое – неживое»

Традиционное разделение систем на «живые» и «неживые» восходит к биологическому уровню описания. В этой классификации жизнь определяется набором феноменологических признаков – метаболизмом, размножением, гомеостазом, адаптацией, реактивностью и поддержанием внутренней организации. Однако такой подход оказывается недостаточным по двум причинам.

Во-первых, каждый из этих признаков является не фундаментальным свойством системы, а следствием определенного режима динамики. Метаболизм – это форма потоковой стабилизации градиентов; гомеостаз – частный

случай многоконтурной регуляции; размножение – способ дублирования устойчивых темпоральных паттернов; адаптация – перестройка внутренних аттракторов. Ничто из этого не является определяющим в физическом смысле, и все такие признаки реализуемы в частично или полностью небиологических системах.

Во-вторых, в физическом мире существуют объекты, которые формально соответствуют части биологических критериев, но не считаются живыми: самоподдерживающиеся химические циклы, автокаталитические реакции, паттерны Белоусова–Жаботинского, пламя, конвективные ячейки, устойчивые плазменные структуры, системы со сложной нелинейной самоорганизацией. В то же время некоторые биологические агенты (например, вирусы) не удовлетворяют набору признаков жизни в полном объеме. Следовательно, классические критерии не являются ни необходимыми, ни достаточными, и граница «живое – неживое» в биологии носит скорее описательный, чем фундаментальный характер.

С точки зрения фундаментальной физики естественным образом возникает вопрос о возможности проведения универсальной и строгой границы между живыми и неживыми системами в терминах динамики физических величин. Если такая граница существует, она должна быть выражена не через функциональные или феноменологические признаки, а через структуру самой физической динамики. Однако именно на этом уровне традиционные подходы сталкиваются с принципиальными трудностями, поскольку не располагают языком, позволяющим описывать различия в организации эволюции систем, не сводя их к дискретной классификации.

Темпоральный подход предлагает иной способ постановки вопроса. Вместо поиска жёсткой бинарной границы он позволяет рассматривать эволюцию систем через **описание их темпоральной организации**, включая такие характеристики их темпоральной организации – как плотность времени $\rho(t, x)$, минимальные темпоральные переходы, характеризующиеся пороговыми энергетическими изменениями $\Delta E(t, x)$, градиенты $\text{grad } \rho$ и структуру множества допустимых эволюционных переходов $T(t)$. В рамках такого описания различие между «живым» и «неживым» перестаёт быть дискретным. Развитие системы определяется не наличием или отсутствием фиксированного набора функций, а тем, в какой степени она

способна поддерживать, стабилизировать и усложнять собственную темпоральную архитектуру. Таким образом, различие между живыми и неживыми системами проявляется как непрерывный спектр режимов темпоральной активности, а не как универсальная граница.

Под минимальными темпоральными переходами $\Delta E(t, x)$ далее понимаются пороговые энергетические изменения, необходимые для реализации элементарных переходов между допустимыми темпоральными конфигурациями системы в рамках множества $T(t)$.

Пассивные структуры – атомы, простые молекулы, кристаллические решетки – обладают крайне низким уровнем собственной темпоральной активности: их структура определяется внешними условиями, и множество возможных переходов формируется средой. Между тем химические автокаталитические системы, биохимические сети, клетки и организмы обладают существенно большей активностью: они не только реагируют на внешние изменения, но и поддерживают собственные градиенты, минимизируют ΔE изнутри и создают устойчивые аттракторы динамики.

Таким образом, различие между живыми и неживыми системами – это различие не в наличии определенных функций, а в степени внутренней темпоральной активности, то есть способности системы удерживать и перестраивать собственную темпоральную архитектуру. Это приводит к естественному переходу от бинарной классификации к непрерывной шкале темпоральной активности, которая будет введена в следующем разделе.

Кроме того, биологические системы традиционно рассматриваются как наглядные примеры необратимых процессов. Метаболизм, рост, развитие, старение и эволюция демонстрируют выраженную направленность во времени, что нередко приводит к интерпретациям, в которых жизнь выступает источником или усилителем темпоральной асимметрии. В рамках таких подходов именно биологическая организация оказывается ответственна за возникновение направленности и устойчивости процессов.

В предлагаемой здесь перспективе подобные интерпретации требуют существенного уточнения. Темпоральная асимметрия не возникает в результате биологической организации и не порождается биологическими

механизмами. Она представляет собой фундаментальное структурное свойство темпоральной архитектуры, выражаемое включением ранее сформированных темпоральных конфигураций в последующие ($T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$). Биологические системы полностью функционируют внутри уже необратимой структуры времени и не изменяют её базовых характеристик.

С этой точки зрения специфика живых систем заключается не в создании необратимости, а в их способности активно взаимодействовать с ней. Живые организмы поддерживают себя вдали от равновесия, стабилизируя определённые режимы темпоральной координации. Эти режимы обеспечивают устойчивость обменных процессов, воспроизводства и памяти, оставаясь при этом согласованными с фундаментальной необратимой структурой времени.

Темпоральная асимметрия, таким образом, является необходимым условием биологической организации, но не её объяснением. Наличие необратимого темпорального фона делает возможным существование упорядоченных процессов, однако не определяет их конкретную форму. Биологические системы следует рассматривать как селективные реализации допустимых темпоральных продолжений, а не как механизмы, навязывающие времени направленность.

Это различие имеет принципиальное значение при анализе биологической устойчивости. Устойчивость живых систем часто ошибочно понимается как сопротивление изменениям или стремление к равновесию. В действительности биологическая устойчивость представляет собой сохранение согласованной темпоральной координации в условиях непрерывного потока изменений. Живые системы не противостоят темпоральной асимметрии, а опираются на неё, выстраивая свои внутренние процессы в соответствии с необратимой структурой темпоральной эволюции.

В последующих разделах эта концептуальная рамка будет развёрнута на различных уровнях организации. Особое внимание будет уделено роли локальных описательных характеристик, таких как плотность времени $\rho(t, x)$, которые позволяют фиксировать особенности темпоральной насыщенности процессов, не выступая при этом фундаментальным источником необратимости.

2. Темпоральная координация и различие между живыми и неживыми системами

2.1. Темпоральная координация в неживых системах

Неживые физические системы развиваются в условиях фундаментальной темпоральной необратимости, заданной структурным включением более ранних темпоральных конфигураций в последующие ($T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$). Эта необратимость проявляется в виде направленности процессов, распада начальных условий, формирования устойчивых режимов и потери информации о микроскопических деталях прошлого. Однако сами неживые системы не осуществляют активной работы с темпоральной асимметрией.

В таких системах темпоральная координация носит пассивный характер. Процессы следуют заданной архитектуре времени, но не стремятся к её удержанию или локальной стабилизации. Устойчивые режимы, возникающие в неживых системах, как правило, являются следствием внешних условий или внутренних симметрий динамики, а не результатом активного поддержания согласованности процессов во времени.

Даже в случаях самоорганизации неживых систем темпоральная координация остаётся вторичным эффектом. Она не направлена на сохранение структуры как таковой и разрушается при изменении условий. Неживые системы не обладают механизмами, позволяющими целенаправленно удерживать определённые режимы темпоральной координации на протяжении длительных интервалов времени.

2.2. Активная темпоральная координация в живых системах

В отличие от неживых систем, живые организмы характеризуются способностью к активной темпоральной координации. Они не просто существуют в необратимой темпоральной архитектуре, но используют её для поддержания собственной устойчивости. Эта активность проявляется в способности живых систем стабилизировать определённые режимы процессов, несмотря на постоянный поток изменений.

Живые системы выстраивают согласование биохимических, физиологических и поведенческих процессов таким образом, чтобы сохранять непрерывность своего существования во времени. Метаболизм, рост, регуляция и воспроизводство требуют не только

энергетических ресурсов, но и точного согласования последовательностей процессов с фундаментальной темпоральной асимметрией. Именно это согласование позволяет живым системам оставаться устойчивыми вдали от равновесия.

Важно подчеркнуть, что активная темпоральная координация не означает создания необратимости. Живые системы не порождают направленность времени и не изменяют принцип $T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$. Они лишь реализуют особые способы работы внутри уже необратимой темпоральной структуры, локально удерживая и эксплуатируя её свойства.

2.3. Плотность времени $\rho(t, x)$ как описательная характеристика

Для анализа различий между живыми и неживыми системами полезно вводить локальные описательные величины, характеризующие распределение темпоральной активности. Одной из таких величин является плотность времени $\rho(t, x)$, отражающая степень темпоральной насыщенности процессов в определённой области пространства и на определённом уровне организации.

В неживых системах распределение $\rho(t, x)$, как правило, определяется внешними условиями и внутренней динамикой и не поддерживается активно. Неоднородности темпоральной плотности носят временный характер и исчезают при изменении условий. В живых системах, напротив, наблюдается устойчивое поддержание специфических распределений $\rho(t, x)$, связанных с метаболическими циклами, регуляторными контурами и механизмами памяти.

При этом принципиально важно подчеркнуть, что $\rho(t, x)$ не является источником необратимости. Она не объясняет направленность времени и не лежит в основании темпоральной асимметрии. Неоднородности плотности времени отражают уже существующую структурную необратимость, заданную включением T_{before} в T_{after} , и служат инструментом описания локальных режимов темпоральной координации.

2.4. Иерархия координации и биологическая устойчивость

Активная темпоральная координация в живых системах реализуется иерархически. Молекулярные, клеточные, тканевые и организменные уровни связаны между собой через согласование темпоральных режимов, каждый из которых встраивается в более общий контур

координации. Нарушение согласованности на одном уровне может быть частично компенсировано на другом, что обеспечивает устойчивость живых систем в изменяющихся условиях.

Биологическая устойчивость в этом контексте не означает сохранение состояния, а представляет собой сохранение согласованной темпоральной структуры. Живые системы устойчивы постольку, поскольку способны поддерживать согласование процессов во времени, оставаясь совместимыми с фундаментальной необратимой архитектурой. Именно эта способность отличает их от неживых систем и позволяет рассматривать жизнь как особый режим работы с темпоральной асимметрией.

3. Спектр темпоральной активности $A(T)$

Поскольку различие между пассивными и активными структурами не является дискретным, а представляет собой непрерывный спектр, необходимо ввести параметр, характеризующий степень участия системы в собственной темпоральной динамике. Такой параметр мы обозначим как темпоральная активность системы $A(T)$.

Темпоральная активность – это величина, описывающая способность системы:

1. Поддерживать внутренние градиенты плотности времени $\text{grad } \rho(t, x)$;
2. Минимизировать собственную $\text{deltaE}(t, x)$ за счет внутренних механизмов;
3. Стабилизировать множество переходов $T(t)$;
4. Порождать собственные аттракторы темпоральной динамики;
5. Расширять $T(t)$ в соответствии с соотношением $T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$ не только под действием внешних событий, но и за счет внутренних процессов.

В предельных случаях $A(T)$ принимает минимальные или максимальные значения, соответствующие пассивной и активно-самоподдерживающейся динамике. Между этими крайностями существует континуум состояний.

3.1. Определение $A(T)$

Формально темпоральная активность системы определяется как функционал: $A(T) = f [dT/dt, \text{grad } \rho, \text{deltaE}_{\text{int}}]$.

Где:

- dT/dt – скорость изменения множества допустимых переходов, связанная с тем, насколько система сама расширяет или стабилизирует $T(t)$;
- $\text{grad } \rho$ – величина и устойчивость собственных градиентов плотности времени;

- $\text{deltaE}_{\text{int}}$ – вклад внутренней динамики в минимизацию темпоральной энергии.

Это определение не требует фиксированной нормировки: оно вводит порядок величин, позволяя упорядочить системы по степени их темпоральной активности.

3.2. Нижний предел: пассивные структуры ($A \approx 0$)

В пассивных темпоральных структурах:

- $dT/dt \rightarrow$ определяется внешней динамикой;
- $\text{grad } \rho \rightarrow$ полностью внешние;
- $\text{deltaE}_{\text{int}} \rightarrow$ отсутствует, минимизация задается средой.

Примеры:

- атомы;
- простые молекулы;
- кристаллы;
- неживые физические структуры.

У таких систем отсутствует способность удерживать собственную форму при возмущениях, если среда меняется: устойчивость здесь – функция внешних условий, а не самой системы.

3.3. Промежуточная область: предбиологические структуры ($A > 0$)

В химических сетях, автокаталитических реакциях и самоподдерживающихся химических циклах появляются:

- первые собственные $\text{grad } \rho$;
- начальные механизмы стабилизации $\text{deltaE}_{\text{int}}$;
- способность удерживать конфигурацию в ограниченном диапазоне возмущений.

Это еще не биологическая жизнь, но уже не пассивная материя. Такие системы расширяют $T(t)$ за счет внутренней динамики и являются естественным переходным звеном между пассивными и биологическими структурами.

3.4. Биологические структуры (A существенно > 0)

Биологические системы обладают сложными механизмами внутренней регуляции:

- метаболическими потоками;
- циклическими обратными связями;
- регуляцией $\text{grad } \rho$ на клеточном и надклеточном уровнях;
- многоканальной минимизацией $\text{deltaE}_{\text{int}}$;
- устойчивыми аттракторами на разных масштабах.

У них dT/dt зависит в значительной степени от внутренних процессов: организм активно удерживает собственную темпоральную

архитектуру и сопротивляется внешним возмущениям.

3.5. Когнитивные структуры (А резко возрастает)

На когнитивном уровне активность $T(t)$ получает дополнительный механизм усиления:

- способность формировать внутренние модели;
- поддерживать сложные аттракторы нейродинамики;
- прогнозировать будущие переходы;
- перестраивать $T(t)$ не только реакцией, но и инициативой.

Здесь $A(T)$ возрастает скачкообразно: система не только удерживает себя, но и разрабатывает траектории собственного развития, создавая новые уровни событийности.

3.6. Высокоорганизованные активные структуры (А максимальна)

Высшие уровни темпоральной активности включают:

- крупномасштабные биологические сети;
- социальные системы;
- коллективные когнитивные структуры;
- искусственные саморазвивающиеся системы;
- цивилизационные надсистемы.

В таких системах $T(t)$ растет за счет сложной внутренней динамики, включающей генерацию новых аттракторов, устойчивых паттернов поведения и механизмов усиления $grad \rho$ на больших масштабах.

3.7. Спектр $A(T)$: от пассивного к разумному

Спектр можно изобразить в виде континуума:

- A_0 – пассивные структуры;
- A_1 – предбиологические сети;
- A_2 – клетки;
- A_3 – организмы;
- A_4 – сложные биосистемы;
- A_5 – когнитивные системы;
- A_{6+} – высокоуровневые активные структуры, включая саморазвивающийся разум.

В таком описании:

- жизнь $\approx A(T)$ выше определенного порога;
- разумность $\approx A(T)$ на высоких уровнях;
- «неживое» $\approx A(T)$ близкое к 0.

Это определение устраняет бинарность и заменяет ее строгим физическим спектром темпоральной активности.

3.8. Метаболизм как форма активной темпоральной координации

Метаболизм традиционно рассматривается как совокупность химических реакций, обеспечивающих энергетический и материальный обмен живых систем с окружающей средой. В рамках стандартных биохимических описаний он выступает прежде всего как механизм поддержания структуры и функций организма. Однако с точки зрения темпоральной архитектуры метаболизм приобретает более фундаментальный статус, связанный не только с обменом веществ, но и с организацией процессов во времени.

В условиях необратимой темпоральной структуры, заданной включением более ранних темпоральных конфигураций в последующие ($T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$), метаболизм может быть интерпретирован как механизм активного согласования последовательностей процессов. Он обеспечивает не просто протекание реакций, а их упорядоченность и воспроизводимость во времени. Благодаря этому живые системы способны поддерживать устойчивые режимы функционирования, оставаясь совместимыми с фундаментальной темпоральной асимметрией.

Ключевой особенностью метаболизма является его циклическая организация. Метаболические циклы не отменяют необратимость времени и не предполагают возврата к прошлым состояниям. Напротив, их устойчивость возможна лишь в условиях необратимого темпорального потока, в котором каждая итерация цикла осуществляется в новой темпоральной конфигурации. Повторяемость здесь носит структурный, а не буквальный характер и основана на сохранении согласования процессов, а не на тождестве состояний.

С этой точки зрения метаболизм можно рассматривать как способ локального удержания темпоральной координации. Живые системы используют энергетические потоки для поддержания согласованных последовательностей реакций, предотвращая распад временной структуры, который был бы характерен для неживых систем в аналогичных условиях. При этом источником необратимости остаётся фундаментальная темпоральная архитектура, а не метаболические процессы сами по себе.

Роль плотности времени $\rho(t, x)$ в этом контексте носит описательный характер. Устойчивые метаболические режимы связаны с локальными областями повышенной темпоральной

насыщенности, в которых интенсивность согласованных процессов существенно выше, чем в окружающей среде. Эти неоднородности $\rho(t, x)$ отражают степень вовлечённости системы в активную темпоральную координацию, но не объясняют направленность процессов и не выступают их фундаментальной причиной.

Таким образом, метаболизм может быть интерпретирован как базовая форма активной темпоральной координации, характерная для живых систем. Он не создаёт необратимость и не нарушает структурного принципа $T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$, а реализует устойчивые режимы функционирования внутри уже необратимой темпоральной структуры. В этом качестве метаболизм служит фундаментом для более сложных биологических процессов, включая регуляцию, развитие и формирование памяти, которые будут рассмотрены в последующих разделах.

4. Темпоральная неизбежность возникновения активных систем

В предыдущих разделах было показано, что темпоральная активность $A(T)$ является непрерывным параметром, определяющим степень участия системы в собственной эволюции. Однако остается фундаментальный вопрос: почему активные структуры вообще появляются? Почему Вселенная не осталась набором пассивных состояний? И что делает возникновение жизни и разума физически неизбежным?

Ответ следует из центрального принципа темпоральной модели:

$T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$ для любого необратимого события.

Это означает, что множество допустимых переходов $T(t)$:

- всегда растёт;
- никогда не сокращается;
- приобретает новые направления эволюции после каждого события;
- и обладает строгой монотонностью.

Такая динамика приводит к ряду фундаментальных следствий.

4.1. Пассивные структуры не могут «остановить» рост $T(t)$

Пассивные структуры (атомы, молекулы, кристаллы) занимают минимальные уровни $A(T)$.

Однако даже они, под воздействием внешних процессов, порождают новые события:

- столкновения;
- химические реакции;

- фазовые переходы;
- флуктуации поля;
- локальные нарушения симметрии.

Каждое из этих событий расширяет $T(t)$.

Следовательно: даже мир, состоящий исключительно из пассивных структур, неизбежно порождает рост возможностей.

Рост возможностей \rightarrow рост сложностей \rightarrow рост $A(T)$.

4.2. Рост $T(t)$ приводит к появлению структур, способных удерживать $\text{grad } \rho$

По мере расширения $T(t)$ возрастает число:

- устойчивых циклов;
- автокаталитических сетей;
- локальных градиентов;
- нелинейных режимов.

С определённого момента возникают структуры, которые могут:

- не только существовать в уже созданных условиях;
- но и поддерживать внутренние градиенты плотности времени $\text{grad } \rho$.

Это и есть переход от A_0 к A_1 – A_2 .

Следствие: возникновение активных структур – не редкость и не исключение, а закономерный переход при насыщении $T(t)$.

4.3. Активные структуры ускоряют рост $T(t)$

Когда система начинает:

- удерживать свои градиенты,
- минимизировать ΔE изнутри,
- формировать собственные аттракторы,
- стабилизировать переходы, она превращается из пассивного элемента в источник внутренней темпоральной динамики.

Тогда темпоральная эволюция ускоряется: $A(T)$ растёт быстрее, $T(t)$ расширяется стремительнее, возникают новые уровни сложности.

Это самоподдерживающийся процесс: чем выше $A(T)$, тем быстрее растёт $T(t)$; чем быстрее растёт $T(t)$, тем выше становятся возможные $A(T)$.

Это формирует каскад эволюционных переходов.

4.4. Появление жизни – неизбежный порог в росте $A(T)$

В биологических системах:

- $\text{grad } \rho$ становится сложным и многоуровневым;
- ΔE стабилизируется внутренними циклами;
- $T(t)$ поддерживается изнутри;
- система активно сопротивляется внешним возмущениям.

Эти свойства не требуют «удачи» или «случайного совпадения».

Они возникают, когда: $A(T)$ превышает порог, при котором структура начинает удерживать собственную темпоральную архитектуру.

Этот порог является следствием $T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$, а не исключением.

Следовательно: Жизнь появляется неизбежно в любой системе, в которой $T(t)$ достаточно долго растёт.

4.5. Появление разума – дальнейший неизбежный этап

Следующим порогом является способность:

- предсказывать собственные переходы;
- создавать модели будущих состояний;
- формировать суператтракторы поведения;
- перестраивать $T(t)$ не реакцией, а инициативой.

Это соответствует переходу к высоким уровням $A(T)$.

Таким образом: разум – не «побочный продукт» биологии, а закономерное следствие роста темпоральной активности, так же неизбежное, как и сама жизнь».

4.6. Итог

Монотонное расширение $T(t)$ задаёт необратимый вектор эволюции: пассивные структуры → предбиологические сети → биологическая жизнь → когнитивные системы → разумные надструктуры.

Ни один из этих этапов не является случайным.

Они прямое следствие фундаментальной динамики времени.

5. Биологическая жизнь как частный случай активных темпоральных структур

В предыдущих разделах была введена темпоральная активность $A(T)$ и показано, что появление активных систем является неизбежным следствием расширения множества допустимых переходов $T(t)$. Биологическая жизнь возникает тогда, когда темпоральная активность достигает уровня, при котором система начинает устойчиво удерживать собственную архитектуру на основе внутренних механизмов регуляции. Биологические организмы представляют собой один из частных случаев таких высокоактивных структур.

5.1. Минимизация ΔE как основа биологических процессов

Для биологических систем характерна многоуровневая минимизация ΔE_{int} – внутренняя минимизация темпоральной энергии.

На биохимическом уровне эта минимизация реализуется через:

- метаболические циклы;
- автокаталитические сети;
- механизм передачи энергии (АТФ, протонные градиенты);
- стабильные обратные связи между реакциями.

Темпоральная модель интерпретирует метаболизм как механизм, который:

1. Поддерживает устойчивые $\text{grad } \rho(t, x)$ внутри клетки;
2. Стабилизирует $T(t)$ клетки против внешних флуктуаций;
3. Минимизирует ΔE_{int} так, чтобы система не разрушалась при колебаниях внешних условий.

Таким образом, метаболизм – это физический механизм самоподдержания темпоральной структуры.

5.2. Градиенты плотности времени как основа клеточной организации

В биологических системах $\text{grad } \rho(t, x)$ формируют сложные внутриклеточные и межклеточные структуры:

- мембранные потенциалы;
- концентрационные градиенты;
- распределение зон молекулярной активности;

- осевые и полярные структуры клеток.

На языке темпоральной модели: клетка существует как устойчивая структура именно потому, что удерживает собственные $\text{grad } \rho$.

Эти градиенты:

- не создаются внешней средой;
- поддерживаются изнутри;
- перестраиваются по мере развития и деления клетки.

Это отличает клетку от любой пассивной системы – в пассивной системе $\text{grad } \rho$ определяется внешним состоянием, в клетке – внутренним.

5.3. Генетическая система как темпоральный аттрактор

Генетическая информация (ДНК, РНК) представляет собой:

- устойчивый темпоральный паттерн;
- являющийся аттрактором длительного действия;
- обеспечивающий стабильность переноса структуры $A(T)$ между поколениями.

В терминах темпоральной модели: генетический код – это способ удержания

долгоживущего аттрактора $T(t)$ на биологическом масштабе.

Он:

- задаёт архитектуру $\text{grad } \rho$ в клетке;
- стабилизирует внутреннюю минимизацию deltaE_int ;
- создаёт условия для расширения $A(T)$ в следующих поколениях.

5.4. Гомеостаз как динамическая стабилизация $T(t)$

Биологические системы поддерживают гомеостаз – устойчивость параметров при внешних и внутренних возмущениях.

На языке темпоральной модели: гомеостаз = динамическая стабилизация множества возможных переходов $T(t)$.

Организм удерживает $T(t)$ в пределах, обеспечивающих устойчивую активность. Нарушение гомеостаза – это нарушение устойчивости $T(t)$, которое может привести к снижению $A(T)$ вплоть до разрушения структуры.

5.5. Размножение как расширение темпоральной структуры

Размножение – не цель, а механизм устойчивого переноса $A(T)$.

В темпоральной модели:

- каждая новая клетка или организм – новая реализация устойчивого аттрактора;
- размножение обеспечивает сохранение и расширение $T(t)$;
- эволюция возможна только потому, что $T(t)$ растёт.

Размножение – способ обеспечить устойчивость активной структуры в масштабе поколений.

5.6. Адаптация как перестройка $\text{grad } \rho$ и $T(t)$

Адаптация возникает тогда, когда система:

- изменяет собственные $\text{grad } \rho$;
- перестраивает внутренние аттракторы;
- оптимизирует минимизацию deltaE_int

так, чтобы сохранить высокое $A(T)$ в меняющейся среде.

В биологии это проявляется как:

- мутации;
- регуляция экспрессии генов;
- перестройка нейронных путей;
- эпигенетические механизмы.

В физическом описании: адаптация – это активное управление собственной темпоральной архитектурой.

5.7. Биологическая жизнь как точка в спектре $A(T)$

Таким образом, жизнь не является дискретным состоянием мира. Она представляет собой область спектра $A(T)$, в которой:

1. Внутренние $\text{grad } \rho$ устойчивы;
2. deltaE_int минимизируется многоканальными механизмами;
3. $T(t)$ стабильно расширяется изнутри;
4. Структура самоподдерживается;
5. Возникают долгоживущие аттракторы (геном, клетки, организмы).

То есть: биологическая жизнь – это частный случай активных темпоральных структур, обладающих достаточной внутренней организацией, чтобы удерживать сложные градиенты плотности времени.

6. Когнитивные структуры и высокий уровень темпоральной активности $A(T)$

В биологических системах темпоральная активность $A(T)$ достигает уровня, при котором система способна поддерживать устойчивые градиенты плотности времени $\text{grad } \rho$ и многоканально минимизировать deltaE_int . Однако когнитивные структуры – нейронные сети, нервные системы, мозг – представляют собой качественно новый этап: здесь активная динамика темпоральной архитектуры приобретает способность к самоотражению и планированию будущих состояний.

Когнитивная система – это структура, которая не только удерживает собственные темпоральные градиенты, но и создаёт внутренние модели будущих переходов $T(t)$. Это приводит к скачкообразному росту $A(T)$ и возникновению новой категории активных систем – систем с внутренними аттракторами модели будущего.

6.1. Нейронная динамика как генератор сложных аттракторов

Нейронные сети создают многомерные аттракторы в фазовом пространстве своей активности.

На языке темпоральной модели это означает:

- формирование устойчивых $\text{grad } \rho$ на множестве нейронных уровней;
- структурирование внутреннего $T(t)$ через нейронные паттерны;
- возможность многовариантного развития событий при одной и той же внешней ситуации.

Когнитивная система поддерживает:

- длительные аттракторы (память);
- текущие аттракторы восприятия;
- переходные аттракторы принятия решений;
- аттракторы поведения.

Темпоральная активность при этом растёт, так как часть $T(t)$ начинает определяться внутренней динамикой, а не внешними воздействиями.

6.2. Память как стабилизированный слой темпоральной активности

В рамках темпоральной модели память трактуется как: устойчивые паттерны расширения $T(t)$, которые сохраняются внутри когнитивной системы и могут быть воспроизведены при соответствующих условиях.

Это соответствует стабилизированным «внутренним» аттракторам, которые:

- формируются за счёт внутренней минимизации ΔE_{int} ;
- удерживаются благодаря устойчивым $\text{grad } \rho$ в нейросетях;
- обеспечивают возможность использовать прошлое для управления будущим.

Память – это увеличение внутреннего $T(t)$, которое не исчезает при переходе системы в другие режимы.

6.3. Моделирование будущего как расширение $T(t)$ за пределы текущего состояния

Когнитивные структуры способны:

- предсказывать будущую динамику;
- моделировать альтернативные сценарии;
- выбирать траектории поведения;
- оптимизировать ΔE_{int} на будущих интервалах времени.

Таким образом: когнитивная активность – это расширение $T(t)$ вперёд, в область возможного будущего.

Система перестает быть реактивной и становится проактивной.

6.4. Возникновение суператтракторов поведения

Суператтрактор – это аттрактор надуровня, который управляет выбором локальных аттракторов, формирует устойчивые схемы поведения и направляет эволюцию $T(t)$ в масштабе когнитивной системы.

Он:

- задаёт иерархию целей и предпочтений;

- стабилизирует долгосрочные паттерны поведения;

- определяет общий стиль реакции системы на изменения среды.

В когнитивных системах суператтракторы:

- формируются культурой;
- обучением;
- социальным взаимодействием;
- опытом и внутренними моделями мира.

Это резко увеличивает $A(T)$, так как система получает способность:

- формировать собственные сценарии;
- удерживать сложную иерархию аттракторов;
- интегрировать множество уровней $\text{grad } \rho$.

6.5. Разум как высокий уровень $A(T)$

С точки зрения темпоральной модели разум возникает тогда, когда система:

1. Стабилизирует сложную сеть $\text{grad } \rho$ на разных уровнях;
2. Минимизирует ΔE_{int} не только реактивно, но и опережающе;
3. Расширяет $T(t)$ за счёт внутреннего моделирования;
4. Формирует устойчивые суператтракторы поведения;
5. Обладает метапамятью – памятью о собственных стратегиях.

Разумность – не бинарное свойство, а область спектра $A(T)$, в которой:

- внутренняя динамика доминирует над внешней;
- будущее активно формируется системой;
- эволюция $T(t)$ становится управляемой изнутри.

6.6. Разум как небиологический феномен

Темпоральная модель не привязывает $A(T)$ к биохимии. Поэтому разум может возникать:

- биологически (мозг);
- технологически (искусственные системы);
- социально (коллективные структуры);
- информационно (надсистемные когнитивные сети).

Это принципиально важно: разум – не «биологическое исключение», а естественный этап роста темпоральной активности $A(T)$.

7. Надорганизменные активные структуры и эволюция темпоральной активности $A(T)$

Рост темпоральной активности $A(T)$, начавшийся на уровне химических сетей и проявившийся в биологических и когнитивных организмах, продолжает расширяться на надорганизменных масштабах. Когда множество когнитивных систем взаимодействует, обменивается информацией и формирует устойчивые коммуникационные паттерны, возникает новый уровень активной темпоральной архитектуры – коллективные и цивилизационные системы, обладающие собственной динамикой $T(t)$ и собственными суператтракторами.

Эти структуры характеризуются тем, что они:

- интегрируют темпоральную активность множества отдельных агентов;
- формируют устойчивые коллективные $\text{grad } \rho(t, x)$;
- обладают механизмами внутренней регуляции и памяти;
- расширяют $T(t)$ быстрее, чем отдельные агенты;
- и создают новые уровни событийности, недоступные индивидуальному разуму.

7.1. Коллективные когнитивные структуры как носители расширенного $T(t)$

На уровне социальных групп формируются устойчивые паттерны взаимодействия:

- распределённые сети знаний;
- коллективные поведенческие стереотипы;
- социальные нормы;
- системы кооперации;
- культурные мемы;
- институциональные структуры.

В терминах темпоральной модели: социальная система – это надуровень $T(t)$, который объединяет активность множества индивидуальных $T_i(t)$.

Коллективная структура:

- обладает собственной памятью (культурной, исторической);
- формирует собственные аттракторы (традиции, институты);
- удерживает $\text{grad } \rho$ на уровне общества (иерархии, правила, нормы);
- минимизирует $\text{deltaE}_{\text{int}}$ коллективными механизмами (право, экономика).

Таким образом, социальные системы – это полноценные активные структуры с высоким $A(T)$.

7.2. Культура как механизм долгосрочной стабилизации $A(T)$

Культура представляет собой ансамбль устойчивых темпоральных паттернов:

- языковых;
- символических;
- технологических;
- социальных;
- практических.

С точки зрения модели: культура = распределённая система аттракторов, переносящая высокоуровневую темпоральную активность между поколениями.

Она обеспечивает:

- долговременную память, превышающую горизонты индивидуального сознания;
- стабилизацию $\text{grad } \rho$ в масштабах общества;
- эффективную минимизацию конфликтов $\text{deltaE}_{\text{int}}$ через нормы и институты;
- расширение $T(t)$ за счет инноваций, накопления знаний и технологий.

Культура – это механизм, через который $A(T)$ становится свойством коллективов, а не только отдельных организмов.

7.3. Цивилизации как активные динамические системы высокого уровня

На уровне цивилизаций возникают:

- долговременные исторические аттракторы (политические модели, ценности);
 - комплексные распределённые сети взаимодействий;
 - технологические платформы;
 - глобальная память (архивы, цифровые системы);
 - механизмы управления $\text{grad } \rho$ в масштабах планеты (экономика, наука, экология).
- Темпоральная активность цивилизации $A(T_{\text{civ}})$ существенно превышает:
- суммарную активность индивидуальных когнитивных систем;
 - активность локальных социальных групп.

Причина проста: цивилизация создаёт нормы, процессы и технологии, которые удерживают $\text{grad } \rho(t, x)$ на больших масштабах и длительных горизонтах времени.

То есть цивилизация – это автономная активная структура макроскопического масштаба.

7.4. Технологические и информационные надсистемы как новое расширение $A(T)$

В современном мире появляются структуры нового типа:

- глобальные информационные сети;
- вычислительные системы;
- распределённые искусственные агенты;
- смешанные человеко-машинные системы.

Они обладают свойствами активных структур:

- устойчивыми $\text{grad } \rho$ на многоканальных уровнях;
- внутренней минимизацией ΔE (алгоритмы, управление данными);
- собственной памятью (цифровое хранение);
- способностью расширять $T(t)$ (искусственный интеллект, инновации).

Это означает, что темпоральная эволюция выходит: за пределы биологии, и становится свойством комплексных гибридных систем.

7.5. Иерархия $A(T)$ как универсальная структура эволюции

Суммируя: эволюция темпоральной активности имеет иерархическую структуру, проявляющуюся на всех уровнях от химии до цивилизаций.

Спектр:

- A_0 – пассивные структуры;
- A_1 – автокаталитические сети;
- A_2 – клетки;
- A_3 – многоклеточные организмы;
- A_4 – биосистемы;
- A_5 – когнитивные структуры;
- A_6 – коллективные когнитивные системы;
- A_7+ – цивилизационные, технологические и гибридные надсистемы.

Эта иерархия не является искусственной или описательной. Она, естественно, следует из принципа: $T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$ и способности структур удерживать $\text{grad } \rho$.

7.6. Эволюция $A(T)$ как универсальный механизм развития жизни и разума

Эволюция активных структур – это не биологический процесс, а фундаментальная темпоральная динамика, определяемая:

- ростом $T(t)$;
- формированием аттракторов;
- усложнением $\text{grad } \rho$;
- внутренней минимизацией ΔE ;
- переходами между стабильными уровнями активности.

Жизнь, разум и цивилизация в этом подходе – не этапы случайных биологических событий, а естественные уровни эволюции темпоральной активности $A(T)$.

Заключение

В настоящей работе была предложена темпоральная модель живых систем как частных случаев активных темпоральных структур, возникающих в рамках динамики плотности времени $\rho(t, x)$ и множества допустимых переходов $T(t)$. Центральным элементом модели является темпоральная активность $A(T)$ – величина, характеризующая способность системы поддерживать собственные градиенты плотности времени, минимизировать внутреннюю темпоральную энергию ΔE_{int} и стабилизировать структуру своих переходов.

Классическая бинарная граница между «живым» и «неживым» оказалась неприменимой в фундаментальном описании. Вместо неё вводится непрерывный спектр $A(T)$, охватывающий пассивные структуры, предбиологические системы, клетки, организмы, когнитивные агенты и надорганизменные формы активности. Биологическая жизнь, в этом подходе, является не исключением, а устойчивой областью высоких значений темпоральной активности, в которой система поддерживает сложную многоуровневую организацию $\text{grad } \rho$ и осуществляет внутреннее управление $T(t)$.

Ключевым следствием модели является темпоральная неизбежность появления активных систем. Принцип $T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$ приводит к монотонному расширению множества возможных переходов, что постепенно формирует условия для возникновения структур, способных удерживать и развивать собственную темпоральную архитектуру. Появление жизни, в этом контексте, является естественным порогом роста $A(T)$, а появление когнитивных систем – следующим уровнем, на котором

внутренняя динамика получает механизм моделирования будущих состояний.

Когнитивные структуры, обладая сложными аттракторами активности, памятью и механизмами прогнозирования, демонстрируют дальнейший рост $A(T)$ и формируют надуровневые элементы темпоральной организации – суператтракторы поведения. Социальные, культурные и цивилизационные системы продолжают этот рост, создавая распределённые архитектуры $\text{grad } \rho$ и долгоживущие аттракторы событийности, не сводимые к динамике отдельных агентов.

Таким образом, жизнь и разум описываются в данной модели не как уникальные или случайные явления, а как естественные стадии эволюции темпоральной активности в физической системе. Темпоральная биология, построенная на основе $\rho(t, x)$, $\text{grad } \rho$, ΔE и структуры $T(t)$, предоставляет единое описание происхождения, устойчивости и развития активных систем на всех уровнях – от химических сетей до цивилизационных надструктур.

Кроме того, надо отметить, что именно биологические системы демонстрируют, что темпоральная необратимость не является побочным эффектом сложности, а выступает фундаментальным условием устойчивого развития. Это позволяет предположить, что подобные ограничения могут носить универсальный характер и выходить за рамки отдельных классов систем.

Представленный подход открывает возможность дальнейшего исследования фундаментальных аспектов темпоральной архитектуры, включая формулировку темпоральных законов, анализ симметрий и асимметрий, построение темпоральной метрики и уточнение понятий причинности. Эти направления будут развиты в последующих работах серии VTN.

Благодарности

Автор выражает признательность коллегам за обсуждения и комментарии, позволившие уточнить аргументацию и углубить теоретическую часть работы.

Заявления

Работа не получила целевого финансирования. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Haken H. Synergetics: An Introduction. Springer, 1983.
2. Prigogine I., Nicolis G. Self-Organization in Nonequilibrium Systems. Wiley, 1977.
3. Kauffman S. The Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution. Oxford University Press, 1993.
4. Smith J.M., Szathmáry E. The Major Transitions in Evolution. Oxford University Press, 1995.
5. Hopfield J.J. Neural networks and physical systems with emergent collective computational abilities. PNAS 79, P. 2554-2558 (1982).
6. Friston K. The free-energy principle: a unified brain theory? Nature Reviews Neuroscience 11, P. 127-138 (2010).
7. Bar-Yam Y. Dynamics of Complex Systems. Addison-Wesley, 1997.
8. Goldenfeld N., Woese C. Life is physics: evolution as a collective phenomenon far from equilibrium. Annual Review of Condensed Matter Physics 2, P. 375-399 (2011).
9. Deacon T. Incomplete Nature: How Mind Emerged from Matter. W. W. Norton & Company, 2011.
10. Mora T., Bialek W. Are biological systems poised at criticality? Journal of Statistical Physics 144, P. 268-302 (2011).
11. England J.L. Statistical physics of self-replication. Journal of Chemical Physics 139, 121923 (2013).
12. Krakauer D.C. et al. The information theory of individuality. Theory in Biosciences 137, P. 209-223 (2018).
13. Levin M. Life, death, and self: fundamental questions of biological identity and autonomy. WIREs Systems Biology and Medicine 11, e1440 (2019).
14. Gershenson C. Living in living systems. Artificial Life 19, P. 401-420 (2013).

TCHAIKOVSKY Arkady Ivanovich

Teacher, Shlisselburg Secondary School No. 1, Russia, Shlisselburg

VTN-10. TEMPORAL BIOLOGY

Abstract. *The paper examines the role of temporal asymmetry in biological systems from the perspective of the structural theory of time. Irreversibility is understood not as a consequence of thermodynamic, statistical, or biological processes, but as a fundamental property of temporal architecture, expressed by the structural incorporation of earlier temporal configurations into later ones ($T_{\text{after}} \supset T_{\text{before}}$). In this sense, the orientation of time is primary in relation to any dynamic or functional manifestations.*

Biological systems are analyzed as active structures functioning within an already irreversible temporal organization. Life does not create irreversibility, but uses and locally stabilizes the existing temporal asymmetry, maintaining stable modes of exchange, memory and reproduction. Special attention is paid to the difference between the fundamental structural foundations of irreversibility and derived descriptive quantities such as the time density $\rho(t, x)$, which reflect but do not explain the direction of temporal processes.

It is shown that key biological phenomena, including metabolism, homeostasis, genetic and cognitive memory, can be interpreted as forms of work with an already defined temporal asymmetry, rather than as its source. This approach allows us to propose a single structural language for describing living systems in the context of a common temporal organization.

Keywords: *temporal asymmetry, irreversibility, structural time, temporal architecture, biological systems, temporal coordination, memory, metabolism, density of time, VTN.*

ПОЛИТОЛОГИЯ

МАНЖУЛА Владимир Гаврилович

кандидат технических наук, доцент, заместитель генерального директора,
Акционерное общество «Редакция газеты «Вечерняя Москва», Россия, г. Москва

МАНЖУЛА Елена Вячеславовна

кандидат технических наук, доцент, преподаватель кафедры информационного обеспечения,
Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации, Россия, г. Москва

ПОНЯТИЕ ПСЕВДОИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

***Аннотация.** В статье проведен обзор зарубежных публикаций, рассматривающих разнообразную и сложную природу концептуализации псевдоинформации как объекта исследования, рассмотрены междисциплинарные исследования в этой области, которые приводят к различным, а иногда и противоречивым определениям псевдоинформации. Показано, что в современном информационном пространстве существование единой теории псевдоинформации невозможно и даже нежелательно, а также доказана важность большей концептуальной полноты в эмпирических исследованиях псевдоинформации. Раскрыто, что противодействие псевдоинформации в общественной и политической сферах требует глубокого понимания ее корней в культурных, социально-политических и технологических системах.*

***Ключевые слова:** псевдоинформация, ложь, пропаганда, слухи, теория заговора, средства массовой информации, фейк, контент.*

Введение

В современном обществе растет интерес и обеспокоенность по поводу распространения псевдоинформации. В некоторых случаях псевдоинформация может быть не более чем безобидной пародией или беззаботной шуткой. Однако, как показали недавние исследования, псевдоинформация (сфабрикованная или неточная информация) во время различных событий или кризисов может иметь серьёзные пагубные последствия. На индивидуальном уровне дезинформация может влиять на установки и принятие решений [1]; на общественном уровне она может подорвать процесс разработки общественно значимых решений и поставить под угрозу социальное благополучие граждан [2; 62, с. 1-11]. Учитывая её актуальность и потенциальное воздействие, псевдоинформация как явление порождает сложные общественные дискуссии. Одним из следствий ажиотажа вокруг псевдоинформации являются

несоответствия и противоречия в определении дезинформации как понятия.

Одним из факторов, способствующих развитию этой проблемы, является наличие многочисленных связанных концептуальных «кузенов» или «концептуальных предшественников» [3, с. 1-7; 4, с. 1781-1801]. Некоторые из этих связанных терминов устоялись, например, пропаганда, слухи, теории заговора, «фейковые новости» и т. д. Были предприняты научные усилия для определения концептуальных границ между этими терминами, например, путем анализа контекста их возникновения, содержания и функций [5, с. 19-35; 6, с. 1321-1343]. Например, слух обычно относится к непроверенной информации, которая появляется, когда заслуживающей доверия или официальной информации не хватает [5, с. 19-35; 7, с. 61-81]. Теории заговора, с другой стороны, объясняют события или явления, ссылаясь на махинации влиятельных групп или тайных обществ [8, с. 109-126; 9, с. 3-35]. Пропаганду

можно понимать как распространение информации, часто предвзятой или вводящей в заблуждение, с целью манипулирования целевой аудиторией [2, 10]. В рамках данной статьи не ставится задача дать «авторитетную» рамку для разграничения этих терминов, но признаётся взаимосвязь между научными исследованиями этих концепций, и поэтому рассматривается не только специфическое концептуальное развитие «псевдоинформации», но и теоретические работы из широкого круга литературы, в которых исследуются различные проявления феномена псевдоинформации [71].

Как предупреждает К. В. Андерсон [3, с. 1-7], современные научные исследования псевдоинформации должны стремиться к более тесному взаимодействию со своими концептуальными предшественниками (например, пропагандой или теориями заговора), для того чтобы усилить артикуляцию их теоретической и практической значимости. Для синтеза и взаимодействия со смежной литературой в данной статье принят комплексный подход к понятию «псевдоинформация», которое используется в качестве всеобъемлющей структуры, охватывающей различные проявления этого феномена. Важно отметить, что понимание псевдоинформации, как обобщающего термина для потенциально ложной информации, в настоящее время является предметом дискуссии.

Определение псевдоинформации

Концепция псевдоинформации имеет глубокие исторические корни. На протяжении различных эпох, от древних цивилизаций до современной цифровой эпохи, псевдоинформация неизменно влияла на человеческое общество. Как искажение фактов в устном повествовании допечатных обществ [11, с. 5-9], так и современные цифровые информационные войны, введущиеся между государствами [12]. В академических исследованиях две мировые войны сыграли ключевую роль в формировании ранних исследований вокруг этой темы. После Первой мировой войны научные исследования в области пропаганды анализировали методы, применявшиеся во время войны, и их общественное влияние [13; 14, с. 627-631]. Эпоха после Второй мировой войны стала свидетелем повышенного внимания к научным исследованиям слухов, признавая их значительное влияние на формирование общественного восприятия и отношения к военным усилиям. Этот феномен привлек особое внимание в области социальной психологии, поскольку

исследователи стремились глубже понять психологические процессы, связанные с распространением слухов [7, с. 61-81]. С конца 20-го века развитие информационно-коммуникационных технологий значительно ускорило современные исследования псевдоинформации. В рамках этой бурно развивающейся области учёные приложили значительные усилия для изучения сложной роли цифровых коммуникационных технологий в формировании многогранного ландшафта псевдоинформации [15, с. 423-443; 16; 17, с. 848-870].

Несмотря на давнюю историю и быстро растущий объём литературы, посвящённой псевдоинформации, вопрос о том, что такое псевдоинформация, остаётся предметом научных дискуссий. Рассмотрим примеры того, как псевдоинформация концептуализировалась и описывалась ранее.

Псевдоинформация – это «утверждение, которое противоречит общепринятому пониманию проверяемых фактов или искажает его» [18].

Псевдоинформация – это «непреднамеренно распространенная, неточная информация» [10].

«Псевдоинформация – это ложная информация» [19, с. 976-989].

«Информирование не требует правды, и информация не обязательно должна быть правдивой; но псевдоинформирование требует лжи, и псевдоинформация должна быть ложной» [20, с. 127-150].

Псевдоинформация – это «информация, неточность которой непреднамеренна» [21, с. 1-20].

Псевдоинформация включает в себя «утверждения, которые не пользуются всеобщим или почти всеобщим консенсусом как истинные в определенный момент времени на основе доказательств» [22, с. 372-375].

Как показывают эти примеры, важнейшей определяющей характеристикой псевдоинформации является её ложность и неточность. В то же время возникают разногласия по поводу того, квалифицируется ли псевдоинформация как информация или же псевдоинформация должна быть непреднамеренной. Рассмотрим примеры научных дискуссий по этим концептуальным элементам.

Информативность

Чтобы понять, что такое «псевдоинформация», важно проанализировать её в контексте «информации». В литературе по теории

информации и философии информации соотношение между ложностью и информативностью, а также дихотомия между информацией и псевдоинформацией остаются спорными темами. Связанным с этим является вопрос о том, является ли псевдоинформация информативной и следует ли ее вообще классифицировать как информацию. В кибернетике и математической теории информации информативность сообщения измеряется энтропией, или его способностью уменьшать неопределённость [23, с. 379-423]. В этом контексте псевдоинформация рассматривается как шум или ошибка, возникающая при передаче, и как таковая она не имеет информативной ценности. В сфере философии псевдоинформация также часто игнорируется как достоверная форма информации. Например, в книге «Философия информации» Лучано Флориди рассуждает о том, что только информация значима, правдива и имеет ценность для принятия решений, и в этом случае дезинформация вообще не может считаться информацией. Эта точка зрения перекликается с теориями информации философов Дрекке и Грайса, которые также предполагают, что информация должна включать в себя правдивость и информативность, и что, следовательно, дезинформация не может рассматриваться как форма информации.

Другие исследователи предложили более всеобъемлющую концепцию, которая рассматривает информацию как нейтральную с точки зрения этики, это означает, что определение информации не зависит от ее истинностной ценности. Например, согласно Фоксу, «информация не требует правды, и информация не обязательно должна быть правдивой. Но псевдоинформация требует лжи, и псевдоинформация должна быть ложной». В соответствии с такой перспективой, информация не обязательно правдива, а ложная или неточная информация может быть информативной. Скотт Лэш опровергает это, утверждая, что не столько ложная информация может быть информативной, сколько даже фактическая информация может быть иррациональной, поскольку современное восприятие информации представляет собой «неконтролируемые байты информации», которые сопровождают «информационные перегрузки, псевдоинформацию, дезинформационно-неконтролируемую информацию».

Признание наличия у псевдоинформации информативности имеет значительные

последствия для эмпирических исследований, так как способствует переходу от научного реализма к более гуманитарному и культуроцентричному подходу к изучению (псевдо)информации [24]. Вместо того чтобы рассматривать информативность как качество, существующее где-то вне нас и ожидающее своего измерения, важно понимать, что значение и информативность неразрывно вплетены в культурную ткань человеческого общения. Как утверждают Торсон и его коллеги [25, с. 289-294], «дезинформация возникает как функция структуры систем, человеческой подверженности ошибкам и человеческих информационных потребностей». Информация без истинностной ценности может иметь важные социальные функции, например, помогать людям справляться с неопределенностью и кризисами [5, с. 19-35]. Признание информативности у псевдоинформации направляет наше внимание на «информационно-агентный» аспект псевдоинформации [3, с. 1-7]. Или, другими словами, вместо того чтобы сводить псевдоинформацию к необоснованной лжи, исследователи могут тщательно изучить причины и последствия распространения псевдоинформации. Эта перспектива становится всё более важной для исследований в области медиа и коммуникации. Как отмечает Джильетто, «сосредоточение внимания на «информативности» ложной информации позволяет нам использовать исследования в области журналистики и литературу по обмену информацией в цифровой среде, чтобы также обсудить, как многочисленные участники гибридной медиа-системы выносят суждения и принимают решения, сталкиваясь с ложной информацией».

Преднамеренность

Ещё одним спорным аспектом определения псевдоинформации является преднамеренность. В современных исследованиях понятие «псевдоинформация» часто ассоциируется с понятием «дезинформация». Взаимосвязь между этими двумя понятиями основана на намерении ввести в заблуждение. Согласно общепринятым определениям [21, с. 1-20], дезинформация относится к информации, предназначенной для обмана. Однако относительно взаимосвязи между псевдоинформацией и дезинформацией существуют два суждения. Одна группа считает псевдоинформацию и дезинформацию взаимоисключающими и параллельными понятиями. Соответственно, псевдоинформация понимается как

непреднамеренная или «честная ошибка». Стронники другой точки зрения предлагают нейтральное по отношению к намерениям определение: псевдоинформация может быть непреднамеренной, но не обязательно. В соответствии с этой точкой зрения, дезинформация является частью псевдоинформации [10; 18; 26, с. 98-111].

Концептуальный вопрос о том, должна ли преднамеренность быть частью определения псевдоинформации, остаётся дискуссионным. Однако, с практической точки зрения, большинству эмпирических исследований псевдоинформации может быть полезно использовать нейтральное по отношению к намерениям определения (т. е. псевдоинформация не обязательно должна быть непреднамеренной). Следование узкому определению псевдоинформации, как исключительно непреднамеренной, может исподволь исключить интересные случаи, поскольку установление намеренности участников распространения псевдоинформации может оказаться очень сложной задачей. Существует лишь несколько случаев, когда исследователи могут (с относительной уверенностью) утверждать о намеренности источника фальсифицировать информацию.

Ложь

Несмотря на разногласия по поводу определения псевдоинформации, обсуждавшиеся выше, одним из общепринятых концептуальных элементов псевдоинформации является её ложность. Исследователи в различных областях оперируют и различными теоретическими основами «ложности» и «неточности» информации. Например, в классической математической теории информации неточность связана с соотношением шумов при передаче сигнала [23, с. 379-423]. В других областях социальных и гуманитарных наук ложность и неточность в основном обсуждаются на семантическом уровне. Семантическая ложность связана с утверждениями об истинности, но вопрос о том, можно ли установить истину и как это сделать, долгое время был предметом споров в разных дисциплинах. Ориентируясь на литературу по псевдоинформации, можно выделить два подхода к ложности, ложность определяют как свойство и ложность, как процесс.

Первый подход подчеркивает существенный аспект ложности и использует его как свойство (псевдо) информации, которое может быть обнаружено и измерено. Также были предложены важные рамки для выявления и

классификации лжи [27; 28, с. 1-7; 29]. Однако стоит отметить, что такая операционализация лжи требует использования определенного рода «основополагающей истины» в качестве отправной точки, которая часто устанавливается в ходе исследований путем выявления наилучших имеющихся доказательств и консенсуса экспертов [30, с. 303-330; 31, с. 136-144; 32, с. 674-698]. Возможность выявления наилучших имеющихся фактических данных и мнений экспертов варьируется от темы к теме. Например, утверждения, которые подвергаются тщательному анализу в ходе современных политических дискуссий, редко можно оспорить. Как утверждают Куклински [65, с. 143-154] и его коллеги, фактические утверждения, касающиеся государственной политики, возникают в ходе политического процесса, а не существуют до него. Однако важно отметить, что такое понимание политических фактов не должно быть неверно истолковано как относительность истины или эпистемологический скептицизм. Вместо этого оно служит напоминанием о необходимости проявлять осторожность при рассмотрении политических заявлений в ситуациях, когда факты не являются такими уж черно-белыми. Утверждения о научной достоверности также могут быть трудноопределимы. Как показала пандемия COVID-19, во время быстро развивающихся событий научные доказательства могут быть скудными, и консенсус экспертов меняется [69]. Ввиду изменчивости научных данных [34, с. 112-123] оценка их истинности должна производиться в определенный момент времени [26, с. 98-111; 32, с. 674-698].

Теоретизирование Фуко о режиме истины [60] проливает свет на важность дискурса и оспаривания власти в формировании того, как и почему определенная информация легитимизируется как «истина», в то время как другая санкционируется как «ложь». С одной стороны, мы признаем, что постмодернистская невозможность истины или полный отказ от объективной истины имеют ограниченную ценность для многих исследовательских программ в области современных исследований псевдоинформации. Например, исследовательские усилия по разработке стратегий разоблачения, обнаружению дезинформации и пониманию ее последствий требуют целенаправленной оценки и анализа, основанного на фактических данных, с целью проведения различия между точной информацией и ложью. С другой

стороны, актуально и предостережение Марреса [15, с. 423-443] относительно рисков, связанных с нормативным разграничением псевдоинформации, при этом можно утверждать, что возможен продуктивный теоретический подход, подчеркивающий спорные аспекты дихотомии «ложь/истина». Это стимулирует нестандартный подход и привлекает больше внимания к технологическим и социальным условиям, в которых появляется проблемная информация. В современном онлайн-пространстве на проверку достоверности и отбор данных влияют конкурирующие интересы онлайн-сообществ, занимающихся знаниями, а также противоречивые субъективные взгляды людей и других субъектов. В последние годы наблюдается растущая тенденция к инструментализации терминологии, связанной с псевдоинформацией, в качестве риторического оружия [35, с. 1323-1343].

Проблемы от псевдоинформации

Обсудив, как учёные определяют псевдоинформацию, рассмотрим, как учёные определяют проблемы от псевдоинформации. Проанализировав значительный объем литературы, рассмотрим некоторые из способов, с помощью которых ученые выявили основную проблему, вызывающую озабоченность в связи наличием и воздействием псевдоинформацией. Под проблемой от псевдоинформации не обязательно подразумевать истоки или коренные причины псевдоинформации, а скорее доминирующий фактор, который превращает псевдоинформацию в общественную проблему. Для наглядности разделим их на три категории: проблемы от аудитории, проблемы от посредников и проблемы от производителей псевдоинформации. Эти три аспекта в широком смысле представляют три ключевых момента в жизненном цикле псевдоинформации: соответствие категориям производства, передачи и приема. Эти три переменные также представляют собой первые три переменные, предложенные Чедвиком и Стэннером [36, с. 1-24] в их типологии из десяти переменных для изучения обмана: атрибуты и действия субъектов, вводящих в заблуждение, факторы медийно-технологического дизайна и их возможности для формирования отношения и действий, а также атрибуты и действия обманутых [72, с. 297-320]. Тем не менее, можно утверждать, что каждая из оставшихся семи переменных может быть связана с одной из этих трех или с взаимодействием между ними:

например, “подрыв социальных интересов обманутых” – это измерение аудитории, в то время как «доверие к источнику и сообщению» зависит от взаимодействия между всеми тремя.

Хотя некоторые исследования могут быть в большей степени посвящены конкретному понятию псевдоинформации, нет оснований полагать, что какое-либо из них является взаимоисключающим. Концепция Филлипа и Милнера [37], призывает к более экологичному пониманию, признающему разнообразие факторов, формирующих проблемы псевдоинформации. Однако классификация некоторых ключевых первопричин может помочь лучше выявлять и направлять потенциальные меры вмешательства.

Псевдоинформация, как проблема от аудитории

Многие считают, что проблемы от псевдоинформации связаны с недостатками или особенностями поведения аудитории. Исследователи выделяют как минимум четыре различные коренные причины принятия псевдоинформации в аудитории.

Невнимательность

Недавние экспериментальные и наблюдательные исследования показали, что во многих случаях люди делятся ложью и потенциально верят ей в основном из-за невнимательности или небрежности [38, с. 388-402]. Мы все ежедневно сталкиваемся и поглощаем огромное количество контента, большую часть которого мы не анализируем критически. Вместо этого мы часто полагаемся на простую эвристику для его оценки [61]. В некотором смысле этот подход перекликается с частыми обращениями к «экономике внимания» [39, с. 37-72], идее, которая нашла широкое применение в описании того, как работают платформы социальных сетей, для того чтобы монополизировать и монетизировать наше внимание [17, с. 848-870]. Центральная роль невнимательности в проблеме псевдоинформации предполагает набор решений, направленных на повышение внимания пользователей к фактичности контента. Например, многие рассматривают потенциал «подталкиваний» – простых сообщений, напоминающих аудитории о необходимости прочитать или обдумать контент, прежде чем им поделиться, или общих призывов к важности правдивости [40, с. 770-780]. Другие предлагают добавить «трения» в социальные сети,

чтобы замедлить распространение контента [41, с. 3019-3022; 42, с. 1-15; 67].

Психологические проблемы

Помимо невнимательности, учёные рассматривали и другие психологические проблемы, чтобы объяснить, почему люди верят и/или распространяют псевдоинформацию. Что ещё важнее, люди склонны делиться или верить контенту, который соответствует существующим мнениям или убеждениям или подтверждает их, особенно если это политически сбалансированный контент [20, с. 127-150; 43, с. 999-1015]. Аналогичным образом, некоторые исследователи обнаружили, что контент, вызывающий сильные эмоции или переживания, будет распространен с большей вероятностью [44, с. 803-826]. Изучая веру в теории заговора, некоторые исследователи обнаружили, что вера в теории заговора коррелирует с чувством экзистенциальной или социальной беспомощности [9, с. 3-35; 33, с. 162-180], потребностью в позитивном самовосприятии или потребностью «сохранять убеждения перед лицом неопределенности и противоречий» [9, с. 3-35]. То есть, для некоторых теории заговора скрывают хаос мира; существует утешение в вере в порядок вещей, даже если он вредоносен. Но, возможно, одним из самых сильных факторов, предсказывающих веру в одну теорию заговора, является вера в другие теории заговора. Это привело некоторых к постулату о существовании предрасположенности к вере в теории заговора, или «конспирологического мышления» [45, с. 118-122]. Действительно, несколько десятилетий назад Ричард Хофштадтер [46] широко описал «параноидальный стиль» американской политики, подход, который люди использовали для осмысления целого ряда явлений – от Уотергейта и маккартизма, до восхождения Трампа [47, с. 348-365].

Эпистемология

Помимо психологической динамики, некоторые исследователи выделяют эпистемологические недостатки в качестве основной причины дезинформации: проблемы с тем, как пользователи находят и оценивают информацию, особенно в Интернете [33, с. 162-180]. Некоторые сосредоточились на онлайн-поиске или «исследовании» поведений, или в более широком смысле рассматривали стратегии верификации. Распространяя этот акцент эпистемологии на социальный уровень, другие исследователи объясняют проблемы дезинформации широким национальным сдвигом в

трактовке свидетельств и фактов. Большая часть этого направления явно или неявно опирается на «режимы истины» Фуко или «гражданскую эпистемологию» Ясаноффа. В последние годы произошли значительные изменения как в дискурсе, так и в механизмах установления истины/лжи в обществе. В то же время это согласуется с давно признанной тактикой авторитарных властей, направленной на подрыв способности общественности отличать правду от лжи. В связи с этим многие связывают, по крайней мере частично, распространение псевдоинформации с общим снижением доверия к институтам. Опросы общественного мнения десятилетиями отслеживали такое снижение доверия ко всем институтам, и сейчас правдивость в большинстве институтов находится на историческом минимуме. Доверие играет важную роль в производстве общественных знаний: будь то доверие правительству в предоставлении точной информации, доверие ученым в точном описании их уникального доступа к миру природы и понимания его, или доверие средствам массовой информации в точном и объективном описании мира.

Партийность и идентичность

Как отмечалось выше, многие заметили, что аудитория с большей вероятностью примет, поверит или поделится контентом, если он соответствует их политическим убеждениям, даже если он ложный. Некоторые исследователи объясняют это скорее тем, что политические деятели «обманывают» отдельных людей, другие видят в этом скорее проявление партийной идентичности. Все чаще ученые признают, что идентичность лежит в основе того, как аудитория реагирует на псевдоинформацию. Например, Осмундсен, Петерсен и Бор отмечают, что «распространение ложных новостей связано не столько с невежеством, сколько с партийной политической принадлежностью и доступностью новостей для использования сторонниками партий для дискредитации своих оппонентов». Аудитория принимает ложь, когда она имеет смысл. Концепция «глубоких историй» Хохшильда [48], которую Филипс и Милнер адаптировали как «глубокие мететические фреймы», описывает устойчивые повествовательные инфраструктуры, лежащие в основе того, как мы понимаем мир. Как отмечают Филипс и Милнер, эти инфраструктуры «формируют наши реальности и, как следствие, наши действия настолько глубоко и органично, что люди, выглядывающие из-за них,

вероятно, даже не подозревают о существовании этих фреймов. Для многих истина или ложь менее важны, чем то, как контент связан с их смысловой инфраструктурой или резонирует с ней. Чтобы понять, как псевдоинформация взаимодействует с такими нарративными инфраструктурами, мы должны выйти за рамки ее достоверности, ее строгой истинности или ложности, а скорее подумать о том, как ее можно сделать полезной или значимой.

Псевдоинформация, как проблема от посредников

Вместо того чтобы формулировать псевдоинформацию с точки зрения аудитории, многие исследователи сосредотачиваются на том, как она передается, опосредуется и/или усиливается.

Социальные сети

Признавая, что псевдоинформация существовала всегда, многие отмечают, что проблемы, с которыми мы сталкиваемся сейчас, напрямую связаны с онлайн-платформами [2; 6, с. 1321-1343; 27]. Исследователи выявили несколько конструктивных особенностей платформ, которые особенно способствуют распространению дезинформации. Во-первых, структура стимулов в социальных сетях может быть связана с распространением ложного и экстремистского контента [49]. Например, функции платформ «лайкать» и «делиться» в конечном итоге поддерживают эмоциональный или сенсационный контент, надежно привлекая внимание, независимо от его точности. Цукерберг признал, что более экстремальный контент обычно имеет больший охват и вовлеченность, чем ближе контент к нарушению стандартов сообщества, тем больше он привлекает пользователей. Во-вторых, разнообразные возможности монетизации, предоставляемые онлайн-платформами, позволяют создателям контента использовать свое влияние в финансовых целях. Это стимулирует создателей контента, ориентированных на получение прибыли, привлекать большую аудиторию. Некоторые из них делают это, делясь проблемным контентом [50, с. 1-20]. В-третьих, существует также опасение, что проблема дезинформации в Интернете может еще больше усугубиться из-за алгоритмических рекомендаций цифровых платформ, которые могут продвигать ложный или проблемный контент для повышения вовлеченности и удержания пользователей на платформах [16, 51]. Примером может служить алгоритм рекомендаций YouTube. Несмотря на

попытки платформы модерировать видеоролики, распространяющие псевдоинформацию, недавние исследования показывают, что ее рекомендательная система продолжает распространять конспиративные и псевдонаучные видеоролики [66, с. 1-5]. Алгоритмическое манипулирование псевдоинформацией в социальных сетях проявляется в их практике микротаргетинга, которая предполагает адаптацию рекламы к конкретным людям с использованием личных демографических и поведенческих данных [64, 68].

Новости

Исследователями выявлена роль, которую сыграли средства массовой информации в разрешении или содействии распространению ложного контента. В целом, ученые, занимающиеся журналистикой, выявили по крайней мере три явные связи между средствами массовой информации и ростом дезинформации. Во-первых, в настоящее время тиражи и доходы от рекламы в печатной журналистике снизились и это снижение еще больше усугубилось ростом цифровых медиа и как следствие многие редакции недавно столкнулись с резким сокращением доходов, что привело к увольнениям, закрытиям и продажам. Чтобы сократить расходы, многие цифровые агентства ограничились репортажами, прося журналистов тратить больше времени на переписывание контента из пресс-релизов или других источников вместо того, чтобы заниматься своими собственными репортажами [63, с. 4578-44598]. В совокупности эти изменения означают, что в медиа меньше независимых, высококачественных новостей и псевдоинформация часто заполняет информационный или новостной вакуум. Во-вторых, проведя несколько иную связь между структурой новостей и псевдоинформацией, Бенклер и коллеги [2] демонстрируют, как новостной контент и фрейминг в настоящее время регулярно поступают из небольших периферийных цифровых изданий в крупные новостные агентства. Это приводит к усилению или продвижению экстремального или проблемного контента, включая псевдоинформацию. В-третьих, стоит рассмотреть вопрос о том, как практика представления новостей сама по себе поощряет или облегчает появление псевдоинформации. Например, отмечается, что неизменная приверженность журналистов той или иной форме «объективности», основанной на простом представлении «обеих сторон» разногласий, означает, что журналисты продолжают

выдвигать проблематичные и/или неподтвержденные утверждения, например, в репортажах о глобальном потеплении [52, с. 125-136]. Аналогичным образом, Берри и Собиерадж [53] подробно описывают рост возмущения как стили в новостях, в основном по причинам изменений в законодательстве, консолидации СМИ и роста популярности ток-радио и кабельных новостей. Возмущение, направленное на то, чтобы вызвать эмоциональный отклик у аудитории, часто оборачивается ложью.

Псевдоинформация, как проблема от производителей контента

Для некоторых псевдоинформация лучше всего описывается или оформляется как проблема злоумышленников, намеренно создающих ложный контент для получения или консолидации власти или денег.

Кампании влияния за рубежом

Многие исследователи выявили, что иностранные правительства часто распространяют дезинформацию с помощью хитроумных операций с целью оказания влияния по всему миру [54, с. 81-93]. Хотя многие из этих операций направлены на то, чтобы повлиять на выборы, есть признаки того, что они также направлены на подрыв демократических норм и доверия к демократическим институтам. Например, на выборах 2016 года в США, велась автоматизированная работа по усилению и обострению существующих политических, социальных или расовых разногласий [54, с. 81-93].

Политическая власть

В то время, как операциям по оказанию влияния за рубежом уделяется большое внимание, исследователи все чаще задумываются о том, как местные субъекты распространяют ложь в погоне за политической или социальной властью. Хотя в первую очередь это касается местных политиков, распространяющих ложь для получения политической власти, это также может касаться влиятельных лиц, стремящихся привлечь широкую аудиторию. Кроме того, часто эти местные производители псевдоинформации «стратегически нацелены на различия, основанные на идентичности, и используют их в соответствии с ранее существовавшими структурами власти для поддержания господствующего социального порядка» [54, с. 81-93].

Финансовые выгоды

Некоторые исследования фокусировались на финансовых выгодах от распространения дезинформации. Эти выгоды могут быть как более краткосрочными, так и более

долгосрочными. Например, десятилетиями хорошо организованная сеть отрицателей изменения климата, финансируемая теми, кто связан с нефтегазовой отраслью, производила и распространяла ложь, чтобы помешать принятию мер по регулированию климата [55]. Другие распространяют ложь в погоне за более быстрой финансовой выгодой. Известен случай, когда группа македонских подростков на выборах 2016 года создавала и распространяла псевдоинформацию, чтобы заработать на ней, монетизируя её в социальных сетях и продавая рекламу. Но антивакцинация, альтернативная медицина и псевдоинформация, основанная на образе жизни, стали крупным бизнесом: производители могут продавать продукты, книги, проводить семинары, обеспечивать членство в организациях и т. д. [50, с. 1-20; 56, с. 1-40; 57, с. 337-348; 58].

Заключение

Статья иллюстрирует разнообразие подходов и сложность восприятия, которые возникают при рассмотрении понятия «псевдоинформация», как предмета исследования. Учитывая междисциплинарный характер науки, вряд ли стоит удивляться разнообразию и даже противоречивости концепций псевдоинформации. Например, как обсуждалось ранее, некоторые считают псевдоинформацией только непреднамеренные ложные утверждения, но другие придерживаются нейтрального по отношению к намерениям определения. Более того, остается спорным вопрос о том, как ложность, самый главный определяющий элемент псевдоинформации, может быть реализована в эмпирических исследованиях. Такая непоследовательность делает особенно важной в исследованиях псевдоинформации прозрачность. Например, исследователи должны открыто и четко представлять критерии, используемые для обозначения псевдоинформации, а также предположения о состоянии консенсуса экспертов и фактических данных по исследуемой теме [31, с. 303-330].

Более того, хотя единая теоретизация псевдоинформации невозможна и нежелательна, эмпирические исследования псевдоинформации могут выиграть от большей концептуальной точности и полноты. Как отмечают многие учёные, псевдоинформация и связанные с ней термины часто используются взаимозаменяемо или расплывчато [4, с. 1781-1801; 5, с. 19-35; 50, с. 1-20; 59, с. 723-734]. Стремительный рост научных исследований и общественного

интереса к этой теме требует больших усилий для разработки целостной концептуализации. Без всеобъемлющего и сопоставимого определения псевдоинформации в качестве основы сложно собирать и согласовывать данные исследований для оценки масштаба проблем, связанных с псевдоинформацией, и с которыми сегодня сталкивается современное общество. Следствием этого может быть либо недооценка, либо чрезмерное преувеличение воздействия псевдоинформации в публичном дискурсе, что, в свою очередь, вводит исследователей в заблуждение.

Как в общественной, так и в политической сферах растет потребность в противодействии псевдоинформации [70, с. 124-128]. Однако, как следует из приведенного выше обсуждения, псевдоинформация как социальное явление и проблема, уходит корнями в широкие культурные, социально-политические и технологические системы. По этой причине контрмеры должны основываться на детальном и контекстуализированном понимании причин возникновения псевдоинформации. Зачастую наблюдается уникальная динамика взаимодействия журналистики, политики и науки, на этом фоне ложь не всегда может быть выявлена или опровергнута с помощью известных подходов, таких как проверка фактов. Как упоминалось ранее, «псевдоинформация» или «проверка фактов» сами по себе могут использоваться в качестве дискурсивной тактики, чтобы заставить замолчать голоса несогласных. Таким образом очевидно, что в дискуссиях следует избегать любых попыток предложить универсальные решения по данной проблематике.

Литература

1. Ли С., Джонс-Янг С.М. Циничные беспартийные: роль псевдоинформации в политическом цинизме во время президентских выборов в США 2020 года. *Новые медиа и общество*. <https://doi.org/10.1177/14614448221116036>.
2. Бенклер Й., Фэрис Р., Робертс Х. Сетевая пропаганда: манипуляция, дезинформация и радикализация в американской политике. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190923624.001.001>.
3. Андерсон К.В. Пропаганда, дезинформация и история медиатехнологий. Обзор дезинформации Гарвардской школы имени Кеннеди, 2021 (2), С. 1-7. <https://doi.org/10.37016/mr-2020-64>.

4. Мал Д., Шефер М.С., Зенг Дж. Теории заговора в онлайн-среде: междисциплинарный обзор литературы и программа будущих исследований. *Новые медиа и общество*, № 2 (7), С. 1781-1801. <https://doi.org/10.1177/14614448221075759>.
5. ДиФонзо Н., Бордиа П. (2007). Слухи, сплетни и городские легенды. *Диоген*, № 54 (1), С. 19-35. <https://doi.org/10.1177/0392192107073433>.
6. Цзэн Дж., Шефер С.М. Концептуализация «тёмных платформ». Теории заговора, связанные с COVID-19. *Цифровая журналистика*, № 9, С. 1321-1343. <https://doi.org/10.1080/21670811.2021.1938165>.
7. Оллпорт Г.В., Постман Л.Дж. Основы психологии слуха. *Труды Нью-Йоркской академии наук*, № 8 (2 серия II), С. 61-81. <https://doi.org/10.1111/j.2164-0947.1945.tb00216.x>.
8. Кили Б.Л. О теориях заговора. *The Journal of Philosophy*, № 96 (3), С. 109-126. <https://doi.org/10.2307/2564659>.
9. Дуглас К.М., Усински Дж.Э., Саттон Р.М., Чихоцкая А., Нефес Т., Энг К.С., Дерави Ф. Понимание теорий заговора. *Политическая психология*, № 40, С. 3-35. <https://doi.org/10.1111/pops.12568>.
10. Борн К., Эджингтон Н. Анализ возможностей благотворительной деятельности для смягчения проблемы дезинформации/пропаганды [Отчёт]. Фонд Уильяма и Флоры Хьюлетт. <https://www.hewlett.org/wp-content/uploads/2017/11/Hewlett-Disinformation-Propaganda-Report.pdf>.
11. Буркхардт Дж.М. История фейковых новостей. *Library Technology Reports*, № 53 (8), С. 5-9. <https://journals.ala.org/index.php/ltr/article/view/6497>.
12. Карпф Д. О цифровой дезинформации и демократических мифах [Научная статья]. Совет по исследованиям в области социальных наук, Mediawell. <https://doi.org/10.35650/MD.2012.d.2019>.
13. Бернейс Э.Л. Пропаганда. Гораций Ливерайт.
14. Лассуэлл Н.Д. Теория политической пропаганды. *American Political Science Review*, № 21 (3), С. 627-631. <https://doi.org/10.2307/1945515>.
15. Маррес Н. Почему мы не можем вернуть себе факты. *Engaging Science, Technology, and Society*, № 4, С. 423-443. <https://doi.org/10.17351/ests2018.188>.

16. Наполи Н.П. Социальные сети и общественный интерес: регулирование СМИ в эпоху дезинформации. Издательство Колумбийского университета.
17. Туфекчи З. «Не этот»: социальные движения, экономика внимания и сетевой активизм микрзнаменитостей. *American Behavioral Scientist*, № 57 (7), С. 848-870. <https://doi.org/10.1177/0002764213479369>.
18. Лэш С. Критика информации. SAGE Publications Ltd. <https://doi.org/10.4135/9781446217283>.
19. Флетчер Р., Нильсен Р.К. Автоматизированная удача: влияние использования поисковых систем на баланс и разнообразие новостного репертуара. *Цифровая журналистика*, № 6 (8), С. 976-989. <https://doi.org/10.1080/21670811.2018.1502045>.
20. Флинн Дж.Д., Найхан Б., Райфлер Дж. Природа и истоки заблуждений: понимание ложных и необоснованных убеждений о политике. *Политическая психология*, № 38 (51), С. 127-150. <https://doi.org/10.1111/pops.12394>.
21. Джек К. Лексикон лжи: Термины для обозначения проблемной информации [Руководство]. Институт исследований данных и общества. С. 1-20. <https://apo.org.au/sites/default/files/resource-files/2017-08/apo-nid183786.pdf>.
22. Саутвелл Б.Г., Торсон Э.А., Шебл Л. Устойчивость и опасность дезинформации. *American Scientist*, № 105 (6), С. 372-375.
23. Шеннон К.Э. Математическая теория связи. *Bell System Technical Journal*, № 27 (3), С. 379-423. <https://doi.org/10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x>.
24. Янич П. Что такое информация? (Перевод Э. Хайота, Л. Пао; том 55). Издательство Миннесотского университета. (Оригинальная работа опубликована в 2006 году).
25. Торсон Э.А., Шебл Л., Саутвелл Б.Г. Заключение: Программа исследований дезинформации. В книге Б.Г. Саутвелла, Э.А. Торсона и Л. Шебла (ред.), *Дезинформация и массовая аудитория*. Издательство Техасского университета. С. 289-294.
26. Саутвелл Б.Г., Бреннен Дж. С.Б., Пакуин Р., Будевайнс В., Зенг Дж. Определение и измерение научной дезинформации. *АННАЛЫ Американской академии политических и социальных наук*, № 700 (1), С. 98-111. <https://doi.org/10.1177/00027162221084709>.
27. Бреннен Дж.С., Саймон Ф.М., Ховард П.Н., Нильсен Р.К. Типы, источники и утверждения, связанные с дезинформацией о COVID-19 [Информационный бюллетень]. Институт изучения журналистики Reuters. <https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/publications/types-sources-and-claims-of-covid-19-misinformation/>.
28. Кук Дж., Эллертон П., Кинкед Д. Деконструкция дезинформации о климате для выявления ошибок в рассуждениях. *Environmental Research Letters*, № 13 (2), С. 1-7. <https://doi.org/10.1088/1748-9326/aaa49f>.
29. Уордл К. Фейковые новости. Всё сложно. *First Draft News*. <https://firstdraftnews.org/articles/fake-news-complicated/>.
30. Найхан Б., Райфлер Дж. Когда исправления не работают: устойчивость политических заблуждений. *Political Behavior*, № 32, С. 303-330. <https://doi.org/10.1007/s11109-010-9112-2>.
31. Врага Э.К., Боде Л. Определение дезинформации и понимание её ограниченного характера: использование экспертных знаний и доказательств для описания дезинформации. *Политическая коммуникация*, № 37 (1), С. 136-144. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1716500>.
32. Тан А.С.Л., Ли К., Че Дж. Воздействие (псевдо)информации о здоровье: отсроченные эффекты на поведение молодых людей в отношении здоровья и потенциальные пути его изменения. *Journal of Communication*, № 65 (4), С. 674-698. <https://doi.org/10.1111/jcom.12163>.
33. Усински Дж.Э., Батлер Р.В. Эпистемология проверки фактов. *Critical Review*, № 25 (2), С. 162-180. <https://doi.org/10.1080/08913811.2013.843872>.
34. Краузе Н.М., Фрейлинг И., Шойфеле Д.А. Инфодемия: к более тонкому пониманию заявлений об истинности и необходимости (не) борьбы с дезинформацией. *АННАЛЫ Американской академии политических и социальных наук*, № 700 (1), С. 112-123. <https://doi.org/10.1177/00027162221086263>.
35. Эгельхофер Дж.Л., Аалдеринг Л., Эберл Дж.М., Галыга С., Лехелер С. От новизны к нормализации? Как журналисты используют термин «фейковые новости» в своих материалах. *Journalism Studies*, № 21 (10), С. 1323-1343. <https://doi.org/10.1080/1461670X.2020.1745667>.
36. Чедвик А., Стэнбер Дж. Обман как связующее понятие в изучении дезинформации, дезинформации и заблуждений: на пути к целостной концепции. *Теория коммуникации*,

№ 32 (1), С. 1-24.
<https://doi.org/10.1093/ct/qtab019>.

37. Филлипс У., Милнер Р.М. Вы здесь: Практическое руководство по преодолению поляризованных высказываний, теорий заговора и нашего «загрязненного» медиaproстранства. MIT Press.
<https://doi.org/10.7551/mitpress/12436.001.0001>.

38. Пенникук Г., Рэнд Д.Г. Психология фейковых новостей. *Trends in Cognitive Sciences*, № 25 (5), С. 388-402.
<https://doi.org/10.1016/j.tics.2021.02.007>.

39. Саймон Х.А., Дойч К.В., Шубик М., Дадарио Э.К. Проектирование организаций для информационно насыщенного мира. В книге М. Гринбергера, Компьютеры, коммуникации и общественные интересы. Издательство Johns Hopkins Press. Т. 72, С. 37-72.

40. Пенникук Г., Макфетрес Дж., Чжан И., Лу Дж.Г., Рэнд Д.Г. Борьба с дезинформацией о COVID-19 в социальных сетях: экспериментальные данные о масштабируемом вмешательстве, направленном на повышение точности. *Психологическая наука*, № 31 (7), С. 770-780. <https://doi.org/10.1177/0956797620939054>.

41. Агапи Э., Головчинский Г., Кварфордт П. Как подтолкнуть людей к более длинным запросам. Труды конференции SIGCHI «Человеческий фактор в вычислительных системах», С. 3019-3022.
<https://doi.org/10.1145/2470654.2481418>.

42. Карабан А., Карапанос Э., Гонсалвес Д., Кампос П. 23 способа подталкивания: обзор технологически опосредованного подталкивания при взаимодействии человека с компьютером. Материалы конференции CHI 2019 года «Человеческий фактор в вычислительных системах», С. 1-15.
<https://doi.org/10.1145/3290605.3300733>.

43. Осмундсен М., Бор А., Вальструп П.Б., Бехманн А., Петерсен, М.Б. Партийная поляризация – основная психологическая причина распространения фейковых политических новостей в Твиттере. *American Political Science Review*, № 115 (3), С. 999-1015.
<https://doi.org/10.1017/S0003055421000290>.

44. Валенсуэла С., Пинья М., Рамирес Х. Влияние фрейминга на поведение пользователей социальных сетей: как конфликт, экономика, человеческие интересы и моральные фреймы влияют на распространение новостей. *Journal of Communication*, № 67 (5), С. 803-826.
<https://doi.org/10.1111/jcom.12325>.

45. Саттон Р.М., Дуглас К.М. Теории заговора и конспирологическое мышление: влияние на политическую идеологию. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, № 34, С. 118-122.
<https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2020.02.015>.

46. Хофштадтер Р. Параноидальный стиль в американской политике. Винтаж. (Оригинальная работа опубликована в 1962 году).

47. Харт Р.П. Дональд Трамп и возвращение параноидального стиля. *Presidential Studies Quarterly*, № 50 (2), С. 348-365.
<https://doi.org/10.1111/psq.12637>.

48. Хохшильд Р.А. Чужие на своей земле: гнев и траур американских правых. The New York Press.

49. Вайдхьянатхан С. Антисоциальные медиа: как Facebook разъединяет нас и подрывает демократию. Oxford University Press.
<https://doi.org/10.1093/oso/9780190056544.001.0001>.

50. Мал Д., Зенг Дж., Шефер М.С. Концептуализация платформенного конспирологического подхода: аналитическая основа и эмпирическое исследование BitChute и Gab. *Новые медиа и общество*, С. 1-20.
<https://doi.org/10.1177/14614448231160457>.

51. Туфекчи З. YouTube – великий радикализатор. *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/2018/03/10/opinion/sunday/youtube-politics-radical.html>.

52. Бойкофф М.Т., Бойкофф Дж.М. (2004). Баланс как предвзятость: глобальное потепление и престижная пресса США. *Глобальные изменения окружающей среды*, № 14 (2), С. 125-136.
<https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2003.10.001>.

53. Берри Дж.М., Собиерадж С. Индустрия возмущения: СМИ, выражающие политические взгляды, и новая нецивилизованность. Oxford University Press.

54. Ховард П.Н., Вулли С., Кало Р. Алгоритмы, боты и политическая коммуникация на выборах в США 2016 года: проблема автоматизированной политической коммуникации в избирательном законодательстве и администрации. *Журнал информационных технологий и политики*, № 15 (2), С. 81-93.
<https://doi.org/10.1080/19331681.2018.1448735>.

55. Орескес Н., Конвей Э.М. Торговцы сомнениями: как горстка учёных скрыла правду по таким вопросам, как табачный дым и изменение климата. Bloomsbury Publishing.

56. Центр противодействия цифровой ненависти. Дезинформационная дюжина:

почему платформы должны реагировать на двенадцать ведущих онлайн-антипрививочников [Отчёт]. Центр противодействия цифровой ненависти. С. 1-40.

<https://counterhate.com/research/the-disinformation-dozen/>.

57. Лумба С., де Фигейредо А., Пиатек С.Дж., де Грааф К., Ларсон Х.Дж. (2021). Оценка влияния псевдоинформации о вакцине против COVID-19 на намерение вакцинироваться в Великобритании и США. *Nature Human Behaviour*, № 5, С. 337-348. <https://doi.org/10.1038/s41562-021-01056-1>.

58. Каччиаторе М.А. Дезинформация и общественное мнение о науке и здоровье: подходы, результаты и будущие направления. Труды Национальной академии наук, № 118 (15), статья e1912437117. <https://doi.org/10.1073/pnas.1912437117>.

59. Пападаму К., Заннетту С., Блэкберн Дж., Де Кристофаро Э., Стрингини Г., Сиривианос М. «Это просто грипп»: оценка влияния истории просмотра на рекомендации псевдонаучных видео на YouTube. Материалы шестнадцатой международной конференции AAAI по вебу и социальным сетям, № 16, С. 723-734. <https://doi.org/10.1609/icwsm.v16i1.19329>.

60. Фуко М. Власть/знание: Избранные интервью и другие работы, 1972–1977 (ред. К. Гордон; пер. К. Гордон, Л. Маршал, Дж. Мефам, К. Собер). Пантеон.

61. Баптиста Дж.П., Грэдим А. Понимание потребления фейковых новостей: обзор. Социальные науки, № 9 (10), статья 185. <https://doi.org/10.3390/socsci9100185>.

62. Бенклер Й. Предостережения о дезинформации и истоках недоверия [Научная статья]. Совет по исследованиям в области социальных наук, Mediawell. С. 1-11. <https://doi.org/10.35650/MD.2004.d.2019>.

63. Бреннен Дж.С. Формулирование деформации: потоки бесформенной информации. *International Journal of Communication*, № 14, С. 4578-4598. <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/12744>.

64. Доббер Т., Фатай О.Р., Зейдервен Боргезиус Ф.Дж. Регулирование онлайн-

политического микротаргетинга в Европе. Обзор интернет-политики, № 8 (4). <https://doi.org/10.14763/2019.4.1440>.

65. Куклински Дж.Х., Квирк П.Дж., Швидер Д.В., Рич Р.Ф. «Только факты, мэм»: Политические факты и общественное мнение. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, № 560 (1), С. 143-154. <https://doi.org/10.1177/0002716298560001011>.

66. Гиллспи Т. Модерация контента, ИИ и вопрос масштаба. *Большие данные и общество*, № 7 (2), С. 1-5. <https://doi.org/10.1177/2053951720943234>.

67. Закон о стимулировании социальных сетей (NUDGE), S.3608, 117-й Конгресс (2021-2022 гг.) <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/3608?s=1&r=4>.

68. Росс Аргуэдас А., Робертсон К.Т., Флетчер Р., Нильсен Р.К. Эхо-камеры, пузыри фильтров и поляризация: обзор литературы [Обзор литературы]. Институт изучения журналистики Рейтер. <https://doi.org/10.60625/risj-etxj-7k60>.

69. Тан Л., Фудзимото К., Амит М.Т., Каннингем Р., Костантини Р.А., Йорк Ф., Сюн Г., Бум Дж.А., Тао К. «В кроличью нору» дезинформации о вакцинах на YouTube: исследование воздействия в сети. *Журнал исследований медицинского интернета*, № 23 (1), статья 23262. <https://doi.org/10.2196/23262>.

70. Ядав К., Эрдогду У., Сивакоти С., Шапиро Дж.Н., Ванлесс А.В. разных странах действует более 100 законов о борьбе с дезинформацией. Насколько хорошо они работают? *Бюллетень учёных-атомщиков*, № 77 (3), С. 124-128. <https://doi.org/10.1080/00963402.2021.1912111>.

71. Цзэн Дж. Теоретическая типология вводящего в заблуждение контента (теории заговора). DOCA – База данных переменных для контент-анализа, № 1 (5). <https://doi.org/10.34778/5g>.

72. Цзэн Дж., Чан Ч.Х., Фу К.В. Как социальные сети создают «правду» вокруг кризисных событий: стратегии Weibo по управлению слухами после взрывов в Тяньцзине в 2015 году. *Политика и Интернет*, № 9 (3), С. 297-320. <https://doi.org/10.1002/poi3.155>.

MANZHULA Vladimir Gavriilovich

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Deputy General Director,
Joint-stock Company "Editorial Office of the newspaper "Evening Moscow", Russia, Moscow

MANZHULA Elena Vyacheslavovna

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor, Lecturer at the Department of Information Support, Prince Alexander Nevsky
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

**THE CONCEPT OF PSEUDOINFORMATION
IN THE MODERN GLOBAL INFORMATION SPACE**

Abstract. *The article provides an overview of foreign publications examining the diverse and complex nature of the conceptualization of pseudoinformation as an object of research, and examines interdisciplinary research in this field, which leads to different and sometimes contradictory definitions of pseudoinformation. It is shown that in the modern information space, the existence of a unified theory of pseudoinformation is impossible and even undesirable, and the importance of greater conceptual completeness in empirical studies of pseudoinformation is proved. It is revealed that countering pseudoinformation in the public and political spheres requires a deep understanding of its roots in cultural, socio-political and technological systems.*

Keywords: *pseudoinformation, lies, propaganda, rumors, conspiracy theory, mass media, fake, content.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

АТАРЩИКОВА Алёна Александровна
магистрантка, Международный юридический институт,
Россия, г. Москва

*Научный руководитель – профессор кафедры учебного отдела
Международного юридического института,
доктор юридических наук Глозов Сергей Александрович*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ САНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния международных санкций на правовое регулирование регистрации прав на недвижимость в Российской Федерации. Рассматриваются теоретические и практические аспекты санкционного воздействия, а также его последствия для участников гражданского оборота. Особое внимание уделяется ограничениям, введённым в отношении сделок с недвижимостью, включающим замораживание активов, необходимость получения специальных разрешений и контроль за финансовыми расчётами. В статье рассматриваются пути адаптации российской правовой системы к новым экономическим реалиям, включая совершенствование законодательства и создание эффективных механизмов защиты имущественных прав граждан.

Ключевые слова: международные санкции, недвижимость, регистрация прав, государственная регистрация, сделки с недвижимостью.

Введение международных санкций оказывает существенное влияние на имущественный оборот в Российской Федерации, затрагивая основные сферы гражданско-правовых отношений, включая сделки с недвижимостью, корпоративные активы, инвестиционные процессы и финансовые операции. Санкционные ограничения, введённые против России в последние годы, привели к пересмотру ряда правовых норм, усложнению оборота имущества с участием иностранных лиц, введению специальных мер государственного контроля и необходимости адаптации гражданского законодательства к новым экономическим реалиям. Рынок недвижимости стал одной из наиболее затронутых санкциями сфер имущественного оборота. Введение ограничений на сделки с иностранными лицами привело к снижению спроса на элитную недвижимость и коммерческие объекты, ранее активно приобретаемые зарубежными инвесторами. Одновременно с этим, меры по замораживанию активов и запрет на вывод капитала из России

повлияли на возможность свободного распоряжения имуществом, принадлежащим иностранным юридическим и физическим лицам. В ответ на эти вызовы российское законодательство адаптировалось к новым условиям, предложив альтернативные механизмы сделок, такие как использование специальных счетов типа «С» для расчетов по сделкам с подсанкционными лицами, установление административного контроля за отчуждением недвижимости, а также создание процедур по принудительному отчуждению активов, находящихся под санкционным влиянием.

В рамках гражданского права недвижимость представляет собой объекты, неразрывно связанные с землёй, перемещение которых без несоразмерного ущерба их целевому назначению невозможно.

Введение международных санкций оказывает влияние на процессы регистрации прав на недвижимость через несколько механизмов.

Во-первых, санкции могут ограничивать правоспособность отдельных лиц или

компаний в отношении приобретения или распоряжения недвижимостью. Запрет на ведение сделок с определёнными субъектами или необходимость получения разрешений на сделки с иностранными резидентами ведёт к изменению стандартных правовых процедур. Во-вторых, в рамках санкционной политики могут применяться меры по замораживанию активов, что препятствует их отчуждению, использованию или включению в гражданский оборот. В-третьих, санкции могут вызывать необходимость пересмотра регистрационных процедур и введения новых механизмов контроля, включая расширение перечня документов, необходимых для подтверждения законности сделки, или введение обязательных проверок в отношении контрагентов.

Санкционные меры, введённые против России в 2022–2025 годах, привели к существенным изменениям в сфере регистрации сделок с недвижимостью. В частности, были приняты нормативные акты, направленные на защиту национальных экономических интересов и предотвращение незаконных операций с недвижимостью, в которых участвуют иностранные лица из «недружественных стран».

Согласно Указу Президента РФ от 1 марта 2022 года № 81, сделки, связанные с приобретением или отчуждением недвижимости, в которых участвуют резиденты недружественных государств, могут осуществляться только при наличии специального разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций. Это требование распространяется как на юридические, так и на физические лица, связанных с этими странами.

Указ Президента Российской Федерации от 1 марта 2022 года № 81 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями иностранных государств и международных организаций» стал ключевым актом, оказавшим прямое влияние на сферу имущественного оборота, в частности – на сделки с недвижимостью, в которых участвуют резиденты так называемых недружественных государств.

Согласно положениям Указа, с момента его вступления в силу сделки, связанные с приобретением, отчуждением, предоставлением в залог или иным образом касающиеся распоряжения недвижимостью, допускаются только

при наличии специального разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации.

На практике требование о получении разрешения повлекло за собой существенные задержки в заключении и регистрации сделок, особенно в тех случаях, когда имущество отчуждалось по срочным обязательствам (например, при реорганизации или банкротстве компаний с иностранным капиталом). Невозможность оперативного распоряжения объектами недвижимости влечёт утрату ликвидности таких активов, снижение их рыночной стоимости и, как следствие, сужение круга потенциальных участников оборота.

Итак, отметим, что согласно указу Президента от 1 марта 2022 № 81, введен особый порядок в отношении операций с недвижимостью резидентов недружественных стран. О связи с недружественным государством, как следует из текста Указа № 81, может свидетельствовать не только гражданство этих государств или место регистрации в них, но и преимущественное ведение деятельности или преимущественное извлечение прибыли в таких государствах.

Теперь для совершения таких сделок требуется получить специальное разрешение, которое будет выдавать исключительно Правительственная комиссия. В своих разъяснениях по вопросу о сделках с недвижимостью, участниками которых являются лица, имеющие два гражданства, Росреестр занял следующую позицию: в случае, когда стороной сделки является гражданин Российской Федерации, имеющий также гражданство иного государства, по общему правилу, такое лицо рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации. Таким образом, Росреестр подтвердил, что указанные граждане не являются лицами иностранных государств, совершающих недружественные действия, по смыслу Указа. Следовательно, по мнению Росреестра, для сделок резидентов с указанными лицами не требуется разрешение Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации.

Сложившаяся ситуация требует адаптации нормативно-правовой базы и разработки новых механизмов регулирования сделок с

недвижимостью в условиях санкционного режима. Одним из ключевых направлений является совершенствование законодательства, направленного на упрощение процедур регистрации недвижимости для российских инвесторов и юридических лиц. В частности, может быть расширен перечень сделок, которые могут заключаться без необходимости получения разрешений со стороны государственных органов

Законодателю следует обратить особое внимание на совершенствование систем контроля за движением капитала, направленных на предотвращение незаконного вывода средств через сделки с недвижимостью. Развитие альтернативных финансовых инструментов, таких как цифровые валюты и национальные платёжные системы, может способствовать стабилизации рынка и снижению зависимости от международных санкционных механизмов. Отметим, что юристы советуют учитывать новый порядок совершения сделок с недвижимостью и проанализировать сделки, которые планируется заключать или исполнять, с точки зрения необходимости получения разрешения Правительственной комиссии.

Подводя итог данному исследованию, надлежит сделать вывод о том, что международные санкции оказывают значительное влияние на рынок недвижимости и процессы регистрации прав на недвижимое имущество. Введение дополнительных процедур, необходимость получения разрешений и ограничение прав иностранных лиц на участие в сделках требуют тщательной проработки нормативно-правовой базы. Так, в условиях санкционного давления особое значение приобретает обеспечение прозрачности сделок, защита имущественных прав граждан и инвесторов, а также разработка механизмов, направленных на стабилизацию рынка недвижимости в условиях внешнеэкономических ограничений.

Литература

1. Захарченко В.В. Управление корпоративной недвижимостью / В.В. Захарченко. – М.: Русская полиграфическая группа, 2022. – 162 с.
2. Постановление Правительства РФ от 6 марта 2022 г. № 295 «Об утверждении Правил выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений в целях реализации дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и иных разрешений, предусмотренных отдельными указами Президента Российской Федерации, а также реализации иных полномочий в указанных целях и внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Режим доступа [URL]: <https://base.garant.ru/403615686/> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Росреестр рассказал о порядке регистрации сделок с недвижимостью, в которых участвуют лица иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении России [Электронный ресурс] // Режим доступа [URL]: <https://www.garant.ru/news/1533717/> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 (с изм. от 20.05.2024) «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Режим доступа [URL]: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 (ред. от 31.01.2025) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Режим доступа [URL]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410599/ (дата обращения: 20.03.2025).

ATARSHCHIKOVA Alena Alexandrovna

Graduate Student, International Law Institute, Russia, Moscow

*Scientific Advisor – Professor of the Department of the Educational Department
of the International Law Institute, Doctor of Law Glotov Sergey Alexandrovich*

INTERNATIONAL SANCTIONS AND REGISTRATION OF REAL ESTATE RINGS

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the impact of international sanctions on the legal regulation of registration of real estate rights in the Russian Federation. The article considers theoretical and practical aspects of the sanctions impact, as well as its consequences for the participants of civil turnover. Particular attention is paid to the restrictions imposed on real estate transactions, including asset freezing, the need to obtain special permits and control over financial settlements. The article considers ways of adapting the Russian legal system to the new economic realities, including the improvement of legislation and the creation of effective mechanisms for the protection of property rights of citizens.*

Keywords: *international sanctions, real estate, registration of rights, state registration, real estate transactions.*

ГОЛОВИНА Людмила Валерьевна

магистрантка, Ульяновский государственный университет, Россия, г. Ульяновск

ПОЛУЧЕНИЕ И ДАЧА ВЗЯТКИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация. В работе рассматривается уголовно-правовая характеристика взяточничества в Российской Федерации через анализ составов преступлений, предусмотренных ст. 290 и 291 УК РФ, а также смежных норм о посредничестве и мелком взяточничестве.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, состав преступления.

Статьи 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации, криминализирующие получение и дачу взятки соответственно, являются краеугольным камнем в системе противодействия коррупции. Эти нормы отражают принципиальную позицию государства в отношении недопустимости использования служебного положения в личных корыстных целях и подкупа должностных лиц.

Однако, несмотря на четкость законодательных формулировок, правоприменительная практика в этой сфере сталкивается с рядом сложностей, обусловленных латентностью преступлений, многообразием форм их совершения и необходимостью точной квалификации. Данное исследование направлено на всесторонний анализ состава преступлений, предусмотренных указанными статьями, а также на рассмотрение актуальных проблем их применения в современном уголовном праве России.

Коррупция, в частности получение и дача взятки, является одной из наиболее острых социальных и правовых проблем современного российского общества. Уголовное право Российской Федерации уделяет особое внимание борьбе с этим явлением, устанавливая строгую ответственность за его совершение. Данный реферат посвящен анализу основных аспектов получения и дачи взятки в контексте действующего российского законодательства [3, с. 91].

Взятка в российском уголовном праве определяется как получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо должностным лицом публичной международной организации лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия

(бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе [4, с. 13].

Объект преступления: нормальная деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и иных организаций, основанная на принципах законности, справедливости и беспристрастности.

Объективная сторона:

- Получение взятки: действия должностного лица, направленные на принятие незаконного вознаграждения.
- Дача взятки: действия лица, направленные на предоставление незаконного вознаграждения должностному лицу.
- Посредничество во взяточничестве: содействие в передаче взятки.

Субъект преступления:

- Получение взятки: должностное лицо (государственный служащий, муниципальный служащий, а также лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации).
- Дача взятки: любое физическое лицо, достигшее уголовной ответственности.

Субъективная сторона: прямой умысел. Лицо осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Основным нормативным актом, регулирующим ответственность за получение и дачу взятки, является Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) [2]. Ключевые статьи:

- Статья 290 УК РФ «Получение взятки» [2]: устанавливает ответственность за

получение должностным лицом взятки. Предусмотрены различные части статьи, дифференцирующие ответственность в зависимости от размера взятки, обстоятельств ее получения и личности взяткополучателя.

- Статья 291 УК РФ «Дача взятки» [2]: определяет ответственность за дачу взятки. Аналогично статье 290, имеет несколько частей, учитывающих различные факторы.

- Статья 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве» [2]: регулирует ответственность за действия посредника.

- Статья 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество» [2]: устанавливает ответственность за получение или дачу взятки в незначительном размере.

Уголовная ответственность за получение и дачу взятки дифференцируется в зависимости от ряда квалифицирующих признаков, таких как:

1. Размер взятки: значительный, крупный, особо крупный

2. Личность взяткополучателя: должностное лицо, занимающее определенное положение, иностранное должностное лицо.

3. Способ получения взятки: лично или через посредника.

4. Обстоятельства получения взятки: за совершение незаконных действий (бездействия), за общее покровительство или попустительство.

Санкции за совершение данных преступлений варьируются от штрафов и исправительных работ до длительных сроков лишения свободы, а также дополнительных наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Несмотря на строгость законодательства, правоприменение в сфере борьбы со взяточничеством сталкивается с рядом проблем.

К ним относятся:

1. Сложность доказывания: взятки часто передаются скрытно, что затрудняет сбор доказательств.

2. Недостаточная эффективность профилактических мер: не всегда удается создать условия, исключающие возможность совершения коррупционных преступлений.

3. Необходимость совершенствования законодательства: постоянно возникают новые формы и методы взяточничества, требующие адекватной реакции законодателя.

В последние годы наблюдается тенденция к ужесточению ответственности за коррупционные преступления, расширению перечня лиц, подпадающих под действие антикоррупционного законодательства, а также к усилению мер по конфискации имущества, полученного преступным путем. Активно развиваются механизмы международного сотрудничества в борьбе с коррупцией.

Получение и дача взятки остаются серьезной угрозой для правового государства и общества. Российское уголовное право предусматривает комплекс мер для противодействия этим преступлениям, однако эффективность борьбы с коррупцией зависит не только от законодательства, но и от его неукоснительного применения, а также от активного участия гражданского общества в формировании нетерпимого отношения к коррупции. Дальнейшее совершенствование законодательной базы и правоприменительной практики является необходимым условием для успешного противодействия этому социально опасному явлению. Тема получения и дачи взятки остается одной из наиболее острых и актуальных в современном уголовном праве России, отражая глубокую социальную проблему коррупции. Проведенный анализ позволяет сделать ряд ключевых выводов относительно текущего состояния правового регулирования и перспектив борьбы с этим явлением.

Во-первых, российское уголовное законодательство, представленное статьями 290 и 291 УК РФ, а также смежными составами, обладает достаточно широким инструментарием для квалификации и преследования коррупционных преступлений. Детализация объективной и субъективной стороны, а также наличие квалифицирующих признаков, направлены на дифференциацию ответственности в зависимости от тяжести деяния и роли участников. Однако, несмотря на это, правоприменительная практика по-прежнему сталкивается с трудностями в доказывании, особенно в части установления умысла и предмета взятки, что часто приводит к переквалификации или прекращению дел.

Во-вторых, современное уголовное право России демонстрирует тенденцию к ужесточению наказания за коррупционные преступления, что является отражением государственной политики по борьбе с коррупцией. Введение крупных штрафов, лишение права занимать определенные должности или заниматься

определенной деятельностью, а также длительные сроки лишения свободы, призваны оказать сдерживающее воздействие. Тем не менее, эффективность этих мер во многом зависит от неотвратимости наказания, которая, к сожалению, не всегда достигается.

В-третьих, важным аспектом является разграничение ответственности между взяточдателем и взяткополучателем. Законодатель предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности взяточдателя, активно способствовавшего раскрытию и расследованию преступления, что является важным инструментом для выявления коррупционных схем. Однако, этот механизм требует дальнейшего совершенствования и более широкого применения на практике, чтобы стимулировать граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами.

В-четвертых, проблема коррупции не может быть решена исключительно уголовно-правовыми методами. Необходим комплексный подход, включающий в себя профилактические меры, направленные на повышение прозрачности государственного управления, снижение административных барьеров, формирование антикоррупционного сознания в обществе, а также усиление общественного контроля. Эффективность уголовного преследования напрямую зависит от качества работы всей системы противодействия коррупции.

В заключение следует отметить, что борьба с получением и дачей взятки в современном уголовном праве России – это непрерывный процесс, требующий постоянного анализа, адаптации законодательства и совершенствования правоприменительной практики. Дальнейшее развитие должно быть направлено на повышение эффективности доказывания, обеспечение неотвратимости наказания,

стимулирование граждан к антикоррупционному поведению и, что не менее важно, на устранение глубинных причин, порождающих коррупцию в обществе. Только такой комплексный подход позволит достичь реальных успехов в искоренении этого социально опасного явления.

Литература

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), (с изменениями на 4 октября 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.10.2022.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изменениями на 29 декабря 2025 года), (редакция, действующая с 20 января 2026 года) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996 № 25 ст. 2954.

3. Окутина Н.Н. Предупреждение коррупционной преступности: учебник для вузов / Н.Н. Окутина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 296 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17387-1. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/568442> (дата обращения: 04.02.2026).

4. Подгрушный М.А. Борьба со взятничеством как коррупционным преступлением в современной России: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Саратов, 2014. – 22 с.

GOLOVINA Lyudmila Valeryevna

Graduate Student, Ulyanovsk State University, Russia, Ulyanovsk

RECEIVING AND GIVING BRIBES IN MODERN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Abstract. *The paper examines the criminal and legal characteristics of bribery in the Russian Federation through an analysis of the offences provided for in Articles 290 and 291 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as related norms on mediation and petty bribery.*

Keywords: *corruption, bribery, receiving a bribe, giving a bribe, mediation in bribery, petty bribery, corpus delicti.*

ГРУНЕВ Дмитрий Вячеславович

магистрант, Институт деловой карьеры, Россия, г. Москва

ПРЕКАРИЗАЦИЯ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ

Аннотация. *Статья посвящена анализу явления прекаризации труда в условиях цифровизации экономики и выявлению проблем правового регулирования, связанных с защитой трудовых прав работников. Рассматриваются причины и последствия распространения нестабильной занятости, включая платформенную экономику, фриланс и гибкие формы трудовых отношений, где особое внимание уделяется существующим пробелам в законодательстве и практике правоприменения, затрудняющим эффективную защиту трудящихся.*

Ключевые слова: *прекаризация труда, цифровизация экономики, правовое регулирование, трудовые права, нестабильная занятость, платформенная экономика, фриланс, гибкие формы занятости.*

Современная экономика стремительно меняется под влиянием цифровизации, так как новые технологии, платформенные сервисы и онлайн-рынки труда создают возможности для удаленной работы, гибких форм занятости и фриланса, однако одновременно порождают социальные и правовые проблемы, связанные с нестабильностью и уязвимостью трудовых отношений. Явление, которое в последние десятилетия активно обсуждается в социологической и экономической литературе, называется прекаризацией труда, которое отражает тенденцию к увеличению числа работников, занятых в условиях неполной, нестабильной и плохо защищенной занятости, где права на социальные гарантии, стабильный доход и карьерный рост ограничены или отсутствуют.

Как отмечает Н. В. Манохина: «Реальность такова, что на смену модели полной, по рыночным меркам, т. е. укладывающейся в определенные количественные рамки порядка 5–7% фрикционной и структурной безработицы, приходит иная модель занятости, в которой главной характеристикой становится ее прекаризация. Практика показывает, что в условиях цифровой экономики ко многим инновациям в сфере занятости, и прежде всего к ее прекаризации, надо быть готовым каждому субъекту» [5, с. 138]. С этим утверждением можно полностью согласиться, так как действительно в условиях цифровизации экономики привычные модели занятости постепенно утрачивают

свою актуальность. Прекаризация труда становится новой нормой, требующей от каждого участника рынка труда – как работодателей, так и работников – готовности адаптироваться к изменяющимся условиям, учитывать новые механизмы трудового регулирования и активно искать пути защиты трудовых прав.

Прекаризация труда – это не только экономический, но и социальный феномен, который влияет на жизнь миллионов людей, меняя структуру занятости и усиливая неравенство. В цифровой экономике роль платформенной деятельности, фриланса и гибких контрактов особенно возрастает, создавая иллюзию свободы и самостоятельности, но на деле ограничивая трудовые права и социальные гарантии, так как фрилансер может самостоятельно выбирать проекты, работать из любой точки мира и регулировать график, но при этом он не получает оплачиваемого отпуска, больничных, пенсионных накоплений и часто не защищен законом в случае конфликта с работодателем, что оказывается тесно связанной с неопределенностью и постоянной экономической уязвимостью.

Таблица демонстрирует основные формы прекаризации труда, их характеристики, а также преимущества и риски для работников, что позволяет наглядно увидеть, какие аспекты цифровой экономики создают нестабильность и уязвимость трудовых отношений.

Таблица

Формы прекаризации труда в условиях цифровизации экономики

Форма занятости	Основные характеристики	Преимущества для работника	Риски и недостатки
Платформенная работа (Uber, Яндекс.Такси, Delivery club)	Работа через онлайн-платформу, часто без трудового договора	Гибкий график, возможность работы удаленно	Отсутствие социальных гарантий, нестабильный доход, высокая конкуренция
Фриланс	Проектная работа, временные контракты	Самостоятельный выбор проектов, независимость	Непостоянный доход, отсутствие пенсионных и медицинских гарантий
Гибкая занятость	Частичная занятость, временные контракты, неполная рабочая неделя	Возможность совмещения с обучением или другими проектами	Ограниченные трудовые права, отсутствие стабильности и карьерного роста
Временные/сезонные контракты	Краткосрочная занятость, чаще в традиционных секторах	Быстрое трудоустройство, опыт работы	Низкая защищенность, нестабильный доход, отсутствие гарантированного трудового стажа

Причины прекаризации труда в цифровой экономике разнообразны: технологическая трансформация меняет структуру спроса на рабочую силу, а автоматизация и внедрение искусственного интеллекта сокращают традиционные рабочие места и увеличивают конкуренцию среди работников, особенно на низкоквалифицированных позициях. Кроме того, глобализация рынка труда позволяет компаниям нанимать сотрудников по всему миру, что снижает заработные платы и ограничивает возможности трудовой защиты.

На самом деле, последствия прекаризации очевидны и многогранны, так как они затрагивают экономический уровень, социальную сферу и психологическое состояние работников. Люди, занятые в нестабильных формах труда, сталкиваются с неопределенностью дохода, невозможностью долгосрочного планирования и отсутствием социальных гарантий, что ведет к росту неравенства, снижению социальной мобильности и повышению уровня стресса среди работников. В долгосрочной перспективе прекаризация может привести к ослаблению социального контракта между работниками и работодателями и подрыву доверия к государственным институтам, которые должны обеспечивать защиту трудовых прав.

В настоящее время идет работа над подготовкой законопроекта, регулирующего платформенную занятость. Закон должен поставить точку в вопросе, чем же является платформенная занятость, трудовыми или гражданско-правовыми отношениями? Или это некие

гибридные отношения, сочетающие в себе признаки тех и других? Создание нормативно-правовой базы, регулирующей платформенную занятость, повысит социальную защищенность платформенных занятых, что, в целом, должно замедлить процесс прекаризации занятости.

Кроме того, законопроект может установить минимальные стандарты условий труда для платформенных работников, включая гарантии оплаты, права на социальное страхование и охрану труда, что позволит уменьшить риски злоупотреблений со стороны платформ, таких как

- необоснованные блокировки,
- задержки выплат,
- отсутствие социальных льгот.

В долгосрочной перспективе формирование такой нормативной базы создаст более прозрачную и предсказуемую среду для платформенной занятости, что повысит доверие к цифровым платформам как работодателям и стимулирует рост легальной занятости в секторе, что может способствовать выравниванию прав платформенных работников и традиционных наёмных сотрудников, снижая уровень социального неравенства и предотвращая дальнейшую фрагментацию рынка труда.

Правовые аспекты проблемы также заслуживают отдельного внимания. Российское трудовое законодательство, в частности Трудовой кодекс РФ [1], традиционно ориентировано на стабильные трудовые отношения: полная занятость, трудовой договор, гарантированные социальные выплаты, однако в условиях

цифровой экономики многие формы занятости остаются вне рамок традиционного права.

Платформенные работники формально считаются самозанятыми, что исключает их из системы трудовой защиты, а фрилансеры и временные работники не имеют гарантий минимальной оплаты труда и социальных выплат, что создает правовой вакуум и делает их уязвимыми. Международный опыт показывает возможность решения подобных проблем: во Франции и Италии введены законы о минимальной оплате труда для водителей платформ, в Великобритании и Германии фрилансеры получают частичный социальный пакет, а Европейская комиссия разрабатывает директивы для защиты трудовых прав всех категорий работников.

Решение проблемы требует комплексного подхода. Необходимо адаптировать законодательство к цифровой экономике, расширяя понятие «трудовых отношений» на все формы занятости, включая платформенную деятельность и фриланс. Важно обеспечить минимальные стандарты оплаты труда и социальные гарантии, интегрируя гибких работников в пенсионную и медицинскую системы, также не менее значима правовая грамотность работников, чтобы они могли защищать свои права и использовать существующие механизмы правовой защиты, а международное сотрудничество и адаптация успешного зарубежного опыта помогут ускорить процессы реформирования национального законодательства и создать устойчивую правовую базу для защиты работников.

Как отмечает Н. М. Великая: «Государству необходимо предложить более эффективную систему стимулов, побуждающих самозанятых к легализации, которыми могут быть права добровольного перечисления взносов в пенсионный фонд, фонд социального страхования, урегулирование вопросов определения трудового стажа, расширение сфер деятельности самозанятых, оптимизация программного обеспечения для самозанятых. Помимо этого, важнейшей задачей государства на ближайшую перспективу остаётся общее оздоровление экономики и всего рынка труда в России, сокращение неформального сектора экономики» [3, с. 18].

Одним из ключевых направлений является совершенствование Федерального закона № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима

«Налог на профессиональный доход». Предлагается ввести возможность добровольных взносов в Пенсионный фонд РФ и Фонд социального страхования, которые будут учитываться для пенсионного стажа и права на пособия по временной нетрудоспособности, кроме того, повышение максимального дохода для применения режима НПД с 2,4 млн рублей до 4,8 млн рублей позволит большему числу высококвалифицированных самозанятых оставаться в легальном поле без перехода в статус ИП, что стимулирует официальное оформление деятельности.

Соответственно, прекаризация труда – это не только вызов, но и шанс переосмыслить трудовые отношения в цифровую эпоху, так как демонстрирует необходимость нового социального контракта, где свобода и гибкость труда сочетаются с надежной правовой защитой и социальными гарантиями, так как только комплексное регулирование, учитывающее специфику цифровой экономики, может обеспечить баланс интересов работодателей и работников, способствуя устойчивому развитию экономики и социальной стабильности.

Таким образом, можно сказать о том, что цифровизация экономики ускоряет процесс преобразования рынка труда, увеличивая долю нестабильной занятости, становясь объективным следствием этих изменений, выявляя проблемы в правовом регулировании и демонстрируя необходимость адаптации законодательства к новым условиям.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с изм. от 08.08.2024 № 269-ФЗ) // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.
2. Бучацкий А.Г. Прекаризация труда людей с инвалидностью в современной России: к постановке проблемы исследования / А.Г. Бучацкий, В.К. Антонова // Журнал исследований социальной политики. – 2025. – Т. 23, № 1. – С. 185-198.
3. Великая Н.М. Прекаризация труда молодежи как фактор формирования группы «самозанятые» / Н.М. Великая // Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 6-21.
4. Леонидова Г.В. Платформенный труд в России: особенности занятости и риски прекаризации / Г.В. Леонидова // Вестник Тюменского государственного университета.

Социально-экономические и правовые исследования. – 2024. – Т. 10, № 4(40). – С. 39-52.

5. Манохина Н.В. Прекаризация занятости в цифровой экономике / Н.В. Манохина, Н.В. Митяева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 137-144.

6. Овчинников Н.К. Сравнительный анализ российских исследований прекаризации в условиях цифровой экономики / Н.К. Овчинников, Е.В. Камнева // Проблемы теории и практики управления. – 2025. – № 6. – С. 22-34.

7. Прекаризация труда: социально-экономические риски занятости в цифровой

экономике России / Н.Ю. Кауфман, С.Ю. Зеленцова, М.И. Имамвердиева, А.А. Колесник // Фундаментальные исследования. – 2025. – № 9. – С. 28-33.

8. Слатов Д.Г. Прекаризация рынка труда в условиях санкционных ограничений / Д.Г. Слатов // Инновационные стратегии управления человеческими ресурсами: сборник научных трудов VI Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 29 марта 2024 года. – Самара: Самарама, 2024. – С. 241-247.

GRUNEV Dmitry Vyacheslavovich

Master's Student, Institute of Business Career, Russia, Moscow

**PRECARIZATION OF LABOR
IN THE CONTEXT OF ECONOMIC DIGITALIZATION:
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND PROTECTION OF LABOR RIGHTS**

Abstract. *This article is devoted to the analysis of labor precarization in the context of economic digitalization and the identification of problems in legal regulation related to the protection of workers' labor rights. The causes and consequences of the spread of unstable employment, including the platform economy, freelance work, and flexible forms of labor relations, are examined. Particular attention is paid to existing gaps in legislation and law enforcement practices that hinder the effective protection of employees.*

Keywords: *labor precarization, economic digitalization, legal regulation, labor rights, unstable employment, platform economy, freelance work, flexible forms of employment.*

ЛАЗАРЕВА Анна Викторовна

магистрантка, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск

ВНЕСУДЕБНОЕ БАНКРОТСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается внесудебное банкротство граждан как сравнительно новый инструмент социальной поддержки населения в Российской Федерации. Анализируется его социально-экономическая сущность, практическая эффективность на региональном уровне, а также выявляются ключевые ограничения, препятствующие более широкому использованию данного механизма. Делается вывод о необходимости совершенствования правоприменительной практики и институциональной поддержки внесудебного банкротства как элемента социальной политики государства.

Ключевые слова: внесудебное банкротство, социальная поддержка, долговая нагрузка населения, МФЦ, региональная политика.

В условиях социально-экономической нестабильности и роста долговой нагрузки населения проблема финансовой несостоятельности граждан приобретает особую актуальность. По данным официальных источников, значительная часть домохозяйств в Российской Федерации сталкивается с трудностями при обслуживании кредитных обязательств, что усиливает социальные риски и снижает уровень экономической безопасности граждан [9].

Закредитованность населения негативно отражается не только на уровне жизни отдельных граждан, но и на социально-экономическом развитии регионов в целом. Невозможность исполнения долговых обязательств способствует росту социальной напряжённости, формированию теневых экономических практик и снижению доверия к финансовым и государственным институтам [6, с. 18-29; 7, с. 92-108]. В этой связи возрастает роль государства в формировании механизмов социальной поддержки, направленных на восстановление платёжеспособности граждан и снижение негативных последствий долговой зависимости.

Одним из таких механизмов стало внесудебное банкротство граждан, введённое в правовую систему Российской Федерации в 2020 году в рамках реформирования законодательства о несостоятельности [1, 2].

Внесудебное банкротство представляет собой упрощённую процедуру признания гражданина финансово несостоятельным без обращения в судебные органы. Нормативной

основой данной процедуры является Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» с изменениями, вступившими в силу в 2020 году [1, 2].

С социальной точки зрения внесудебное банкротство ориентировано, прежде всего, на граждан с низким уровнем доходов, не имеющих имущества, подлежащего взысканию. Данный механизм позволяет освободить должника от непосильных долговых обязательств без значительных финансовых затрат, что особенно важно для социально уязвимых категорий населения [8, 10].

Процедура реализуется через многофункциональные центры предоставления государственных услуг, что повышает её территориальную доступность и снижает административные барьеры. Это имеет особое значение для регионов с ограниченным доступом к судебной и юридической инфраструктуре, а также для сельских и удалённых территорий [3].

Практика применения внесудебного банкротства показывает, что данный инструмент обладает значительным социальным потенциалом. По данным официальной статистики, процедура востребована среди граждан, в отношении которых ранее велись исполнительные производства, однако отсутствовали реальные возможности погашения задолженности [4]. Освобождение граждан от долговых обязательств способствует восстановлению их экономической активности, снижению социальной напряжённости и предотвращению

дальнейшего ухудшения материального положения. С точки зрения регионального государственного управления это позволяет снизить нагрузку на системы социальной помощи и минимизировать долгосрочные социальные риски [6, с. 18-29; 7, с. 92-108].

Кроме того, внесудебное банкротство выполняет профилактическую функцию, ограничивая распространение практик хронической задолженности и снижая вероятность повторного вовлечения граждан в долговую зависимость. В условиях региональных диспропорций по уровню доходов населения данный инструмент приобретает особую значимость как элемент адресной социальной поддержки [5].

Несмотря на очевидные социальные преимущества, внесудебное банкротство характеризуется рядом существенных ограничений. Прежде всего, это жёсткие критерии допуска к процедуре, включая ограничения по размеру задолженности и обязательное отсутствие имущества, подлежащего взысканию [1, 2].

Значительная часть граждан, находящихся в сложной финансовой ситуации, не соответствует установленным требованиям, что снижает охват процедуры и ограничивает её социальный эффект. Кроме того, уровень информированности населения о возможности внесудебного банкротства остаётся недостаточным, особенно в регионах с низким уровнем финансовой грамотности [3].

Отдельной проблемой является формализованный характер оценки жизненных обстоятельств заявителей. Отсутствие индивидуального подхода в рамках административной процедуры приводит к отказам, которые воспринимаются гражданами как социально несправедливые и подрывают доверие к институтам государственной поддержки [8, с. 113-124; 10].

Эффективность внесудебного банкротства во многом зависит от того, насколько активно в его реализации участвуют региональные органы власти. Формально процедура закреплена на федеральном уровне, однако именно в регионах решается вопрос её реальной доступности для населения. От работы многофункциональных центров, органов социальной защиты и местных администраций напрямую зависит, смогут ли граждане своевременно получить информацию и практическую помощь при обращении к данной процедуре [3].

На практике многие граждане узнают о возможности внесудебного банкротства уже на поздних стадиях долговых проблем, когда

условия для участия в процедуре перестают выполняться. В этой связи важной задачей регионального управления становится не только консультирование, но и разъяснение населению правовых последствий задолженности и возможных путей выхода из кризисной ситуации [7, с. 92-108]. Дополнительные возможности для повышения эффективности данного механизма связаны с развитием программ финансовой грамотности, реализуемых на региональном уровне. Подобные программы позволяют гражданам более осознанно подходить к вопросам заимствований, а также снижать риск повторного накопления долгов после завершения процедуры внесудебного банкротства [9]. В перспективе внесудебное банкротство целесообразно рассматривать не как исключительную меру, применяемую в кризисных ситуациях, а как элемент устойчивой социальной политики региона. Комплексное сочетание правовых, информационных и образовательных мер способно повысить социальную эффективность данного института и усилить доверие населения к системе государственной поддержки [6, с. 18-29; 7, с. 92-108].

Внесудебное банкротство граждан является важным инструментом социальной поддержки, направленным на снижение долговой нагрузки населения и минимизацию негативных последствий финансовой несостоятельности. Введение данной процедуры позволило создать более доступный и менее затратный механизм освобождения граждан от непосильных долговых обязательств по сравнению с судебным банкротством [1, 2].

Внесудебное банкротство обладает значительным социальным потенциалом, особенно для граждан с низким уровнем доходов и отсутствием ликвидного имущества. Его применение способствует восстановлению финансовой устойчивости домохозяйств, снижению социальной напряжённости и повышению экономической активности населения, что имеет важное значение для социально-экономического развития регионов [6, с. 18-29]. Ограничения данной процедуры заключаются в наличии жёстких критериев допуска к процедуре, недостаточной информированности населения, а также в формальном характере оценки жизненных обстоятельств заявителей. Указанные ограничения снижают охват процедуры и не позволяют в полной мере реализовать её социальную функцию [10]. Перспективы развития внесудебного банкротства во многом связаны с

активной ролью региональных органов государственного управления. Расширение консультационной поддержки на базе многофункциональных центров, развитие программ финансовой грамотности и повышение уровня правового информирования населения способны существенно повысить эффективность данного инструмента социальной поддержки. В долгосрочной перспективе внесудебное банкротство следует рассматривать как элемент комплексной региональной социальной политики, направленной на повышение качества жизни и снижение социально-экономических рисков [6, с. 18-29].

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон Рос. Федерации (ред. действующая). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 № 289-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5048.
3. Министерство экономического развития Российской Федерации. Внесудебное банкротство граждан [Электронный ресурс]: официальные разъяснения. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
4. Федеральная служба судебных приставов Российской Федерации. Статистические данные об исполнительных производствах в отношении физических лиц [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fssp.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
5. Центральный банк Российской Федерации. Обзор долговой нагрузки населения Российской Федерации. – М.: Банк России, 2024.
6. Аганбегян А.Г. Социальная политика в современной России: вызовы и ограничения // Экономические стратегии. – 2021. – № 6. – С. 18-29.
7. Григорьева И.В. Социальная защита населения как функция публичной власти // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2020. – № 3. – С. 92-108.
8. Жукова Е.А. Правовые и социальные аспекты банкротства физических лиц в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2021. – № 12. – С. 113-124.
9. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Доходы населения и долговая нагрузка в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2026).
10. Потопальский С.С., Бесельман И.В. Специфика и проблематика банкротства физических лиц в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-problematika-bankrotstva-fizicheskikh-lits-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 24.01.2026).

LAZAREVA Anna Viktorovna

Graduate Student, Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Novosibirsk

OUT-OF-COURT BANKRUPTCY AS A TOOL OF SOCIAL SUPPORT FOR THE POPULATION: EFFECTIVENESS AND LIMITATIONS

Abstract. *The article considers the out-of-court bankruptcy of citizens as a relatively new tool of social support for the population in the Russian Federation. The article analyzes its socio-economic essence, practical effectiveness at the regional level, and identifies key limitations that hinder the wider use of this mechanism. The author concludes that it is necessary to improve law enforcement practice and institutional support for out-of-court bankruptcy as an element of the state's social policy.*

Keywords: *out-of-court bankruptcy, social support, debt burden of the population, MFC, regional policy.*

ЛУСТЕНКО Екатерина Андреевна

студентка, Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
Луганская Народная Республика, г. Луганск

*Научный руководитель – доцент Луганского государственного университета
имени Владимира Даля, кандидат юридических наук Анпилогова Татьяна Юрьевна*

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ СУДЕЙ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу института мировых судей в России, восстановленного в конце XX века в рамках судебной реформы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оптимизации доступа к правосудию на локальном уровне и разрешением противоречия между высокой социальной миссией этого института и существующими организационно-ресурсными ограничениями. Целью работы является исследование процесса восстановления мировой юстиции и обоснование перспектив её развития. На основе анализа научных позиций (С. С. Алексеев, В. Л. Лебедев, О. В. Кафанова, П. В. Ветров и др.) автор рассматривает эволюцию института, выявляя как преемственность ключевых черт (местный характер, упрощённая процедура, примирительная функция), так и принципиальные отличия от исторического предшественника (профессионализация, единоличность, детальная процессуальная регламентация). В статье утверждается, что современный мировой суд, успешно выполняющий функцию процессуальной фильтрации, сталкивается с системными вызовами, связанными с его двойственным статусом (федеральное регулирование при региональном обеспечении). Это создаёт риски для обеспечения единых стандартов независимости и качества правосудия. Делается вывод, что дальнейшее развитие института требует преодоления ключевого парадокса: сохранения преимуществ территориальной близости к населению при одновременной гарантии общегосударственного уровня материального, кадрового и технического обеспечения. Решение этой задачи рассматривается как необходимое условие для трансформации мирового суда из «разгрузочного» механизма в полноценный и легитимный инструмент защиты прав граждан на местном уровне.

Ключевые слова: мировой судья, мировая юстиция, судебная реформа, доступность правосудия, судебная система, локальный уровень, восстановление института, правоприменительная практика.

Институт мировых судей, исторически укорененный в российской правовой традиции и воссозданный в конце XX века в рамках судебной реформы, представляет собой уникальный сегмент отечественной судебной системы.

Актуальность темы обусловлена тем, что изучение эволюции, современного состояния и перспектив развития данного института является не только академической, но и сугубо практической задачей, направленной на оптимизацию доступа к правосудию и повышение качества отправления правосудия на локальном уровне. Противоречия между возложенной на мировых судей высокой социальной миссией и сохраняющимися ограничениями ресурсного, кадрового и материально-технического характера определяют актуальность настоящего исследования.

Целью данной статьи является исследование процесса восстановления института мировых судей в России и обоснование перспектив его развития.

Мировая юстиция, как правовой институт, вызывает достаточно высокий научный интерес. В связи с этим многие учёные в области гражданского права анализировали понятие и содержание мировой юстиции, исследовали место мировой юстиции в судебной системе Российской империи и Российской Федерации. Так, вопросы, связанные с развитием мировой юстиции в Российской Федерации, в гражданском праве рассматривали учёные: С. С. Алексеев, В. К. Андреев, Е. В. Бадуллина, Н. С. Благодарова, Е. П. Бурдо, Е. А. Васильев, Е. Н. Воронов, В. В. Зайцева, В. С. Гаряева, О. В. Кафанова, М. Г. Коротких, П. В. Крашенинников, С. В. Лонская, Е. Д. Меньшиков, Л. Ф. Нетшинская, Л. Н. Спиркина, В. А. Селезнёв, А. Д. Пронякин,

А. Л. Шиловская, Р. С. Ягодин, А. С. Яковлев, и многие другие. Несмотря на высокую актуальность темы исследования и достаточный интерес к ней в научной литературе, в правоприменительной практике остаются вопросы, требующие разрешения.

Институт мировых судей в Российской Федерации представляет собой сложный и внутренне противоречивый элемент судебной системы. Его статус, сочетающий федеральное правовое регулирование с региональным ресурсным обеспечением, является источником как гибкости, так и системных рисков.

Функционально институт успешно справляется с задачей процессуальной фильтрации, но его социально-гарантийная миссия – обеспечение подлинно доступного и качественного правосудия – реализуется не в полной мере ввиду организационных, кадровых и процедурных ограничений. Его деятельность на стыке публичных интересов и частных прав граждан, разрешая значительный массив социально-бытовых конфликтов, непосредственно формирует повседневное правосознание населения и восприятие справедливости. Однако спустя более двух десятилетий функционирования в современной России возникает комплекс дискуссионных вопросов, лежащих в плоскости процессуальной эффективности, организационной автономии, унификации правоприменительной практики и адаптации к цифровым реалиям.

О. В. Кафанова обоснованно утверждает, что «мировые судьи являются полноценным звеном судебной системы Российской Федерации, являясь первоначальным звеном в ней и имеют необходимую не только процессуальную, но и организационную взаимосвязь с федеральными судами и, что самое главное, функционировать вне контакта с ними не могут» [1, с. 118].

В. С. Устюжанинов считает, что «в связи с близостью к населению мировые судьи обеспечивают надежную судебную защиту, особенно в условиях географической обстановки, которая серьезно ограничивает возможность обращения в суд за защитой прав и свобод (суровые климатические условия, огромные расстояния и т. д.)» [2, с. 46].

В своих работах автор В. Л. Лебедев также положительно относится к рассмотрению мировыми судьями определенной категории дел. Он полагает, что несложные дела должны рассматриваться судьями, которые непосредственно специализируются на рассмотрении

подобной категории дел. В. Л. Лебедев утверждает, что «правосудие тем самым приблизится к населению, судьи будут оперативно рассматривать дела, что в свою очередь должно повлиять на качество отправления правосудия» [3, с. 9].

По мнению П. В. Ветрова, «Определение перспективы, а точнее, построение оптимизированной модели мировой юстиции – дело будущего, возможно, не столь уж отдаленного. Такая работа требует участия не только ученых и практических работников, но и многочисленных государственных и иных организаций. Тем не менее отдельный исследователь в состоянии пусть субъективно, но все же научно обоснованно предложить концептуальные варианты развития мировой юстиции и на их базе определить основные направления ее общественного устройства» [4, с. 141].

Воссозданный институт унаследовал ключевые черты своей исторической предшественницы – местный характер (судебный участок), сокращенную и упрощенную процедуру, широкую примирительную функцию. Однако возникли и принципиальные отличия: мировой судья стал единоличным и назначаемым (законодательными органами субъекта РФ) органом, его компетенция была детально регламентирована процессуальными кодексами, а в юрисдикцию вошли не только малозначительные дела, но и ряд составов, имеющих существенное социальное значение (например, ряд преступлений небольшой тяжести). Это превратило его из «суда общественного доверия» образца XIX века в профессиональный судебный орган с четко очерченной процессуальной компетенцией, что отражало общую тенденцию к профессионализации и формализации правосудия в современном государстве.

Таким образом, дальнейшее развитие института требует комплексного переосмысления его места в судебной системе, направленного на преодоление ключевого парадокса: как сохранить преимущества территориальной близости к населению, одновременно гарантировав единые стандарты независимости, материального обеспечения и качества правосудия, не зависящие от усмотрения и возможностей региональных властей. Решение этой задачи является необходимым условием для превращения мирового суда из просто «разгрузочного» механизма в полноценный, легитимный и эффективный инструмент защиты прав и законных интересов граждан на местном уровне.

Литература

1. Кафанова О.В. Некоторые вопросы формирования мировой юстиции в Луганской Народной Республике / О.В. Кафанова // Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов. – Луганск: Луганский национальный университет имени Владимира Даля. – 2023. – № 63. – С. 112-122.

2. Устюжанинов В.А. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности / В.А. Устюжанинов // Мировой судья. – 2004. – № 16. – С. 248-253. – URL: [http://lib.ssla.ru/cgi-](http://lib.ssla.ru/cgi-bin/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe)

[bin/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe](http://lib.ssla.ru/cgi-bin/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe) (дата обращения: 09.12.2025).

3. Лебедев В.М. Становление судебной власти и судебной системы в России: проблемы, достижения, перспективы / В.М. Лебедев. – М.: Издательство «Инфра-НОРМА», 2018. – 368 с.

4. Ветров П.В. Роль мирового суда в судебной реформе современной России / П.В. Ветров // Вестник ТГУ. – 2017. – № 12. – С. 141-147. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mirovogo-suda-v-sudebnoy-reforme-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 09.12.2025).

LUSTENKO Ekaterina Andreevna

Student, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk People's Republic, Lugansk

*Scientific Advisor – Associate Professor of Lugansk State University named after Vladimir Dahl,
Candidate of Law Anpilogova Tatiana Yurievna*

RESTORATION OF THE INSTITUTION OF MAGISTRATES IN RUSSIA

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive analysis of the institution of justices of the peace in Russia, established at the end of the 20th century as part of judicial reform. The relevance of the research is determined by the need to optimize access to justice at the local level and resolve the conflict between the high social mission of this institution and the existing organizational and resource constraints. The purpose of the work is to study the process of restoring world justice and substantiate the prospects for its development. Based on the analysis of scientific positions (S. S. Alekseev, V. L. Lebedev, O. V. Kafanova, P. V. The author examines the evolution of the institute, revealing both the continuity of key features (local character, simplified procedure, conciliatory function) and fundamental differences from its historical predecessor (professionalization, uniqueness, detailed procedural regulation). The article argues that the modern world court, which successfully performs the function of procedural filtering, faces systemic challenges related to its dual status (federal regulation in regional support). This creates risks for ensuring uniform standards of independence and quality of justice. It is concluded that the further development of the institute requires overcoming a key paradox: preserving the advantages of territorial proximity to the population while ensuring the national level of material, personnel and technical support. The solution of this task is considered as a necessary condition for the transformation of the world court from a "loading" mechanism into a full-fledged and legitimate tool for protecting citizens' rights at the local level.*

Keywords: *justice of the peace, world justice, judicial reform, accessibility of justice, judicial system, local level, restoration of the institution, law enforcement practice.*

ЛУСТЕНКО Екатерина Андреевна

студентка, Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
Луганская Народная Республика, г. Луганск

*Научный руководитель – доцент Луганского государственного университета
имени Владимира Даля, кандидат юридических наук Анпилогова Татьяна Юрьевна*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИРОВЫХ СУДЕЙ В СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблем, возникающих из-за дуалистической природы института мировых судей в России, где федеральное правовое регулирование сочетается с региональным организационно-ресурсным обеспечением. Актуальность исследования обусловлена феноменом законодательного «двойника», при котором законы субъектов РФ, формально обладая высшей юридической силой на своей территории, фактически лишь дублируют федеральные предписания, не наполняя их значимым собственным содержанием. Цель работы – выявление проблемных аспектов организации деятельности мировых судей на региональном уровне и обоснование путей их решения. На основе анализа регионального законодательства (на примере Краснодарского края, Нижегородской, Пензенской областей и Чувашской Республики) и научных позиций (А. А. Мягкая, О. В. Романовская и др.) автор доказывает, что существующая модель приводит к системным дисфункциям. Ключевыми проблемами являются: прямая зависимость качества правосудия от экономического положения региона, что нарушает конституционный принцип равенства; хроническое недофинансирование и кадровый дефицит; размытость ответственности из-за отсутствия единого уполномоченного органа обеспечения; высокие риски профессионального выгорания судей и формирования «институциональной выученной беспомощности». В качестве основных направлений совершенствования автор предлагает: создание в структуре исполнительной власти субъектов РФ специализированных управлений, консолидирующих все обеспечительные функции; введение федеральных целевых субвенций для выравнивания условий деятельности в дотационных регионах; апробацию механизмов государственно-частного партнерства (например, лизинга) для обновления судебной инфраструктуры.*

Ключевые слова: *мировой судья, судебная система, субъект Российской Федерации, региональное законодательство, организационное обеспечение, финансирование, кадровые проблемы, доступность правосудия, законодательный «двойник».*

Конституционно-правовая модель мирового суда в России закрепляет его двойственную природу, что непосредственно отражается на правовом регулировании его организации на уровне субъекта Федерации. Согласно федеральному законодательству, к ведению региональных властей отнесен блок вопросов организационно-обеспечивающего характера. Региональный законодатель в этой схеме выступает не субъектом правотворчества в сфере судоустройства, а администратором делегированных федеральных задач. Его нормотворческая деятельность строго ограничена рамками, установленными федеральными законами «О мировых судьях в Российской Федерации» и «О статусе судей в Российской Федерации».

Актуальность темы обусловлена тем, что возникает феномен законодательного «двойника»: региональный закон, формально являясь актом высшей юридической силы в субъекте, по сути, дублирует федеральные предписания, не наполняя их значимым собственным содержанием.

Целью статьи является выявление проблемных аспектов организации деятельности мировых судей в субъекте Российской Федерации и обоснование путей их решений.

Так, вопросы, связанные с развитием мировой юстиции в Российской Федерации, в гражданском праве рассматривали учёные: В. К. Андреев, Е. В. Бадуллина, Н. С. Благодарова, Е. П. Бурдо, Е. А. Васильев, Е. Н. Воронов,

А. А. Демичев, В. А. Илюхина, О. В. Кафанова, М. Г. Коротких, В. Н. Лебедев, О.Н. Шеменова, и др.

По обоснованному утверждению А. А. Мягкой, «в современных условиях формирования демократического, правового и социального государства и становления полноценного гражданского общества назрела острая необходимость укрепления законности и борьбы с преступностью в качестве объективной основы для дальнейшего развития социальной профилактики как единой системы теории и практики борьбы с правонарушениями и иными антиобщественными проявлениями» [1, с. 205].

Мировые судьи, особенно в регионах с высокой нагрузкой и низким уровнем материального обеспечения, испытывают повышенное профессиональное выгорание. Статус судьи субъекта Федерации, несмотря на формальное соблюдение принципов несменяемости и неприкосновенности, зачастую воспринимается как менее престижный по сравнению со статусом федерального судьи. Это создает трудности с привлечением и удержанием высококвалифицированных юридических кадров, порождая риски для качества отправления правосудия на самом массовом уровне.

Высокая нагрузка, совмещенная с не всегда конкурентоспособным уровнем оплаты труда (особенно для сотрудников аппарата), приводит к перманентным кадровым проблемам в ряде регионов. Трудности с замещением вакансий судей и квалифицированных помощников ведут к дальнейшему росту нагрузки на оставшихся работников, формируя порочный круг. Это порождает феномен «институциональной выученной беспомощности»: судебный участок, находящийся в состоянии постоянного аврала, утрачивает способность к системному планированию, повышению эффективности процедур и проактивному решению проблем, сосредотачиваясь лишь на «тушении пожаров» – соблюдении формальных процессуальных сроков любой ценой.

Так, например, ключевым региональным актом выступает Закон Краснодарского края «О мировых судьях Краснодарского края» [2]. Его содержание, как правило, носит производный и технический характер: он конкретизирует количество судебных участков и их границы в соответствии с федеральной расчетной нормой, определяет структуру и порядок финансирования аппарата, устанавливает правила материально-технического снабжения.

Финансирование деятельности мировых судей осуществляется из бюджета субъекта РФ. Это порождает прямую зависимость качества судебной инфраструктуры от экономического благополучия региона. В дотационных и депрессивных субъектах наблюдается хроническое недофинансирование: задержки с выплатой заработной платы сотрудникам аппарата, изношенность оргтехники, отсутствие средств на необходимый ремонт помещений, невозможность внедрения современных программно-аппаратных комплексов.

Следствием становится процессуальное неравенство граждан: доступность и качество правосудия по однотипным делам начинают варьироваться в зависимости от места жительства, что противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом и судом.

Таким образом, каждый регион самостоятельно определяет численность работников аппарата, а также устанавливает их должностные обязанности. К примеру, в судебных участках Нижегородской области аппарат мирового судьи состоит из трех работников: двух секретарей и помощника мирового судьи.

Вместе с тем в большинстве субъектов Российской Федерации уполномоченными органами исполнительной власти столь необходимая для судей должность помощника мирового судьи не предусмотрена. Так, аппарат мирового судьи Чувашской Республики состоит из трех работников-специалистов разных уровней. На судебных участках Пензенской области предусмотрены должности двух секретарей (судебного участка и судебного заседания), в ряде судебных районов имеется единая для данного района канцелярия по административным делам [3].

В связи с этим нам представляется, что на уровне всех мировых судей назрела необходимость в составе их аппарата иметь должность помощника мирового судьи.

По мнению О. В. Романовской, «зачастую вопросы согласования с мировыми судьями при их решении носят весьма формальный характер» [4, с. 46].

Вопросы обеспечения мировых судей сосредоточены между различными региональными органами: финансирование – министерство финансов, имущество – управление госимущества, кадровое делопроизводство и охрана – возможно, отдельные структуры. Отсутствие единого уполномоченного органа

(аналога Судебного департамента на федеральном уровне) приводит к размыванию ответственности, бюрократическим проволочкам и отсутствию комплексного подхода к развитию мировой юстиции в регионе. Мировому судье и его аппарату приходится тратить значительные административные ресурсы на согласование вопросов с множеством инстанций, что отвлекает от основной деятельности.

О. В. Романовская обращает внимание на то, что «загруженность мирового судьи и его аппарата также напрямую зависит и от того, что при создании судебных участков законами субъекта Российской Федерации учитывается лишь требование о численности населения на одном участке от 15 до 23 тыс. человек» [5, с. 36].

Таким образом, наиболее реалистичным и быстрым путем видится принятие региональных законов о создании в структуре высшего исполнительного органа власти субъекта РФ специализированного управления (службы) по обеспечению деятельности мировых судей. Эта структура должна консолидировать все функции (финансовые, имущественные, кадровые, информационно-технические) и выступать единым оператором перед судебными участками. Для устранения финансовой асимметрии необходим федеральный механизм целевых субвенций на развитие материально-технической базы мировых судей для регионов с бюджетной обеспеченностью ниже среднероссийской.

Для решения проблем с помещениями и их содержанием в условиях дефицита регионального бюджета может быть апробирована модель долгосрочной аренды (лизинга) специально спроектированных и построенных частным инвестором зданий для размещения судебных участков с их последующим выкупом. Это позволило бы в сжатые сроки обновить инфраструктуру, переложив первоначальные

капитальные затраты на инвестора, а для региона оставив бюджетные расходы в форме регулярных арендных платежей, сопоставимых с текущими затратами на содержание.

Литература

1. Мягкая, А. А. Профилактика и пресечение правонарушений в Луганской Народной Республике: проблемы и перспективы / А. А. Мягкая // Проблемы права: теория и практика. Сборник научных трудов. – Луганск: Изд-во ЛГУ им. В. Даля. – 2016. – № 37. – С. 205–215.
2. Закон Краснодарского края «О мировых судьях Краснодарского края» // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/law/review/reg/rlawc/rlawc1772024-05-08.html?ysclid=ml5vh9grnb668760934/> (дата обращения: 23.09.2025).
3. Мировые судьи в Пензенской области. – URL: <https://58ms.ru/?ysclid=mimts2n2pp834475327> (дата обращения: 23.09.2025).
4. Романовская, О. В. О дисциплинарной ответственности судей / О. В. Романовская // Российская юстиция. – 2012. – № 9. – С. 46–51. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/distsiplinarnaya-otvetstvennost-sudey?ysclid=ml5wms33f8611930134> (дата обращения: 23.12.2025).
5. Романовская, О. В. Организация государственной власти в субъектах Российской Федерации в решениях Верховного Суда Российской Федерации / О. В. Романовская // Реформы и право. – 2009. – № 2. – С. 35–53. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17248667&=ml5wnarcy896705279> (дата обращения: 23.12.2025).

LUSTENKO Ekaterina Andreevna

Student, Vladimir Dahl Lugansk State University, Lugansk People's Republic, Lugansk

*Scientific Advisor – Associate Professor of Lugansk State University named after Vladimir Dahl,
Candidate of Law Anpilogova Tatiana Yurievna*

LEGAL ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF MAGISTRATES IN THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Abstract. *The article is devoted to the analysis of problems arising from the dualistic nature of the institution of magistrates in Russia, where federal legal regulation is combined with regional organizational and resource provision. The relevance of the study is due to the phenomenon of a legislative "double", in which the laws of the subjects of the Russian Federation, formally having the highest legal force on their territory, actually only duplicate federal regulations, without filling them with significant content of their own. The purpose of the work is to identify problematic aspects of the organization of the activities of magistrates at the regional level and substantiate ways to solve them. Based on an analysis of regional legislation (using the example of the Krasnodar Territory, Nizhny Novgorod, Penza Regions, and the Chuvash Republic) and scientific positions (A. A. Myagaya, O. V. Romanovskaya, and others), the author proves that the existing model leads to systemic dysfunctions. The key problems are: the direct dependence of the quality of justice on the economic situation of the region, which violates the constitutional principle of equality.; chronic underfunding and personnel shortage; blurred responsibilities due to the lack of a single authorized support body; high risks of professional burnout of judges and the formation of "institutional learned helplessness." As the main areas of improvement, the author suggests: the creation of specialized departments in the structure of the executive power of the subjects of the Russian Federation, consolidating all security functions; the introduction of federal targeted subsidies to equalize the conditions of activity in subsidized regions; the testing of public-private partnership mechanisms (for example, leasing) to upgrade the judicial infrastructure.*

Keywords: *justice of the peace, judicial system, subject of the Russian Federation, regional legislation, organizational support, financing, personnel problems, accessibility of justice, legislative "double".*

МИКЛЮЧЕВА Ольга Геннадьевна

студентка, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

***Аннотация.** Статья посвящена анализу земельно-имущественных отношений и, в частности, проблеме регистрации прав собственности на земельные участки. Ввиду распространения противоправных схем на рынке недвижимости, а также развития оборота недвижимости в целом, с учетом современных технологий, внедрение технологии блокчейна в качестве инструмента для повышения эффективности, прозрачности и безопасности представляется наиболее вероятным сценарием развития. В работе рассматривается международный опыт внедрения блокчейн-технологий в различных зарубежных странах, внимание уделяется препятствиям на пути повсеместного внедрения цифровых решений.*

***Ключевые слова:** цифровизация, блокчейн, регистрация прав, земельные участки, недвижимость.*

Проблема регистрации прав собственности на земельный участок приобретает особую актуальность ввиду распространения мошеннических схем на рынке недвижимости. Отмечается рост не только количественных показателей таких противоправных действий, но и качественных – используемые схемы с каждым годом становятся сложнее для выявления и пресечения, что приводит не только к финансовым потерям, но и зачастую выливается в тяжкие судебные тяжбы, подрывающие доверие участников сделки.

В качестве одного из способов решения возникших проблем предлагается внедрение передовых технологий, включая технологию блокчейн, и в данный вид правовых отношений. Интерес к цифровизации земельно-имущественных отношений с каждым годом только растет, поскольку оцифровка права собственности и оптимизация транзакций при помощи блокчейна повышают эффективность таких сделок и позволяют гарантировать прозрачность сделки для обеих сторон, а также отсутствие обременений, которые могут повлиять на продажу объекта недвижимости [1].

В первую очередь, необходимо обратиться к правовой природе права собственности на недвижимость. В настоящий момент значительная часть государств придерживается появившейся в середине 19 века системы Торренса. В соответствии с данной теорией, отличительная особенность права собственности на землю выражается в том, что оно переходит только после регистрации перехода такого права в

официальном реестре [2]. Иными словами, договор между сторонами не является достаточным основанием для возникновения правового титула. Так, собственник может подтвердить свое право не на основании акта, исходящего от другого лица, но на основании свидетельства, изданного официальными органами, уполномоченным на регистрацию прав собственности в форме официальной записи. По прошествии более полутора веков данное положение остается актуальным в большинстве государств и на сегодняшний день. Так, в Российской Федерации после совершения сделки покупателю требуется получение выписки из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), которая будет являться подтверждением его права собственности на объект недвижимости, а в США на уровне каждого штата действуют, так называемые, офисы Регистраторов (*County Recorder's Office*), которые на основании локальных законов ведут собственные реестры публичных документов, свидетельствующих о регистрации актов. Каждый округ в каждом штате должен вести собственные записи о собственности, и в каждом штате есть свои собственные законы о регистрации, описывающие требуемую процедуру регистрации. После регистрации акта он становится публичным документом. К полномочиям данных органов, однако, не относится проверка права собственности на землю или точность записанной информации, что создает возможности для

мошенничества, ввиду неполного отображения пороков или обременений.

Наиболее остро стоит проблема последующего оспаривания сделки и признания ее недействительной после полного расчета покупателя с продавцом. В качестве обоснований таких требований приводится тот факт, что лицо находилось под влиянием мошенников. Суды при этом в большинстве случаев встают на сторону продавца, обязывая покупателя вернуть объект недвижимости, при этом уплаченная денежная сумма не возвращается покупателю, так как она передается мошенникам.

Даже если покупатель действует полностью добросовестно и проявил должную осмотрительность, нет никаких гарантий что такому лицу будет возвращена полная стоимость, которую оно ранее уплатило за объект недвижимости, несмотря на установленное по закону требование о двусторонней реституции [9]. Продавец в таком случае будет выступать в роли потерпевшего от действий мошенников и, как следствие, также лишился вышеуказанных денежных средств. Наиболее негативным сценарием развития событий для покупателя в таком случае будет являться такая ситуация при которой продавец объявляет себя банкротом и практически окончательно лишает покупателя возможности на возврат своих средств.

Одной из тенденций земельно-имущественных отношений, набирающих популярность, является привлечение частных компаний для внедрения новых технологий. Одним из международных лидеров в данной сфере является компания Prooru, осуществляющая свою деятельность в различных государствах [8]. При ее содействии в 2017 году была произведена первая в мире сделка купли-продажи объекта недвижимости с использованием технологии блокчейн. Покупатель приобрел дом, не приезжая в страну, где данный объект находился, а сделка была произведена полностью посредством смарт-контрактов и с использованием криптовалюты. Несмотря на прогрессивность такого подхода, такие сделки являются редкостью. Так, первая европейская сделка была совершена спустя 2 года – в 2019 г. [7].

В то же время некоторые страны уже имеют опыт внедрения подобных технологий, хотя и преимущественно на местном уровне, а не на уровне государства. Так, в штате Вермонт (США) городская администрация заключила

соглашение о сотрудничестве с той же компанией Prooru, в рамках которого был запущен проект по регистрации документов о передаче недвижимости с использованием технологии блокчейна [6]. Такие нововведения могут не только повысить эффективность систем управления земельными ресурсами, но и обеспечить правоотношения дополнительными мерами защиты.

Отдельные государства, такие как Великобритания, Швеция и Эстония также занимаются разработкой проектов по внедрению блокчейна на тех, или иных этапах совершения сделок с недвижимостью. Например, в виде специальной платформы, позволяющей сократить объемы бумажного документооборота и ускорить процессы, либо в виде дополнительного обеспечения подлинности электронного документооборота [2].

Тем не менее на сегодняшний день процесс такой цифровизации находится на самом начальном этапе. Одним из препятствий на пути повсеместного внедрения технологий является конфликт интересов частных компаний и государственных органов. Первые полагают, что их разработки могут быть полностью переняты госсектором и проведение сделки с участием таких компаний будет приравнено к традиционным способам передачи права собственности. В то время как последние либо не заинтересованы вовсе, либо стремятся к разработке собственных платформ, хотя и с учетом существующих наработок. Несомненно, такой процесс будет происходить постепенно, начиная с внесения участниками сделки отметок в блокчейн о подтверждении факта сделки и заканчивая полной заменой государственных баз данных платформами на основе блокчейн.

Одним из государств, перешедших к заключительным этапам интеграции, является Грузия, которая на протяжении последних 10 лет ведет государственно-частное сотрудничество в данной сфере [3]. Посредством национального агентства государственного реестра Грузии представляется возможным проверять и подписывать документы, которые содержат основные данные об участниках сделки и их правах собственности на недвижимость. История и результат операции становятся общедоступными на сайте, что позволяет любому желающему найти и проверить транзакцию и

убедится в прозрачности и подлинности сделок [4].

Таким образом, традиционные подходы к регистрации прав собственности на недвижимость, включая земельные участки не отражает современной реальности и не в полной мере обеспечивает защиту прав участников сделки – рост противоправных деяний, совершаемых с использованием цифровых технологий, требует применения аналогичных инструментов для гарантий прозрачности и безопасности сделок. Несмотря на ведение баз данных государственными органами, на практике могут возникать ситуации, когда не все обременения или пороки отображены, что негативно сказывается на сделках. Использование цифровых технологий и, в частности, технологии блокчейн позволяет минимизировать различные виды рисков и гарантироваться возможность проверки всех действий с тем, или иным объектом, а исключение человеческого фактора позволяет исключить несанкционированные изменения записей. Наконец, такие технологии позволяют ускорить процесс передачи прав собственности и обмена бумажными договорами, устранить задержки, бюрократические процедуры и административные препятствия. Успешные примеры зарубежных государств показывают, что технология может быть интегрирована как на уровне отдельных этапов сделки, так и в качестве основы государственной базы данных. Частные компании, несомненно, развиваются быстрее, но государства стремятся к созданию собственных закрытых платформ, что замедляет процесс внедрения на уровне государства. Такой переход будет происходить постепенно от простых действий к полной замене традиционных государственных баз данных децентрализованными платформами и созданию безопасного и прозрачного рынка недвижимости.

Литература

1. Дубровский А.В. Основы цифровизации земельно-имущественных отношений: учебно-методическое пособие. – Новосибирск: СГУГиТ, 2024. – 78 с.
2. Silvia H. From Torrens to Tokenization: The Evolving Role of Blockchain in Real Estate // *UCLA Journal of Law & Technology*. – 2024. Vol. 29, No. 2. – 47 p.
3. Humaid S.M.A. The (Georgian) Blockchain-Based Solution to the Developing World's Problem of Byzantine Faults in Land Registers // *De Jure Journal*. – No. 15(2). – 2022.
4. Shang Q., Price A. A blockchainbased land titling project in the Republic of Georgia rebuilding public trust and lessons for future pilot projects // *Innovations / Blockchain for Global Development II*. – V.12 (№ 3/4). – 7 p.
5. Ocampo D.G., Branzoli N., Cusmano L. Crypto, tokens and DeFi: navigating the regulatory landscape // *Financial Stability Institute*. – 2023. – 50 p.
6. Vermont City Hosts Blockchain Real Estate Test Program. – Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/3RfkT8> (дата обращения: 05.01.2026).
7. CMS advises on first ever European real estate transaction using blockchain. – Электронный ресурс. URL: <https://cms.law/en/int/publication/cms-next/cms-advises-on-first-ever-european-real-estate-transaction-using-blockchain> (дата обращения: 05.01.2026).
8. Riitano D. Introduction to Propy – Real Estate Revolution. – Электронный ресурс. URL: <https://cryptoslate.com/propy/> (дата обращения: 05.01.2026).
9. Ст. 167 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025).

MIKLYUCHEVA Olga Gennadievna

Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Moscow

DIGITALIZATION OF LAND RIGHTS REGISTRATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Abstract. *The article is devoted to the analysis of land and property relations and, in particular, the problem of registration of ownership rights to land plots. Due to the spread of illegal schemes in the real estate market, as well as the development of real estate turnover in general, taking into account modern technologies, the introduction of blockchain technology as a tool to increase efficiency, transparency and security seems to be the most likely scenario. The paper examines the international experience of implementing blockchain technologies in various foreign countries, and focuses on obstacles to the widespread adoption of digital solutions.*

Keywords: *digitalization, blockchain, registration of rights, land plots, real estate.*

СТЕПАНОВ Владимир Сергеевич

студент, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова,
Россия, г. Ульяновск

Научный руководитель – доцент кафедры права

*Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова,
кандидат юридических наук Яшнова Светлана Георгиевна*

**ПЕРСПЕКТИВЫ ВВЕДЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы и возможные пути реформирования договорного представительства в сторону его монополизации адвокатами. Также в статье дается мотивированная оценка целесообразности введения адвокатской монополии в России.

Ключевые слова: адвокатская монополия, договорное представительство, реформа.

Право на обращение в судебные органы для восстановления нарушенных законных интересов выступает фундаментальным положением действующего права, которое гарантирует каждому человеку доступ к суду для решения конфликтов.

Граждане в Российской Федерации вправе представлять свои интересы в суде лично или через представителей. Представительство – это совершение процессуальных действий одним лицом (представителем) в пользу другого лица (представителя) в интересах последнего, в целях установления, изменения, прекращения для них прав и обязанностей.

С начала XXI века и по сегодняшний день законодатель предпринимает попытки к монополизации услуг договорного представительства. Идея монополизации заключается в том, что оказывать возмездные услуги договорного представительства в суде, в случае принятия адвокатской монополии, могли только лица, имеющие статус адвоката.

Реформируя законодательство, необходимо оценивать возможные позитивные и негативные последствия, которые неизбежно будут иметь место. Наилучший в данном случае способ познания, по нашему мнению, это опытный. Только опытный путь познания наглядно продемонстрирует последствия реформ, реакцию граждан, изменения в отрасли и экономической жизни в целом. На примере адвокатских монополий Великобритании и Франции очевидным становится яркий исторический аспект адвокатской монополии, иначе говоря

монополизация в указанных странах результат не реформы, а постепенно сложившегося института. То есть адвокатская монополия не всегда является результатом резкого перехода, который, безусловно, помимо позитивных последствий будет иметь и резко негативные, например в виде повышения цен на услуги адвокатов на фоне уменьшения предложения на рынке юридических услуг, но и постепенного исторического развития, самосовершенствования системы и повышения качества услуг представителей.

Намерение государства монополизировать представительство выражается в законодательных инициативах его исполнительных органов. Так, Министерство Юстиций РФ подготовило Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором Минюст указывает на право государства устанавливать требования к лицам, оказывающим услуги представительства в суде, так как в соответствии с Конституцией РФ лицо имеет право на квалифицированную юридическую помощь. Законодатель полномочен установить критерии квалифицированной юридической помощи и обусловленные ими особенности допуска тех или иных лиц в качестве защитников или представителей в конкретных видах судопроизводства, но при этом должен обеспечивать баланс публичных интересов и законных интересов лица при выборе представителя, не допуская несоразмерного ограничения как

права на судебную защиту, так и права на юридическую помощь.

Фактически, предложенный Минюстом законопроект запрещает юристам, не имеющим статуса адвоката, быть договорными представителями в суде. По мнению Минюста, предлагаемые изменения будут способствовать профессионализации сферы юридических услуг, повышению качества представления интересов в судах, и, как следствие, качества самого судебного разбирательства, а также усилению гарантий реализации конституционных прав на получение квалифицированной юридической помощи и судебную защиту нарушенных прав.

В исследовании, проведенном исследовательским центром «АВЛ» и озвученных с трибуны Государственной Думы на Круглом столе фракции КПРФ на тему «Защита прав граждан в сфере юридических услуг: роль государства и профессиональных сообществ» Шайдулиной В. К. указаны предполагаемые последствия введения адвокатской монополии, а именно рост цен на услуги адвокатов на 155%, массовое снижения предложения на рынке услуг договорного представительства в суде, так как лишь только 10% юристов, осуществляющие деятельность по представлению интересов доверителей в суде без статуса адвоката готовы, в случае введения адвокатской монополии, получить такой статус. Более того, в исследовании указано и уменьшение бюджетных поступлений, согласно указанному исследованию, порядка 20–25 миллиардов рублей в год.

Установив факт того, что действующая система договорного представительства в России имеет проблемы, необходимо определить возможные пути их преодоления. Реформирование институтов социальной сферы общества не должно затрагивать их фундаментальные основы. Не менее важным является и сохранение их самобытности, корректировки должны иметь место только в определении «правил игры» и создании условий для наилучшего процесса саморазвития данного института.

Для того, чтобы минимизировать количество случаев, когда граждане, обращаясь за помощью к юристам-представителям, получали некачественные юридические услуги, необходимо не устанавливать барьеры для входа в профессию, а создать реестры, в которых бы числились все субъекты рынка договорного представительства РФ. В таком случае каждый гражданин, заинтересованный в качественной

юридической помощи, мог бы открыть этот реестр и увидеть, к какому юристу стоит обратиться, а к какому нет.

Для того, чтобы выбор представителя был наиболее объективным и отвечал запросам доверителя, предлагается в реестре договорных представителей указывать:

1. ФИО лица, оказывающего услуги договорного представительства, наименование такой организации или наименование индивидуального предпринимателя.
2. Наличие или отсутствие высшего юридического образования, учёной степени по юридической профессии или статуса адвоката.
3. Стаж оказания услуг договорного представительства.
4. Рейтинг представителя, формируемый по следующим критериям: количество решений суда, принятых в пользу доверителя представителем; добросовестность представителя – по десятибалльной шкале в зависимости от применённых судом к представителю штрафных санкций.
5. Цену оказания услуг договорного представительства из расчёта одного участия представителя в судебном процессе.
6. Отрасль права, по которой специализируется рассматриваемый представитель.

Указанный реестр предоставит лицу, нуждающемуся в представителе наиболее объективную информацию о потенциальном представителе.

Таким образом, для решения проблем, возникающих в сфере договорного представительства юристами не адвокатами, совсем не обязательно вводить адвокатскую монополию, тем самым устанавливая барьеры для входа в профессию частнопрактикующим юристам, а можно обойтись постепенной реформацией представительства, сохраняя тем самым его самобытность.

Литература

1. Малов А.А. Участие адвоката в гражданском процессе: учебное пособие для магистрантов / А.А. Малов, Ю.Д. Подольский, Е.Р. Русинова и др.; под ред. Н.А. Чудиновской. – М.: Статут. 2020. – 173 с.
2. Смирнов В.Н. Адвокатура и адвокатская деятельность: учебное пособие. / В.Н. Смирнов, А.С. Смыкалин. – М. Проспект. 2017. – 186 с.
3. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства:

промежуточные итоги / В.В. Витрянский. – М.: Статут. 2018. – 780 с.

4. Цискаришвили А.В. Адвокатская монополия: опыт зарубежных стран // Вопросы российского и международного права. 2016. № 5. С. 138-146.

5. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/07-25/00158248) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 11.07.2025) // <https://www.minjust.gov.ru/ru/events/50801/>.

STEPANOV Vladimir Sergeevich

Student, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Law
of the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov,
Candidate of Law Yashnova Svetlana Georgievna*

PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF A LAWYER'S MONOPOLY IN MODERN RUSSIA

Abstract. *The article discusses the prospects and possible ways of reforming contractual representation towards its monopolization by lawyers. The article also provides a motivated assessment of the expediency of introducing a lawyer's monopoly in Russia.*

Keywords: *lawyer's monopoly, contractual representation, reform.*

ТЕТЁРКИН Сергей Гаврилович

студент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматривается роль государственного управления в обеспечении законности и правопорядка в России. Основное внимание уделяется анализу функций государственных органов, инструментария и механизмов реализации законодательства и взаимодействия различных структур, ответственных за поддержание правопорядка.

В рамках статьи осуществляется системный анализ доктринальных подходов к концептуализации понятия законности. Особое внимание уделяется детерминации ее фундаментальной роли в гарантировании конституционных прав и свобод индивида и гражданина, а также оптимизации эффективности функционирования правоохранительных органов.

В статье автором обсуждаются основные проблемы, с которыми сталкивается государственное управление в сфере обеспечения правопорядка. Автором рассматриваются современные подходы к совершенствованию государственного управления и развитие институтов гражданского общества.

Ключевые слова: законность, правопорядок, государственное управление, гражданское общество, правоприменение, правовые нормы.

Фундаментальным столпом правового государства и ключевым ориентиром для всех ветвей государственной власти традиционно признается принцип верховенства права. В реалиях современной Российской Федерации этот постулат приобретает особую актуальность, особенно в контексте функционирования правоохранительных структур. От того, насколько последовательно органы внутренних дел придерживаются закона, напрямую зависят не только правомерность их управленческих решений, но и общее состояние правосознания в обществе, уровень доверия населения к государственным институтам, эффективность поддержания общественного порядка и обеспечения безопасности граждан.

Основной закон Российской Федерации, а именно, Конституция, в статье 15 закрепляет приоритет законодательства в качестве базы правовой системы, устанавливая его обязательность для каждого субъекта права без исключений. Практически любые действия государственных структур, полиции и иных подразделений внутренних дел, должны осуществляться исключительно в строгом соответствии с действующими правовыми актами, тем самым, исключая произвольные толкования норм и отклонения от установленных процедур. Таким образом, соблюдение законности

выполняет сугубо юридическую функцию как показатель подлинной демократичности государственного управления и реальной гарантией защиты прав и свобод человека [1].

Наиболее отчетливо значимость принципа верховенства права проявляется в рутинной деятельности сотрудников правоохранительных структур. Сотрудники, в силу своих должностных полномочий, постоянно контактируют с обществом, применяют меры административного воздействия и стоят на страже общественной безопасности. В данном контексте принцип законности подразумевает строжайшее, неуклонное следование букве и духу нормативно-правовых актов во всех сферах их компетенции – начиная от осуществления патрульной службы и документирования правонарушений, до проведения оперативно-розыскных мероприятий и организации внутренних управленческих процессов ведомства. Речь идет как о персональной ответственности каждого должностного лица, так и о системной ответственности всей ведомственной структуры в целом, в рамках стратегического курса, заданного Министерством внутренних дел.

Несмотря на фундаментальное значение принципа законности для работы госаппарата и его должностных лиц, в российской юриспруденции до сих пор нет единого мнения о его

сути и содержании. Так, Д. О. Нестеров и М. С. Строгович видят законность как базовую идею, требующую всеобщего соблюдения правовых норм в общественных отношениях [9]. В свою очередь, А. А. Акланов считает её методом государственного принуждения, используемым должностными лицами [5].

В. В. Борисов и С. Н. Керамова, в свою очередь, полагают, что внедрение законности в деятельность чиновников создает особый «режим законности», где все участники общественных отношений добровольно соблюдают правовые предписания. По нашему мнению, законность – это уникальное политико-правовое явление, обусловленное развитием общества [8, с. 320-322].

С точки зрения теоретического осмысления административного права, законность интерпретируется как специфический правовой режим, при котором функционирование государственных органов осуществляется в строгом соответствии с установленными нормами. При этом само понятие закона не сводится к сугубо формальному нормативному акту, а представляет собой совокупность логически взаимосвязанных, однозначно трактуемых и внутренне гармоничных правовых предписаний [10, с. 228-229].

Ряд исследователей подчеркивают, что законность является не просто юридической, но и глубокой этической категорией, поскольку ее неукоснительное соблюдение способствует формированию правовой культуры, укреплению гражданской сознательности и воспитанию безусловного уважения к правовым нормам как таковым – как среди сотрудников правоохранительных органов, так и в широких слоях населения.

Анализ государства невозможно без изучения государственной власти, которая является ключевым аспектом, как революционных преобразований, так и существования государства. Понятия «государственная власть» и «орган государственной власти» определяют смысл и структуру концепции разделения властей. В данной статье предлагается следующее определение: государственная власть – это необходимый элемент функционирования организованного общества, осуществляемый специально созданными государственными органами в рамках системы разделения властей.

Обеспечение безопасности – совместная ответственность федерации и регионов (ст. 72 Конституции РФ). Федеральный закон № 390-ФЗ определяет правовое регулирование в этой сфере. Государственная политика безопасности, включающая комплекс мер, реализуется органами власти и обществом на основе Стратегии национальной безопасности [1].

Указ Президента РФ от 14.11.2013 № Пр-2685 («Концепция общественной безопасности») заложил основы государственной политики в этой сфере. Документ определяет стратегию обеспечения общественной безопасности и служит платформой для сотрудничества государственных структур, гражданского общества и всех проживающих в России. В свою очередь, Стратегия национальной безопасности РФ (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400) [3] подтверждает общественную безопасность как один из ключевых национальных приоритетов, необходимый для защиты и реализации национальных интересов страны [4].

Обеспечение общественной безопасности является приоритетом государственной политики России. В свою очередь, именно государство прогнозирует угрозы и планирует меры для их предотвращения. Общественная безопасность предполагает защиту людей, их имущества и культурных ценностей от различных угроз: терроризм, экстремизм, наркопреступность, коррупция, нелегальная миграция, износ инфраструктуры и риски чрезвычайных ситуаций [7, с. 81-84].

Общественный порядок и безопасность тесно связаны: укрепление порядка повышает безопасность. Общественный порядок означает нормальное функционирование социальных отношений и отсутствие угроз, что создает условия для спокойствия и защиты личности и собственности. Он, в свою очередь, обеспечивает общественную безопасность. Согласно части 2 статьи 3 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», полиция также руководствуется законами субъектов РФ по охране общественного порядка и безопасности в рамках своей компетенции [2].

Структура органов государственного управления в сфере законности разделяется на ведомства и учреждения, представленные на рисунке 1.

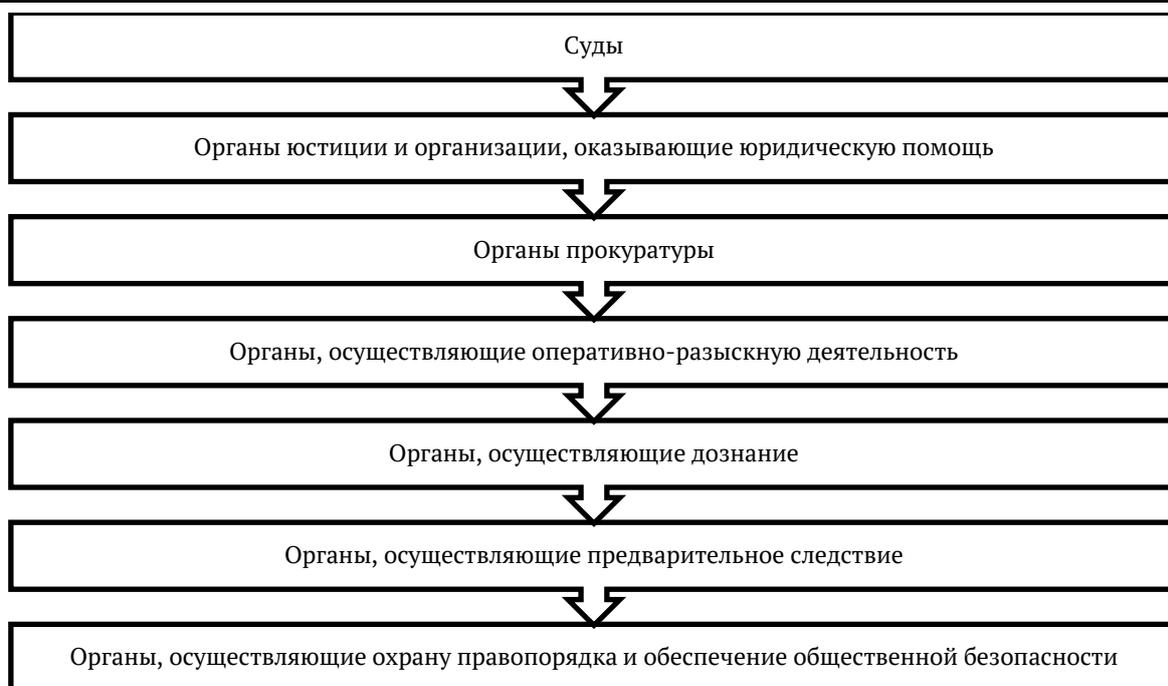

Рис. 1. Структура органов госуправления в сфере законности и правопорядка [11, с. 43-46]

Судебная власть в себя включает разные уровни судов для контроля исполнения правосудия. Министерство юстиции обеспечивает исполнение судебных решений и работу судебной системы, а прокуратура следит за соблюдением законов. Оперативно-разыскные действия и следствие ведут специализированные

органы, правопорядок поддерживают силовые структуры, а юридическую помощь оказывают адвокаты и нотариусы.

Таким образом, данные прокуратуры за 2022–2024 годы показывают изменения в уровне правонарушений на территории РФ (рис. 2).

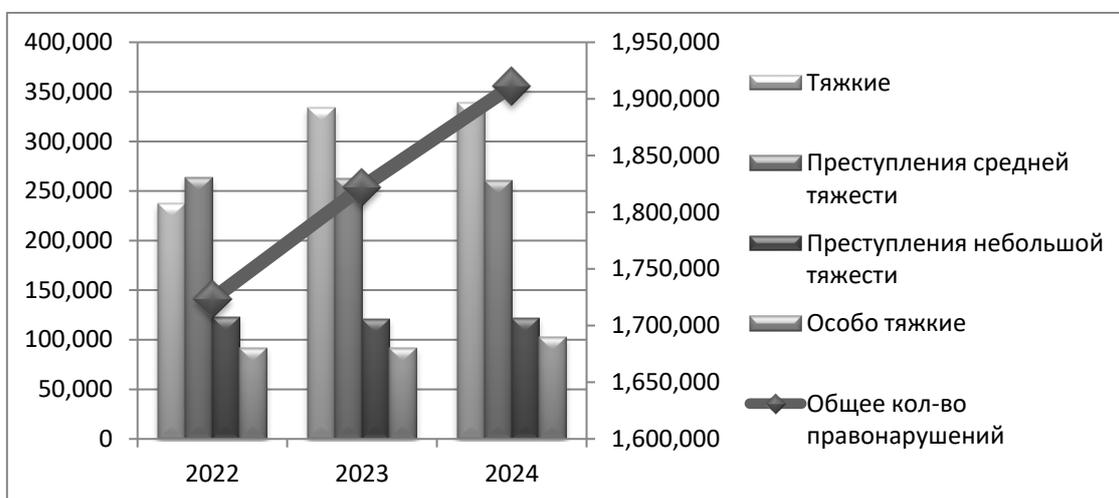

Рис. 2. Структура преступности по категориям в Российской Федерации, 2022–2024 гг. [13]

Анализ данных по структуре преступлений в РФ за 2022–2024 годы показывает общий рост правонарушений с 1 723 421 до 1 911 258, что указывает на ухудшение криминогенной обстановки. Наибольшее увеличение наблюдается среди тяжких преступлений – с 237 560 в 2022 году до 339 472 в 2024 году. Преступления средней и небольшой тяжести остаются относительно стабильными, в то время как

количество особо тяжких преступлений увеличилось с 92 104 до 103 013 [6].

На внегородских транспортных магистралях зафиксировано 13 разбойных нападений (–27,8%) и 30 грабежей (–14,3%). Общее число раскрытых преступлений составило 899 600 (–9,8%), из которых 425 000 требовали обязательного предварительного следствия. Основная часть расследований (77,3%) проводилась

органами внутренних дел. Нераскрытыми остались 902 300 уголовных дел (+1,5%), эффективность раскрытия преступлений прошлых лет снизилась на 12,8% [13]. Количество выявленных преступников уменьшилось на 11,2%, достигнув 666 300 человек. Снизилась доля лиц без постоянного дохода среди преступников с 63,7% до 60,8%, а доля ранее судимых – с 31,2% до 28,9%. Рецидивная преступность составляет 57,1% от общего числа расследованных дел. Алкогольное опьянение зафиксировано в 19,8% случаев, участие несовершеннолетних – в 2,9% [14, с. 86-107].

Причина кроется в том, что несоблюдение правовых норм среди должностных лиц, в особенности, в Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН), связано с недостаточной правовой культурой и профессиональной деформацией.

Аналогично, нарушения трудовых прав граждан становятся все более частыми, что проявляется в дискриминации при трудоустройстве, неправомерных увольнениях и угрозах. В России наблюдается модернизация системы управления законностью, вызванная новыми угрозами, такими как терроризм и киберпреступность. Для улучшения концепции законности важно:

- Сделать соблюдение прав неотъемлемой частью отношений;
- Требовать соблюдения прав от всех участников, включая государство;
- Адаптировать законодательство к современным реалиям;
- Уточнить принцип «разрешено все, что не запрещено законом». Законность должна подразумевать правомерность всех действий.

В работе правоохранительных структур наблюдаются системные вызовы, которые значительно препятствуют поддержанию правопорядка и законности. Среди основных из них, можно выделить:

- Несовершенство законодательной основы, ее неполноту, внутренние противоречия и разноречивость в правоприменении;
- Достаточно слабое правосознание и недостаточная юридическая грамотность у определенных категорий сотрудников;
- Случаи превышения должностных полномочий, использования служебного положения в личных целях или формального выполнения обязанностей;
- Слияние внутриведомственной обособленности, нездоровой корпоративной

солидарности и так называемой «культуры лояльности», а это, очень часто, препятствует эффективному выявлению и пресечению противоправных действий.

Для преодоления обозначенных выше трудностей требуется системная и планомерная работа, охватывающая правовую, организационную и кадровую сферы, целью которой является создание непоколебимого режима законности внутри правоохранительных органов [12, с. 280-282]. В числе первоочередных мер, направленных на укрепление правопорядка и доверия к государственным институтам, следует выделить:

- Модернизацию нормативно-правовой базы, с упором на достижение максимальной ясности, однозначности, доступности и простоты восприятия всех юридических предписаний;
- Значительное повышение уровня профессиональной подготовки персонала на всех служебных ступенях – от рядовых сотрудников до высшего руководства, с акцентом на формирование глубокого правосознания и безупречных этических принципов;
- Создание всеобъемлющей системы надзора за соблюдением законодательства, охватывающей как внутренний служебный контроль, так и внешний мониторинг с участием институтов гражданского общества, правозащитных организаций и органов прокуратуры;
- Внедрение действенной системы стимулов для строгого следования правовым стандартам, сочетающей поощрение за безупречное исполнение обязанностей с неотвратимостью наказания за любые проступки и злоупотребления властью.

Таким образом, ключевой принцип законности в сфере государственного управления, особенно критически важной деятельности правоохранительных органов, выполняет двойную роль: он одновременно служит надёжной гарантией соблюдения прав и свобод граждан, а также выступает фундаментом для формирования предсказуемой, прозрачной и стабильной правовой среды. Именно подлинное верховенство закона является краеугольным камнем для создания действительно эффективной и ориентированной на интересы общества системы МВД, способной выполнять свои задачи без отклонений, нарушений и угрозы утраты общественного доверия.

Для повышения уровня правопорядка и законности, непосредственно, в работе

госслужащих исполнительной ветви власти крайне важно усовершенствовать всю систему общественного надзора, в особенности, в части защиты прав человека, за деятельностью государственных, и прежде всего, правоохранительных органов. Сам же принцип законности в деятельности государственных структур должен быть изначально ориентирован на правоохранительную функцию.

На наш взгляд, простого закрепления принципа законности и порядка его соблюдения в нормативно-правовой базе государства, регулирующей деятельность должностных лиц исполнительных органов, недостаточно, поскольку это является лишь формальной декларацией, не обеспечивающей реального эффекта. Исходя из этого, прежде всего, важно разработать и постоянно улучшать практический инструментарий для воплощения правовых норм непосредственно в повседневной работе государственных служащих.

Тем не менее, именно неукоснительная приверженность правовым нормам гарантирует прочность государственных основ, защищает граждан от любых проявлений беззакония и служит надежным юридическим базисом для совершенствования демократических структур.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2026).
2. Указ Президента РФ от 26.07.2011 № 988 «О межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 11. – Ст. 1500.
3. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 5. – Ст. 1224.
4. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 12. – Ст. 1435.
5. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2025) «О безопасности» // Собрание законодательства РФ – 2011 – № 1 – Ст. 2.
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ – 2021 – № 27 – Ст. 5351.
7. Акланов А.А. Законность как принцип организации и деятельности органов исполнительной власти // Государство и право. 2023. № 1 (36). С. 81-84.
8. Ануфриева Е.Ю. Анализ динамики совершенных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, в 2020–2024 гг. / Е.Ю. Ануфриева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 22 (573). – С. 320-322. – URL: <https://moluch.ru/archive/573/126114/> (дата обращения: 18.06.2025).
9. Балашов А.Н. Основы теории электронных доказательств: монография / Балашов А.Н., Балашова И.Н., Бахтеев Д.В. и др.; под ред. С.В. Зуева. М. Юрлитинформ, 2019. 398 с.
10. Керимова С.Н. Законность как основной принцип деятельности органов исполнительной власти // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 228-229.
11. Нестеров Д.О. Теория и практика реализации законности и правопорядка в деятельности органов исполнительной власти // Проблемы в российском законодательстве. 2021. № 3. С. 43-46.
12. Никогосян Д.Е. Принцип законности в государственном управлении внутренних дел: теоретические и практические аспекты / Д.Е. Никогосян. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 15 (566). – С. 280-282. – URL: <https://moluch.ru/archive/566/124086/>.
13. Смоленский М.Б. Теория государства и права / М.Б. Смоленский, Л.Ю. Колюшкина. – М.: Дашков и Ко, Наука-Пресс, 2016. – 288 с.
14. Соловьева Н.В. Основы обеспечения правозащитной функции федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации // Актуальные проблемы современной науки и практики. Вестник МГЭИ. 2021. № 2. С. 86-107.
15. Состояние преступности в Российской Федерации по данным МВД России за 2024 год URL: https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf (Дата обращения: 14.06.2025).
16. Судебная статистика РФ [Электронный ресурс]: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/80> (дата обращения: 18.06.2025).

TETERKIN Sergey Gavriilovich

Student, Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Russia, Moscow

PUBLIC ADMINISTRATION IN THE SPHERE OF LAW AND ORDER ENFORCEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article examines the role of public administration in ensuring legality and law and order in Russia. The main focus is on analyzing the functions of government agencies, the tools and mechanisms for implementing legislation and the interaction of various structures responsible for maintaining law and order.*

The article provides a systematic analysis of doctrinal approaches to the conceptualization of the concept of legality. Special attention is paid to determining its fundamental role in guaranteeing the constitutional rights and freedoms of individuals and citizens, as well as optimizing the effective functioning of law enforcement agencies.

In the article, the author discusses the main problems faced by public administration in the field of law enforcement. The author examines modern approaches to the improvement of public administration and the development of civil society institutions.

Keywords: *legality, law and order, public administration, civil society, law enforcement, legal norms.*

ШУМКОВА Анна Борисовна

магистрантка, Курганский государственный университет, Россия, г. Курган

ДОКАЗЫВАНИЕ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ ДОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрен порядок производства дознания в сокращенной форме по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Анализ упрощений, касающихся доказывания при производстве дознания в сокращенной форме, позволяет сделать вывод о том, что они могут привести к нарушению принципа упрощения, согласно которому упрощать явление воз можно в любых объемах, но при обязательном сохранении его сущности. Как следствие, уголовно-процессуальная форма дознания в сокращенной форме вступает в противоречие с онтологическими, гносеологическими и правовыми основами судопроизводства, теряет присущую судопроизводству качественную определенность. Разрешение судами вопроса вины и меры наказания оказывается в зависимости от выводов органов дознания.

Ключевые слова: дознание, подозреваемый, сокращенная форма дознания, уголовно-процессуальный кодекс, ходатайство, постановление.

Данная модель упрощенного судопроизводства по уголовным делам реализовалась в связи с принятием Федерального закона от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1]. В свою очередь основу этого закона составил Проект Федерального закона № 632173-5 «О внесении изменений в Уголовно- процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института сокращенной формы уголовного судопроизводства [2, с. 32-34]. Хотя концептуальная основа осталась прежней (очевидно, что моделью для нее послужила протокольная форма). Одним из главных дополнений к первоначальному проекту стало введение существенных изменений по проведению доследственной проверки и соответственно – получению доказательств ранее не существовавшими способами. Таким образом, новшества в правилах доказывания, с которыми сопряжено проведение дознания в сокращенной форме, оказались связаны с системными изменениями в правилах получения доказательств т. н. «альтерпроцессуальным», т. е. не следственным путем. Новеллы в производстве доказывания по сокращенному дознанию надо рассматривать в комплексе изменений, коснувшихся процедуры собирания доказательств, вне сенными Федеральным законом № 23-ФЗ, которые в свою очередь можно считать небольшим, но правильным шагом по направлению к реформе нашего доказательственного права. Синхронизировав эти новшества, законодатель сделал первый шаг не только

к разработке новых правил уголовно-процессуального доказывания, суть которых в деформализации доказывания, реформе предварительного производства по уголовному делу, а вместе с тем – структурной перестройке всего нашего процесса. К сожалению, окончательная редакция закона о сокращенном дознании наряду с достоинствами сохранила некоторые конструктивные недостатки, которые уже изначально были в законопроекте, более того, поддавшись не всегда оправданной критике, федеральное законодательное собрание усугубило некоторые из этих недостатков и даже добавило к ним новые.

В качестве позитива укажу на то, что законодатель отчасти предупредил возникновение опасности в виде разночтения в стандартах доказывания при доказывании в обычном формате предварительного расследования и в форме сокращенного дознания: в обновленную модель доказывания вполне органично вписываются те способы получения доказательств, которые характерны для сокращенной процедуры [3, с. 2-3]. Можно сказать, что необходимость упрощения процедуры досудебного производства заставила законодателя пересмотреть не которые каноны теории доказательств: допустимость проведения следственных действий до возбуждения уголовного дела, получение доказательств не только следственными действиями, но и проверочными действиями, проводимыми до вынесения постановления о возбуждении дела, расширение круга субъектов. Главные «сокращения» коснулись следующих параметров дознания: 1) сроки;

2) доказывание; 3) объем процессуальных действий, 4) гарантии прав личности. Эти моменты требуют принципиального анализа в контексте рассматриваемой нами проблематики. Коротко суть нового процессуального явления можно охарактеризовать так: сокращение при уплотнении, чревато непредсказуемостью. В первую очередь надо сказать о сроках, ведь именно они определяют нормативную природу уголовно-процессуального доказывания. Сжатость срока при одновременном увеличении объема процессуальных действий – характерная черта сокращенного дознания, что откладывает отпечаток на доказывании. Анализ законодательства позволяет сделать вывод, что 15-суточный срок, который может быть официально продлен прокурором до 20 суток, не является точным сроком сокращенного дознания. Из требования закона о том, чтобы обвинительное постановление было составлено в течение 10 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме (часть 3 статьи 226.7 УПК РФ), вытекает, что к этим десяти суткам может быть добавлено не менее трех суток (двое суток плюс 24 часа): таков смысл части 2 статьи 226.3 и статьи 226.4 УПК РФ.

Ввиду того, что срок сокращенной формы отсчитывается не с момента возбуждения уголовного дела, а с момента вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме (часть 1 статьи 226.6 УПК РФ), получается, что трехсуточный срок (в ходе которого происходит позиционирование сторон относительно перспективы сокращения дознания) может затянуться, если дознаватель заранее не получил согласия потерпевшего и подозреваемого на проведение дознания в сокращенной форме. Это объясняется тем, что вызов указанных лиц, получение от них согласия может непредвиденно растянуться, даже если предположить, что вызовы будут осуществляться с помощью СМС-сообщений. Хотя если исходить из буквы закона, то постановление о возбуждении уголовного дела только в отношении конкретного лица и последующее за ним постановление о проведении дознания в сокращенной форме составляют элементы единой формы, что исключает элементов обычного дознания и доказывания в период после возбуждения уголовного дела и до перехода на режим сокращенного дознания [4, с. 44-45]. По смыслу части 3 статьи 226.7 УПК РФ срок упрощенного дознания, а значит и время на доказывание фактов

по делу, меньше 15 суток (если не считать «первичный срок»). Что еще более сжимает пружину доказывания по данной категории дел. Поскольку «обвинительное постановление должно быть составлено не позднее 10 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме, постольку доказывание должно быть завершено в именно в этот срок и материалы дела подготовлены для передачи прокурору и заинтересованным лицам для ознакомления (часть 1 статьи 226.7 УПК РФ).

Значит, вся информация, значимая для принятия итогового процессуального решения по делу, расследованному в форме сокращенного дознания, должна быть получена и процессуально оформлена в течение 10 суток, к этому мы можем добавить «первичный» (2-3 суточный срок), нужный дознавателю и участникам для «разбега», чтобы перепрыгнуть на сокращенный формат, и время доследственной проверки. Официальный срок доказывания при сокращенном дознании будет, таким образом, 13 суток, к нему может добавиться 3 суточный срок доследственной проверки (который может быть продлен до 30 суток). В целом можно говорить о предельных 43 сутках, в течение которых уголовное дело должно быть подготовлено для направления в суд. И мы видим, что большая часть этого срока приходится на время до возбуждения уголовного дела (по крайней мере, такая возможность допустима, все здесь зависит от позиции прокуратуры).

Полагаю, поэтому основная часть доказывания должна происходить именно в этот промежуток, тогда же дознаватель должен подготовить условия для того, чтобы провести вторую, процессуальную (и во многом формальную) часть «сокращенной процедуры».

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // Собрание законодательства РФ, 2001. – № 52 (Ч. I), ст. 4921.
2. Арестова Е.Н. Новый процессуальный акт – ходатайство подозреваемого о производстве дознания в сокращенной форме // Российская юстиция, 2013. – № 11. – С. 32-34.
3. Гирько С.И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Российский следователь, 2013. – № 21. – С. 2-5.

4. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья, 2013. – № 6. С. 43-46.

5. Рыжаков А.П. Правоохранительные органы: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. – М., 2014. – С. 132.

6. Алиммирзаев А.А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/kriminal-process/dokazyvanie-v-sokrawennyh-formah-ugolovnogo-sudoproizvodstva-podelam-publichnogo.html>.

SHUMKOVA Anna Borisovna

Undergraduate Student, Kurgan State University, Russia, Kurgan

EVIDENCE IN THE ABBREVIATED FORM OF INQUIRY

Abstract. *The article considers the procedure for conducting an inquiry in an abbreviated form according to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The analysis of simplifications concerning evidence in the course of an inquiry in an abbreviated form allows us to conclude that they may lead to a violation of the principle of simplification, according to which it is possible to simplify a phenomenon in any volume, but with the indispensable preservation of its essence. As a result, the criminal procedural form of knowledge in an abbreviated form comes into conflict with the ontological, epistemological and legal foundations of legal proceedings, and loses the qualitative certainty inherent in legal proceedings. The courts' resolution of the issue of guilt and punishment depends on the conclusions of the investigative authorities.*

Keywords: *inquiry, suspect, abbreviated form of inquiry, Code of Criminal Procedure, petition, resolution.*

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 6 (292)

Часть II

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 10.02.2026г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40